

Матрена Кростышевская

**ХРАНИТЕ ВАШУ
БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ**

Annotation

Кто поймет душу женщины? Море подарило дожу Муэрто супругу, только вот она этому, кажется не рада. Не дело женщины разбираться в хитросплетениях политических интриг, противостоять заговорам, сохраняя при этом холодный разум и твердое сердце. Дож с этим согласен, и собирается вот-вот дать обожаемой Филомене развод. Ведь недаром говорят, если любишь, отпусти. Еще один крошечный заговор, небольшая интрига, маленький вопросец с аквадоратскими вампирами, и его серенити непременно отпустит свою серениссиму.

Только вот дона догаресса считает, что, если любишь, добейся. И сама в состоянии подкинуть супругу парочку нерешенных дел.

-
- [Храните вашу безмятежность](#)
 -
 - [ГЛАВА 2. Бал у командора да Риальто. Продолжение](#)
 - [ГЛАВА 3. Ради дружбы и любви](#)
 - [ГЛАВА 4. Подсчет побед и поражений](#)
 - [ГЛАВА 5. Возвращение в школу благородных девиц](#)
 - [ГЛАВА 6. Изгнание тишайшей Филомены](#)
 - [ГЛАВА 7. Корона и кристалл во имя безмятежности](#)
 - [ГЛАВА 8. Львица на арене](#)
 - [ГЛАВА 9. Экзамен доны догарессы](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Храните вашу безмятежность

ГЛАВА 1. Бал у командора да Риальто

Бал на острове Риальто начался в полдень пятницы. Приглашена была, казалось, вся Аквадората. Слуги сбивались с ног, обеспечивая гостей яствами и напитками, музыканты выступали посменно, будто недолгая тишина показалась бы кому-то оскорбительной. Хозяин острова командор да Риальто появился на публике в полдень и удалился, чтоб сберечь силы. Тишайших супругов, дожа с догарессой, для которых подготовили парадные покои палаццо, ожидали в субботу на закате, и до того времени торжество проходило как бы в пол силы. Синьор Эдуардо, наследник командора, в его отсутствие исполняющий главную роль, развлекался в компании друзей, заняв место во главе огромного стола обеденной залы. Юный да Риальто вскоре должен был отправиться в качестве губернатора на острова Треугольника, и в обществе набирали силу сплетни о том, что таким образом ревнивый дож Муэрто избавляется от соперника в любви.

– Да, да, - шептались в кулуарах, – дона Филомена должна была выйти замуж за бедняжку Эдуардо, все было на мази, даже старший брат синьорины явился в столицу, чтоб отвести ее к алтарю, но ее серенити рассудил иначе. Кто может противостоять дожу?

И все соглашались, что никто, и припоминали, как тишайший Чезаре хитростью и интригами добился четверти и четверти четверти от контракта с рыцарями большой земли. Дож хитроумен, дож богат и теперь ему принадлежит красивейшая женщина Аквадораты.

– Когда дона Филомена, - распространялись шепотки, - узнала о губернаторстве Эдуардо, она немедленно отказала дожу в близости. Вообразите, у них отдельные спальни. Зарок в честь избавления от чумы? Ах, бросьте. Всем известна настоящая причина супружеского охлаждения.

– Дож запер супругу, – звучало с другой стороны. - Да, да, абсолютно точно. Дона Филомена находится под арестом. Причина? А вы разве не слышали о чудовищном князе Мадичи, который воспытал к

догарессе? Разумеется, экселленсе пробудился, и теперь вампиры патрулируют город наравне с ночной стражей. Если после полуночи вы направите свои стопы в сторону Дворца дождей, сможете услышать романсы, кои его сиятельство исполняет для прекрасной пленницы.

Главная тема разговоров иногда разбавлялась сплетнями помельче. Например, о наказании маркизета Фоско, уличенного в шулерстве за карточным столом. Опального дворянина под хохот и улюлюканье толпы прогнали через площадь, и он, прикованный к позорному столбу, несколько часов сносил издевательства черни. Теперь маркизет находился в изгнании, возвращаться в столицу ему запретили.

Говорили... А, впрочем, какая разница. Публика тоже берегла силы для настоящего торжества.

Почти две недели я не покидала дворец. Панеттоне, продолжавшая посещать «Нобиле-колледже-рагацце», регулярно передавала мне конспекты, которые я с должным усердием изучала. После прочтения я некоторое время держала бумаги над огнем свечи, чтоб на полях проступили написанные лимонным соком строчки. «Чезаре отплыл в неизвестном направлении, его сопровождал капитан Саламандер-Арденте. Паола Раффаэле ходит павлином и распускает сплетни. Карла не объявлялась, зато появилась какая-то старуха. Старуха заводит свои порядки». Что за старуха? «Маура ее боится. Князь Мадичи каждую ночь исполняет романсы под окном изумрудной спальни».

Зачем на это тратить драгоценную бумагу? Как будто я и без того не знаю, кто стеноет у караулки, терзая струны гитары. И хорошо, что его серенити отсутствует, его бы эти песнопения не порадовали. Нет, мне, разумеется, льстит ревность дожа, но дразнить его лишний раз не хочется. Чего добивается экселленсе? Чтоб меня заточили в монастырь?

Припомнив, как орал тишайший Муэрто, я поморщилась. Форменный болван! И я ещё воображала, что смогу его полюбить? Стронцо Чезаре даже не слушал моих доводов. Я, оказывается, легкомысленная кокетка, расточающая любезности вампиру. Я веду себя недостойно. Мне следует подумать о своем поведении, пересмотреть манеры, утихомириться. Под арестом в своей спальне, под охраной дюжины гвардейцев, с решетками на окнах, с запретом

прогулок и общения. Как долго? Это будет зависеть от глубины моего раскаяния.

Я, разумеется, тоже наговорила супругу лишнего. О красоте и обходительности экселленсе, которые дадут сто очков вперед злонравию моего фальшивого мужа, о том, что последний мог бы чему-нибудь у первого поучиться, о желании немедленного развода и нежелании утихомириваться.

И каков же результат?

Раздраженно отодвинув подушку, я достала крошечную записную книжку в бархатном переплете. Дневник. Я завела его в тот день, когда вообразила, что влюблена в супруга. На форзаце в обрамлении цветов, сердец и танцующих саламандр стояло его имя – Чезаре Муэрто. Стронцо! Странички заполняла информация, которую я успела собрать расспросами капитана Гаруди. Двадцать девять лет. Отец – Серджио Муэрто – ныне покойный, отошел с мир иной довольно давно и в преклонном возрасте. Мать – Маддалена, проживает на острове Пикколо при тамошнем монастыре. Чезаре покинул Аквадорату после кончины родителя, нанявшись простым матросом на корабль «Безмятежность», входящий в эскадру тогдашнего дожа Дендулло. Ему было всего пятнадцать, но уже через год он стал капитаном «Безмятежности». Сражения с пиратами в южных морях, захват судов, сделки с островитянами, барыши, личная эскадра.

Страницы шуршали, перелистываясь. Синьор Гаруди оказался просто кладезем информации. Интрижки. Много. Тишайший Муэрто славился своим женолюбием. Несколько серьезных романов. Губернатор острова Помо-Комо пообещал содрать с капитана Муэрто шкуру, если его корабль хоть раз ещё бросит якорь в его водах. Судя по наличию кожного покрова, супруг туда не вернулся. Зато дочурка грозного губернатора, синьорина Паола Раффаэле отправилась за любовником в столицу. Теперь, если верить «лимонным» посланиям Панеттоне, гордится моим унижением.

Я скрипнула зубами от бессильной злобы. Дневник мне теперь не нужен, и, будь в моей комнате камин, книжечка давно уже продолжала посмертное существование в виде горстки пепла. Развод! Как только дож вернется в Аквадорату, я его получу! Не Чезаре,

развод. Достав из-переплета карандашик, я дописала под именем супруга – стронцо!

Дверь скрипнула, приоткрывшись, я едва успела спрятать дневник под подушку и принять высокомерный вид. Еду мне приносили трижды в день незнакомые служанки, которым, видимо, было запрещено со мной разговаривать. Одевалась я сама и делала это тщательно. Заточение не повод становиться распустехой.

– Филомена!

В спальню проскользнула Маура. Чуть не разревевшись, я сжала подругу в объятиях.

– Панеттоне!

– Аквадоратская львица!

– Ты обманула охрану?

– Он сбрил бороду!

– Как ты?

– И оказался похож на тебя.

– Кто такая старуха? Почему ты так странно одета? Какая борода?

Подруга всхлипнула и захихикала:

– Синьор Филомен вернулся, и я едва его узнала без этой метелки на лице.

– Значит и Чезаре...?

– И твое заточение окончилось.

Казалось, после этого сообщения я должна была выбежать из комнаты и галопом проследовать на волю, но я пожала плечами и села в кресло у стола.

– Рассказывай. Обо всем с самого начала.

– Сегодня суббота.

– Это не новость. К тому же, я считала дни.

– Бал на острове Риальто. – Маура села в другое кресло. - На закате тишайшая чета со свитой должна его посетить.

– Надеюсь, его серенити получит удовольствие от праздника, как и от того, что его супруга его сопровождать не намерена.

– Филомена!

– Новости, Панеттоне.

Девушка послушно кивнула:

– За две недели многое изменилось. Старуха принеслась в столицу, как только до нее дошла весточка о вашем браке. Пользуясь отсутствием дожа, она моментально загребла себе всю возможную власть, наводнила дворец своими шпионами...

– Да кто она такая?

– Твоя свекровь!

– Синьора Маддалена?

– Ее так зовут? - Маура округлила глаза. - Страшная женщина. Помнишь, мы потешались, что директриса сестра Аннунциата насаждает в школе монастырские порядки? Мы ничего о них не знали! Дона Муэрто за несколько дней погрузила дворец в атмосферу строгости и набожности. Тебе нравится мое платье?

Я посмотрела на черно-серый наряд фрейлины и покачала головой.

– Мы теперь все так одеваемся, – пожаловалась Маура. – Старуха велела спрятать в сундуки все шелка и бархат, все маски и кружева. Артуро у нее под каблуком, ни слова возражения пискнуть не смеет. Официально Аквадората придерживается благодарственного поста в честь избавления города от чумы.

– Вся Аквадората?

– Ах нет, так далеко власть старухи не распространяется. За стенами дворца продолжается обычная жизнь, но мы должны молиться от рассвета до заката, смех и улыбки под запретом. Ну ничего, сегодня этот нелепый пост закончится.

И дона да Риальто принялась мечтать, какое миленькое платьице будет на ней уже нынче вечером. Потом ее мысли перескочили на школу, и она в красках поведала мне, как Голубка Паола кичится, являясь в «Нобиле-колледже-рагацце» в моей гондоле, как принимает поклонение городской публики, притворяясь мною.

– Она настроила против тебя всех учениц, распуская сплетни об интрижках догарессы, – Маура вздохнула. – Будь со мною Карла, вдвоем мы могли бы противостоять лживым обвинениям.

– От Маламоко нет вестей?

– Нет, – грустно ответила девушка.

– Это хорошо, – решила я. – Значит, Карла в порядке.

– Надеюсь. Ну что ж, моя догаресса, давай отправимся поприветствовать дожа?

– Без меня, Панеттоне.

– Что?

– Ступай, милая, я останусь здесь, и не сдвинусь с места, пока тишайший Муэрто лично не принесет мне извинений за арест.

– Филомена, – начала Маура примирительно, – тебя заперли для твоей же безопасности. Его серенити встревожили покушения, и он...

– Ступай.

– Разве у него не было повода проявить строгость?

– Разве у него нет рта, чтоб сообщить мне о своей тревоге? Нет, Маура, поведение тишайшего можно объяснить, но не оправдать.

– Любящая женщина должна прощать ошибки супруга.

– Расскажи об этом любящей женщине лично, здесь таких нет.

Золотистые бровки дона да Риальто приподнялись:

– Ты не влюблена в Чезаре?

Я хмыкнула.

– Не значит ли это, что у моего беспутного братца появился шанс отвоевать твое мятежное сердце? – проворковала Маура.

Я поморщилась.

– Нет? - Оживившаяся было Панеттоне погрустнела. – Хорошо. Я передам его серенити твое пожелание.

Она удалилась, я заперла за ней дверь, задвинула внутренний засов и стала ждать.

Через четверть часа ко мне постучали. Горничная Инесс предлагала мне переодеться в бальный наряд. Ответа она не удостоилась, как и горничная Констанс, принеся вино и закуски, как и синьор Копальди, интересующийся, все ли со мной в порядке.

Звук передвигаемого мною комода ушей секретаря, наверное, достиг. Я баррикадировала вход на случай, если он велит стражникам выламывать двери.

Дона Сальваторе, непривычно приветливая, уговаривала меня выйти, ей вторила нежным голоском Паола. Синьорины сулили мне торжественную встречу и сообщали, что супруг мой, тишайший Муэрто, ожидает меня в малой зале.

Я молчала.

Незнакомая девица строгим тоном передала приглашение от свекрови.

Я молчала.

– Филомена, - прогрохотало из коридора, - брось ребячиться.
– Ты сбрил свою ужасную бороду? - прокричала я, узнав голос брата. – Куда ты возил этого стро... своего нового родственника?
– Выйди, расскажу.
– Мне не настолько любопытно, – отрезала я и опять замолчала.
Филомен характер мой знал прекрасно, поэтому настаивать не стал.

– Изолла-ди-кристалло, - сообщил он в замочную скважину.

Я легла животом на комод и прижала ухо к двери:

– И что вы там искали?

– Да что там есть? – хмыкнул братец. – Твой муж просто хотел побывать на нашем атолле. Ты знала, что по документам владения этот клочок суши переходит первому наследнику третьего поколения Саламандер-Арденте?

– Ну да. Остров является частью приданого нашей матушки, и по решению ее родителя... – я запнулась, потому что, произнесенное вслух, это решение вдруг показалось мне странным. – Тебя что, не заставляли изучать семейный архив?

Он ответил что-то вроде того, что крючоктворство никогда его не занимало. Мы немного поболтали о родителях, о том, что не будь Филодор, наш второй брат, таким книжным червем, он давно устроил бы нам наследника в третьем поколении, что на остальных надежды мало, потому что Флоримон ещё слишком молод, а близнецы балбесы. Филомен вздохнул от того, что мой супруг бесплоден. Я спросила, только ли вся ли Аквадората осведомлена о недостатках дожа, или это обсуждается и на материке. Ответ обогатил меня нелепой историей о форколских сиренах, наколдовавших синьору Муэрто бездетную будущность. Мы похихикали, вспомнили согбенную Атаргате с проплешинами на чешуйчатом хвосте, матриарха Форколы.

Тут нас прервал тишайший Муэрто, строгим голосом спросивший любезного шурина, что в русалочьей истории его забавляет. Тот заверил, что история его восхищает и приводит в трепет.

Дождь отправил синьора Саламандер-Арденте... я не услышала куда, но, видимо там ему будет сподручнее трепетать. Вослед брату в это благословенное место были отправлены все.

То есть, Чезаре проорал:

– Все вон! – И многозначительно засопел в замочную скважину.

Я потянула носом. От супруга пахло вином. Захотелось пить. Поэтому я сползла с комода и отправилась к столу, на котором стоял кувшин с водой.

Он опустел примерно на треть, когда наконец до меня донеслось заунывное:

– Чего ты хочешь, Филомена?

Неторопливо загибая пальцы, я начала перечислять все свои желания. Там было и звание первой ученицы «Нобиле-колледже-рагацце», и белый пони с розовым бантом в гриве, и чтоб тишайший супруг провалился к черту.

Мне пообещали пони.

Я захотела личную гондолу, только не черную, а красную с золотыми веслами.

Мне ее посулили.

Желаний не осталось, и я попросила развод.

За дверью стало тихо. Испугавшись, что Чезаре обиделся и ушел, я опять взобралась на комод, прислушиваясь.

– Хорошо, - сказал дож наконец. - Ты его получишь.

– Когда?

Он опять помолчал.

– Сегодня после бала.

Что ему стоило просто извиниться? Кто мешал?

Ну и ладно, и пожалуйста. Тишайший супруг желает развода? Пусть!

Опомнись. Филомена! Ты на этом настояла.

Потому что он не попросил прощения! Это он, Чезаре, загнал меня в угол, вынудив тем самым...

Тут я приказала мыслям заткнуться, они становились слишком несправедливыми.

Правы они были лишь в одном: я загнана в угол.

Комод отодвигался гораздо медленнее, чем до этого придвигался. Ножки скрипели по паркету, оставляя на нем борозды. Ну и пусть.

Я распахнула дверь и присела в реверансе:

– Приветствую, ваша серенити. Удачным ли было ваше путешествие? Здоровы ли вы? В порядке ли аппетит?

Тишайший Муэрто, в парче и золоченой шапке, уточнил, не буду ли я также интересоваться его стулом, имея в виду отнюдь не предмет мебели.

Слегка покраснев, я потупилась и осведомилась о причине визита драгоценного супруга. Дождь крякнул и, кажется, обратился к небесам, прежде чем сообщить мне, что его благочестивой матушке не терпится познакомиться с невесткой.

Я возразила, что незачем пожилой синьоре напрягаться, запоминая обличье и имя той, которая невесткой ее через несколько часов быть перестанет, потому что вскорости благочестивой доне Маддалене придется лицезреть другую невестку.

Его серенити заверил меня, что родительница крепче, чем может показаться на первый взгляд, а сам предпочитает умереть холостым, и что именно безбрачие позволит ему совершить это в преклонном возрасте, так как я уже почти загнала его в могилу.

Пикировка немало меня взбодрила. Чезаре, кажется, тоже получал от нее удовольствие. Выглядел супруг великолепно, свежий морской воздух пошел ему на пользу.

– Вы плакали?

Да. Не смогла сдержать слез, когда вы бестрепетно согласились на развод. Вот так я должна ответить?

Шмыгнув носом, я покачала головой.

Супруг предложил мне руку, на которую я оперлась. Мы вышли из спальни, беседуя о музыке.

Свекровь ожидала нас в малой зале приемов.

Гвардейский караул отдал нам честь.

– Капитан Гаруди сегодня не на службе? – спросила я, приветливо кивнув незнакомым стражникам.

– Синьор Гаруди теперь служит Аквадорате за ее пределами, – скучно ответил дождь, – по причине своей излишней болтливости.

Я смутилась, поняв, что вина за изгнание бравого капитана лежит на мне и моем любопытстве.

Лакеи распахнули двустворчатые двери малой залы, тишайший вперед меня не пропустил, этого не позволял протокол, шагнул через порог первым, я – отстав на пол шага. Синьора Муэрто восседала на резном стуле, прямая и недвижимая, как надгробная статуя.

– Матушка, - сказал его серенити, - позволь представить тебе мою супругу дону Филомену.

Доне Маддалене было крепко за сорок, даже ближе к пятидесяти, но старухой я не назвала бы ее даже по злобе. Свежее четкое лицо со смуглой кожей оливкового оттенка, присущего уроженцам далекого юга, ни следа седины в смоляных волосах, разделенных пробором на две части и забранных под кружевную накидку, хорошие зубы. В последнем я удостоверилась по причине безгливой гримасы, заставившей тишайшую свекровь приподнять верхнюю губу. И глаза, светло-зелено-голубые, даже светлее, чем у ее сына, глядели на меня без восторга.

Присев в реверансе, я опустила на свободный стул подле супруга и чинно сложила руки. Ладони доны Маддалены покоились на навершии трости, видимо, наличие этого аксессуара и послужило причиной нелестного прозвища, которым наградила ее моя главная фрейлина.

Маура тоже была здесь, в зале, и синьорины Раффаэле с Сальваторе, и пара статных незнакомых синьор, и десяток служанок, почтительно ожидающих указаний у дальней стены. Кракен меня раздери! Сцена была обставлена так, что казалось, что синьора Муэрто здесь хозяйка, и это ее слуги, ее фрейлины, и ее Артуро. Синьор Копальди восседал по правую руку от матушки Чезаре и выражал видом своим некоторое смущение.

Исподволь осмотревшись, я заметила, что по центру малой залы будто проведена невидимая черта. С одной стороны ее были я и дож, с другой – все остальные. Как на шахматной доске, или на поле боя.

Дождь напряжения, повисшего в воздухе, не замечал. Он беседовал с матушкой, рассказывая ей о путешествии к Трапанскому архипелагу, сокрушался, что не знал о прибытии родительницы и не задержался, чтоб ее встретить.

Та на сыночка не смотрела, рассеянно кивала, велела слугам принести вина и закусок, велела Артуро велеть выдвинуть из угла стол и сервировать его, велела Паоле принести шаль, Бьянке – догнать Паолу, чтоб шаль не приносить, Мауре... Впрочем, я не вникала. Обилие противоречивых приказов создавало гнетущую атмосферу приближающегося хаоса. Исключенная из беседы, я эту атмосферу

ощущала в полной мере. Меня бросало попеременно то в жар, то в холод, губы пересохли, я поминутно их облизывала.

Стронцо Чезаре, ты не мог поговорить с матерью наедине, как только вернулся в столицу? Что за балаган? Ах, супруга, оказывается, не томилась две недели в заточении, а болела? Лжец. А вы, дона Маддалена, воображаете, что здесь никто не умеет считать? Вы не успели бы доплыть с Пикколо в Аквадорату за те несколько дней, что прошли с момента свадьбы. Известие застало вас в пути. Это точно, как дважды два. Поэтому вы сейчас преподносите новобрачным какое-то дубовое распятие, видимо первое, что попало под руку в дорожном сундуке. И что это за отношения между матерью и сыном? Или они оба сейчас играют на публику?

Соберись, Филомена. Все происходящее тебя вовсе не касается. Вечером ты получишь свободу и забудешь дворец как забавный сон.

Эта мысль меня подбодрила. К тому же, внесли закуски.

Сыр, оливки, вино, нежнейший паштет, свежие булочки, холодное масло. Яства манили, я едва терпела, пока запуганный молодой человек снимет с них пробу, чтоб приступить к трапезе.

– Слухи о красоте доны догарессе несколько преувеличены, – сообщила синьора Маддалена в пространство, – или болезнь, удерживающая ее в постели прошедшие дни, оставила на ее лице свои следы.

Пробовальщик стоял, зажмурив глаза, прислушиваясь к своим ощущениям. Я медово улыбнулась:

– Красота юных дев столь быстротечна, не правда ли, драгоценная матушка?

Та вздрогнула, будто до этого считала меня немой и сообщила, что первейшей женской добродетелью считается скромность.

Я не спорила, лишь сообщила, что моей скромностью можно загрузить трюмы целой флотилии и экспортировать эту добродетель за пределы безмятежной Аквадораты.

Чезаре тихонько фыркнул, сдерживая смехок, и пригласил нас пересесть к столу.

Отвлечшись едой, я ненадолго упустила нить беседы. Свекровь ограничилась стаканом воды.

– Кроме скромности дона догаресса обладает отменным аппетитом, – сказала она. – Не опасаетесь располнеть?

Голубка Паола хихикнула в свой стакан, она тоже постилась. Притвора.

– Чезаре будет любить меня и толстушкой, – я подмигнула супругу. – Не правда ли, дорогой?

– Конечно, тесоро, чем больше тебя будет, тем богаче стану я, обладающий этой драгоценностью.

Взяв меня за руку и чудом избежав выкалывания глаза вилкой, которую я не успела отложить, тишайший чмокнул мои пальцы. Свекровь поморщилась, но смолчала.

Ну то есть, она продолжала метать свои стрелы. Дворцовые слуги, оказывается, нерасторопны, уборщики неряшливы, горничные кокетки, и не будь здоровье доны догарессы столь слабым, она, разумеется, смогла бы исправить все хозяйственные недостатки. К счастью, у полудохлой невестки есть она, благочестивая вдова Муэрто.

Дождь соглашался с каждым словом родительницы, поигрывая кольцом на моем безымянном пальце. Вилку мне приходилось держать в левой руке.

– Под окнами дворца после заката собираются какие-то странные личности, – продолжала дона Маддалена, – пьянчужки, гуляки... вампиры!

– Насколько мне доложили, матушка, – отвечал Чезаре. – Вампир был только один, предводитель Ночных господ князь Мадичи. И, кажется, после вчерашнего душа... Скажите, кому пришло в голову окатить экселленсе святой водой?

– Обычная ночному синьору нисколько не вредила.

– Браво, матушка.

– Его сиятельство мертв? – встревожилась я.

Две пары светлых глаз встретились и похожие лица Муэрто озарили похожие саркастичные улыбки.

– Вампира невозможно убить, – протянула свекровь. – Даже, если вонзить осиновый кол в сердце, сжечь тело и развеять пепел. Непременно через какое-то время, даже через сто или двести лет, капелька человеческой крови, угодившая на частичку праха, возродит чудовище.

– А святая вода?

– Заставит сиятельного Лукрецио несколько ночей провести в постели, – сказал Чезаре, – ну, или где он притворяется спящим.

Синьор Копальди многозначительно кашлянул, дож отпустил мою руку:

– Драгоценные дамы, вынужден вас покинуть.

И он ушел, оставив меня на растерзание.

Некоторое время в зале раздавались лишь позвякивания столовых приборов.

– Чем занимается ваша семья, Филомена? – спросила матрона, прервав молчание.

– Разведением саламандр.

– Это приносит прибыль?

– Изрядную, - пожала я плечами. - Главным образом, в отсутствии конкуренции.

– Каково ваше приданое? Не знаете?

Смутившись, я пробормотала:

– Разумеется, мой батюшка передаст его серенити все, ему причитающееся.

– Разумеется, - хмыкнула свекровь с таким видом, будто собиралась контролировать это лично. - Когда синьор Саламандер-Арденте нанесет нам визит?

– В ближайшее время, – заверила я, - они с матушкой собирались присутствовать на выпуске из «Нобиле-колледже-рагацце».

– Ах, да, школа благородных девиц. – Дона Муэрто посмотрела на Паолу. - Вы, кажется, достигли каких-то успехов в учебе?

Голубка скривилась, я кивнула:

– Уверена, матушке не придется за меня краснеть. Мы изучаем математику и литературу, астрономию, музыку, танцы.

– И прочие, бесполезные в семейной жизни, премудрости.

– Мудрость, необходимую в браке, я надеюсь почерпнуть от вас.

Свекровь фыркнула:

– Льстивая гордячка. Какое редкое сочетание.

Я ей не нравилась. Это было бы обидно, не пообещай мне Чезаре развода.

Ссориться не хотелось. Есть тоже. Мы помолчали.

Маура неуверенно кашлянула:

– Торжественная процессия к острову Риальто отправляется через два часа. Синьорам требуется переодеться.

– Успеется, - отмахнулась свекровь.

Мы помолчали. Часы на башне Четырех отбили половину чего-то.

– Как вы познакомились с дожем? – спросила старуха.

– Море подарило нам встречу, - улыбнулась я. - Наверняка матушке уже сообщили все подробности.

– И довольно противоречивые.

– Мне нечего к ним добавить.

– То есть, ты, влюбившись в симпатичного синьора и узнав, кем он является, попросила князя Мадичи заколотить себя в подарочный сундук и отдалась на волю волн?

Я посмотрела на дону Раффаэле и укоризненно покачала головой:

– Так вот, значит, какими слухами...

– Отвечай! – Клюка стукнула о паркет.

– Нет! Никакой любви к вашему сыну не было. Была нелепая случайность, обернувшаяся эффектной встречей. И, поверьте, брака с тишайшим Муэрто я не желала.

– Почему ты ответила «да» у алтаря?

Какой прямой вопрос, и ответа на него у меня не было. Матрона смотрела на меня:

– Итак, мой единственный сын, мой наследник, дож безмятежной Аквадораты оказался скован брачными обетами с девицей, добродетель которой под вопросом, происхождение туманно, а достаток мизерен. С болезненной девицей, якшающейся с вампирами! И ко всему, эта... – Я готова была поклясться, что слово, замаскированное сухим кашлем, не имело к набожности и приличиям не малейшего отношения. – Ты не любишь своего мужа!

– А что, любовь в браке обязательна? – воскликнула я с обидой.

- Вы сами, матушка, пылали страстью, отправляясь под венец с Серджио Муэрто?

Я знала, что разница в возрасте родителей Чезаре была чудовищной. Новобрачный был старше супруги на тридцать лет, тем удивительней мне было услышать ответ свекрови.

– Да! Представь себе, да! И мой батюшка дал согласие на брак, лишь удостоверившись, что чувства мои крепки и неизбывны. И я

была верна своему мужу, и подарила ему свою невинность, и свою страсть и свою любовь.

– И приданое, – вздохнула я, поняв, что уколоть собеседницу не удастся.

– Отсутствие последнего я компенсировала добродетелями!

Дона Муэрто орала, я испуганно вспомнила, что в девичестве она носила фамилию Маламоко и принадлежала к дальней захиревшей ветви этого достойного, но бедного рода. Итак, свекровь я невольно все же уязвила.

– Маура, – велела она, отдышавшись. – Отведи дону догарессу переодеться.

Я поднялась из-за стола. Наверное, мне следовало извиниться. Но зачем? Благочестивая матушка его серенити уже все для себя решила. Я – жалкая интриганка, добившаяся брака без любви. Ничего, ей недолго терпеть меня рядом. Исполнив роль подле супруга на сегодняшнем торжестве, я покину дворец. И пусть они без меня подыскивают Чезаре достойную и любящую спутницу жизни.

Только почему я плачу? Почему не могу сдержать слез обиды и разочарования?

Свекровь на меня не смотрела, зато я встретила торжествующий взгляд Голубки Раффаэле, бриллиантовое кольцо на ее пальце нестерпимо блеснуло. Я знала, что оно было подарком Чезаре, знаком любви, и это знание заставило меня покачнуться.

– Пойдем, – шепнула Маура, придерживая мой локоть.

Прикосновение к другому заставило меня повернуть голову. Маркизета Сальваторе потупилась:

– Помощь вам не помешает.

Из малой залы приемов мы вышли втроем.

– Не реви, – Панеттоне промокнула мне лицо кружевным платочком. – Старуха умеет уязвить.

– Если вампиры пьют кровь, эта женщина питается девичьими слезами, – пробормотала Бьянка.

Дружелюбие Сальваторе удивляло, но потом я догадалась, что маркизету, наверное, приставили ко мне шпионить. То есть, приставила Голубка Паола, ее задушевная подруга.

Разумеется, под надзором о беседе с Маурой можно было забыть.

– Где разместилась свита доны Муэрто? – задала я первый пришедший в голову нейтральный вопрос.

– Благочестивая вдова обошлась без сопровождения.

– Неужели?

– Ну да, - Панеттоне фыркнула. – Прихромала к дворцовым воротам в монашеском рубище и колотила клюкой в створки, пока ей их не отворили.

– Как любопытно. – Я даже замедлила шаг. – А какое судно доставило нам драгоценную гостью?

– Я спрашивала синьора Копальди, но он тоже этого не знает.

Да уж, будь с нами Карла, мы бы не остались в неведении. Однако, Бьянку следовало куда-нибудь сплавить. Мы с Маурой многозначительно переглядывались и шевелили бровями.

– Филомена! – Каблуки братца громыхнули по паркету, когда он прыгнул с подоконника. – Чезаре сказал, что я смогу дождаться тебя здесь.

Руки фрейлин на моих локтях разжались, и я бросилась на грудь Филомену. Беседа со свекровью меня опустошила. Синьорины отошли, чтоб не мешать родственной встрече.

– Ревешь? - шепнул братец.

– А что ещё остается?

– Приводить себя в порядок и копить силы. Чезаре обещает нам суматошный вечер.

– Стронцо Чезаре.

– Не помирились?

– Он хочет развестись.

– Ну.

– Что ну?

– Ты ведь сама этого хотела?

– Теперь не хочу.

– Так скажи ему об этом.

– Пусть он скажет первым.

– Что?

– Что любит меня, и будет мне верен.

– Чезаре думает, что ты не примешь его чувств.

– Это он тебе сказал?

– Филомена, – брат обнял меня за плечи и подвел к подоконнику.
– Не знаю, как вам с его серенити удалось в столь рекордные сроки устроить такие чувственные шторма...

Он развернул меня, придержал за талию и усадил на широкий подоконник лицом к себе.

– Вам нужно самим с эти разобраться. Поставь себя на минуточку на место тишайшего. Ему в жены досталась юная особа, у которой семь пятниц на неделе, честолюбивые мечты и жизненные планы. Он попросту растерян. Ты доказала дожу, что его достойна. Ты изгнала из лагуны древнее чудовище, разобралась с городским мусором, стала символом благоволения моря к безмятежной Аквадорате. Разумеется, Чезаре не хочет тебя отпускать.

– Развод, Филомен, – напомнила я, болтая ногами в воздухе.

– Ты сама о нем твердишь.

– И что? У меня ведь семь пятниц на неделе. Неужели так трудно хотя бы попытаться добиться моей любви? Между прочим, я почти открытым текстом сообщила Чезаре о том, что согласна разделить супружеское ложе. И, знаешь, что он ответил? Что не может иметь детей!

– Бесплодие его печалит.

– И запер меня в спальне!

– Для твоей безопасности.

– Хоть ты не повторяй эту нелепую байку. Моя безопасность! Он просто не желал, чтоб я встречалась с экселленсе в его отсутствии. Чезаре ревнует свою нелюбимую супругу.

– И именно поэтому не изгнал вампира из столицы, а приспособил его патрулировать улицы.

Уже готовыми излиться возражениями я чуть не подавилась.

– Во дворце водятся крысы, – зашептал брат, наклонившись ко мне. – Чезаре не знает, кто именно, поэтому, на всякий случай, изолировал тебя ото всех.

– Что вы искали с ним на Изолла-ди-кристалло?

– Ты наконец начинаешь думать, сестренка, – Филомен улыбнулся. – За наш семейный атолл разгорелась нешуточная подковерная битва. Мы не знаем, что именно там расположено, но командор да Риальто расшибается в лепешку пытаясь завладеть

островом. То есть, твой идеальный роман с юным Эдуардо был всего лишь частью игры патриция.

– Какая чушь!

– Мы с Чезаре так не думаем.

Они с Чезаре! Вы подумайте, они с Чезаре!

– Ерунда.

– Спорим?

– И как я узнаю, что победила?

– Если сегодняшний бал пройдет без происшествий, я... – Синие глаза Филомена загорелись азартом. - Чего хочешь?

– Ты принесешь мне клюку доны Муэрто и мы вместе спалим поганую палку в камине.

– По рукам! Но, если я окажусь прав, ты, дона догаресса, помиришься с мужем.

– Вот еще! Но ладно, спор есть спор. – Мы скрепили его рукопожатием. - Что именно должно произойти сегодня на острове командора?

– Кого-нибудь из Саламандер-Арденте попытаются принудить к браку с кем-нибудь из да Риальто.

– Что? - Я посмотрела на Панеттоне, подпирающую стену в конце коридора. - Ты и Маура?

– Или ты и Эдуардо.

– Но...

– Вот увидишь, все именно так и произойдет.

– Но...

– И поймешь, когда это начнет происходить. - Филомен щелкнул меня по носу. – А пока подумай вот о чем: где в войне за остров самое безопасное место для юной синьоры детородного возраста, уж не подле ли бесплодного супруга?

Я подумала, ахнула, подумала еще. Если это война, могут быть и жертвы.

– Что с нашими братьями? Филодор на материке. Ему грозит опасность.

– Дождь отправил за ним капитана Гаруди, надеюсь наш профессор уже воссоединился с прочими родственниками на Саламандер.

– Гаруди?

– Он с отрядом стражи должен охранять нашу семью на острове. Новости стоили двух недель заточения, каждого дня, каждой минуты.

– Прекрасно, – прошептала я.

– Ну, Филомена, теперь ты поняла, сколь предусмотрителен, хитер и благороден супруг, подаренный тебе морем?

– Благороден? Разумеется, Чезаре хочет Изолла-ди-кристалло себе. Бесплодие этому мешает. И теперь его серенити заведет себе целую ферму Саламандер-Арденте, подбирая им самок для продолжения рода...

– Дурочка.

– Сам такой.

– О разведении Саламандер-Арденте в неволе мы подумаем потом.

– Уж я не позволю тебе об этом забыть.

Филомен потянул меня к себе, сняв с подоконника, и шлепнул пониже спины:

– Ступай, дона догаресса, готовься к балу.

– А ты думай, как похитить клюку.

И, оставив последнее слово за собой, я гордо удалилась.

– Без бороды синьору Филомену гораздо лучше, – сказала Маура, беря меня под локоть. – Он перестал напоминать древнее мохнатое чудовище.

– Кстати! – Остановившись, я всплеснула руками, будто только что вспомнив нечто важное. – Бьянка, мой крайне провинциальный брат не в состоянии подобрать вечерний костюм для торжества. Не будешь ли ты столь любезна...

Просьбы я не закончила, маркизета Сальваторе уже выбивала каблучками дробь, устремившись вдогонку за рыжим капитаном.

От шпионки я избавилась, но как теперь, после того что узнала, вести себя с Панеттоне, не представляла. Если Филомен прав (они с Чезаре правы!), дона да Риальто нынче вечером собирается окрутить одного из Саламандер-Арденте.

Наряды ждали нас в фисташковой гостиной, над ними хлопотали все пять горничных.

– Вана для донны догарессы?

– Готова.

– Украшения?

– Их сейчас доставят.

– Белила, румяна, сурьма?

– Свежайшие. Мы получили их от дворцового парфюмера и опробовали на синьоре Тучио.

Дона да Риальто в отсутствии доны Муэрто вернувшая себе командирские замашки, посмотрела в угол комнаты, где в кресле дрожал молодой человек. Кажется, он был виконтом, одним из наследников благородных фамилий, исполняющих повинность пробовальщиков при тишайшем Чезаре. Его серенити полагал, что, если кто-нибудь из благородных патрициев желает его отравить, опасность травануть за компанию и своего отпрыска, желание это несколько приглушит. Резонно полагал.

Косметика также могла быть ядовитой. Юный Тучио с насурьмленными бровями, нарумяненными щеками и забеленным лицом, сквозь белила пробивалась некоторая общая зеленоватость кожи, трясся от страха. Рукава молодого человека были закатаны по локоть, мокрые манжеты обвисли. Значит, синьора заставили опробовать также ароматные соли для ванны.

Маура повела меня через свою спальню.

– Виконт, можете быть свободны. Констанс, Ангела, за мной. Филомена, не дергайся. Девушки должны тебя раздеть.

Опустившись в горячую воду, я прикрыла глаза.

Панеттоне не крыса. Абсолютно точно. Она моя подруга, самая близкая, почти сестра. Она не может замышлять против меня. Не должна.

Горничные наносили на мою голову ароматную пузырящуюся мазь.

– Тебе нравится Филомен? – спросила я Мауру, сидящую у бортика на низкой скамеечке.

– Что? - удивилась девушка. – Что заставило тебя так подумать?

– Брат уверен, что ты с ним заигрываешь.

– Неужели?

Глаз я не открывала, мне хватало фальши в ее голосе.

– Он интересовался у меня, свободно ли сердце доны да Риальто.

– И что ты ответила?

– Что Маура предпочитает худощавых брюнетов и, что ему следует адресовать этот вопрос лично ей.

Ангела попросила меня сесть, чтоб смыть волосы и разговор ненадолго прервался. Констанс прошла по коже жесткой мочалкой, мои волосы обернули горячим полотенцем.

– Отдыхайте, дона догаресса, – сказала горничная, - через четверть часа мы поможем вам подняться.

Дверь ванной комнаты закрылась. Мы с Маурой остались наедине.

– Филомена, - подруга говорила негромко и будто через силу, – мне нужно признаться тебе...

Она запнулась, махнула рукой и, решившись, продолжила уверенно:

– Мой отец желает получить один из островов. Принадлежащих Саламандер-Арденте. Не перебивай. Я закончу, а потом ты решишь, простить меня, или... или прогнать от себя навеки. Эдуардо...

И сдобная булочка Панеттоне рассказала мне все. Как оказалась в «Нобиле-колледже-рагацце», чтоб подружиться со мной, как подучила Эдуардо что и как говорить, чтоб вызвать во мне нежные чувства, как сокрушалась, когда наследник да Риальто повел себя недостойно, и сокрушалась вовсе не его поведением, а тем, что моя любовь от этого умирала.

– Это была трусость, Филомена. Трусость и подлость. Я знала, что, когда с крючка соскользнешь ты, следующей приманкой отец изберет единственную дочь. Даже когда ты вышла за Чезаре, я надеялась, что после развода Эдуардо... Он ведь не злодей, просто слабовольный и подверженный...

Маура всхлипывала, размазывала по щечкам слезы:

– Теперь я должна... капитан Саламандер-Арденте... Нет, ты не подумай, он симпатичный синьор, недаром Бьянка пускает на него слюни...

– Маркизета Сальваторе? - перебила я стенания. - Ей нравится Филомен?

– А что тебя удивляет?

– Она с моим братом из разных вселенных.

– Между прочим, - Панеттоне недовольно шмыгнула носом. - Я признаю тебе в страшных преступлениях, а тебе интересна какая-то

Бьянка?

– Я думала, признания закончились.

– И?

– Что и? Ты призналась, я приняла к сведению. Значит, Сальваторе стала такой милой ко мне потому что....

Расхохотавшись, я хлопнула ладонью по воде, подняв брызги.

– Мне уйти?

– Что? - Я поправила сползшее на глаза полотенце и посмотрела на Мауру. – Зачем?

– Я предательница.

– Если бы ты продолжала скрываться, - скопировала я назидательный тон сестры Аннунциаты, нашей директрисы, - тогда, пожалуй, нашей дружбе пришел бы конец. Но ты призналась. К тому же, милая Панеттоне, мне понятно, что сейчас ты попираешь дочернее смирение, приняв мою сторону. Это дорогого стоит.

– Я грешница.

– Ты хороший человек и хорошая подруга.

– Карла тоже так говорила, – вздохнула Маура.

– Она знала?

– Конечно. Не представляю, что вообще может укрыться от доны Маламоко.

– Эх, будь с нами наша Галка, мы провернули бы нынче такое представление! Кстати, что ты подготовила? Как предполагалось заставить моего рыжего оболтуса просить твоей руки?

– Ничего я не делала. Все, что от меня требовалось, прибыть на остров в составе свиты ее серенити. Думаю, батюшка уже расставил все силки и загонщики ожидают сигнала в засаде.

– Эх, будь с нами Карла... Знаешь, а ведь она предупреждала меня об Эдуардо почти с самого начала. Видимо, синьорина Маламоко составила о нем представление по твоим рассказам. Она ему не доверяла. Конечно, парень, бросивший в воду не умеющую плавать сестренку...

Маура схватила мое запястье:

– О чем ты?

– Карла сказала, что на острове Мурано с причала тебя столкнул именно Эдуардо. Тебя это удивляет? – Мою скользкую руку девушка

не удержала, я опять подняла фонтан брызг. – Панеттоне, что случилось?

Синьорина да Риальто распахнула дверь в спальню, исчезла за ней. До меня донесся звук передвигаемой мебели, скрип. Не выдержав, я выбралась из ванны и пошлепала за Маурой, оставляя мокрые следы на плиточном полу и, затем, на паркете.

– Понимаешь ли, Филомена, - сказала Панеттоне, стоящая на коленях перед открытым сундуком синьорины Маламоко, - о том, что в воду меня бросил именно Эдуардо, я никому не рассказывала, никогда, даже батюшке. Братец так страшился наказания, что буквально вымолил мое молчание. Поэтому мы придумали ватагу островных сорванцов, которых и обвинили в несчастье. Правду знали лишь мы с Эдуардо.

Я опустилась рядом с подругой, помогая ей вытаскивать из сундука глянцевые маски Ньяга, плащи, ножны, кинжалы, тубусы с какими-то бумагами, стопки писем.

– Ты хочешь сказать, – примерив кошачью маску, я ощутила едва заметный аромат сандала, так пахла Карла, - наша Таккола тоже там присутствовала?

– Именно! Только, вот незадача, никаких девчонок я что-то не припомню.

Под руку попался кожаный несессер, я раскрыла его.

– Кракен меня раздери!

Внутри лежал бритвенный прибор: помазок, складное лезвие, брусок мыльного камня и чашечка для взбивания пены.

– Святые небеса!

Маура растянула шнурок атласного мешочка и вытряхнула содержимое себе на ладонь. Колечко было крошечным, выросшей синьорине да Риальто оно могло налезть разве что на мизинец. Она туда его и надела.

– Твое?

– Разумеется. Матушка, с детства пытающаяся привить мне хороший вкус, считала, что сапфиры подходят к оттенку моих глаз.

Я посмотрела ей в лицо:

– Не подходят.

– Тогда подходили. Три сапфира, черная эмаль. Это мое кольцо, которое я отдала за спасение мальчишке-рыбаку на острове Мурано.

– Значит Карла на самом деле, наверное, Карло. Помнишь, она говорила, что в их семье рождаются одни мальчишки. И что ее батюшка обрадовался....

– И решил сделать девочку себе сам.

Этого Карла не говорила, но я согласно кивнула.

– Ньяга. Эту маску носят мужчины, притворяющиеся женщинами.

– Высокие воротники. Конечно, лицо можно побрить, а кадык приходится прятать.

– Мы ничего не замечали.

– Потому что наивные дуры. Он видел нас голыми.

– А мы его нет.

– Ну и зачем ты это сейчас сказала?

Я пожала плечами:

– Потому что это правда. А ты с ним ещё спала. И обнималась постоянно.

– Это ты ещё не знаешь, что иногда я целовала эти лживые губы, когда он... она...

– В смысле?

– Я думала, что мне нравятся женщины! Боже мой, я ведь воображала себя грешницей. – Маура принялась забрасывать вещи обратно в сундук. – Когда я поняла, что меня влечет к подруге, я так испугалась. А он, черноглазый лживый ублюдок, наверное, потешался надо мной. Зато мне теперь понятен запрет его серенити на посещение доной Маламоко твоей спальни.

– Он знал!

– Разумеется. Они ведь кузены. А, знаешь, кто ещё знал? Экселленсе. Чудовищный князь так многозначительно подчеркивал «и» в слове рагацци, когда говорил о Маламоко. Понимаешь, он называл их в мужском роде?

– Наверное, - сказала я вдумчиво, – запах мужчины чем-то отличается от женского. погоди. Ты влюблена в Карло Маламоко?

– Дошло наконец?

– И что же теперь делать?

– Я убью этого черноглазого ублюдка, когда он вернется.

– Он вернется?

– Конечно. В сундуке остались метрики на женское имя, я только что их просмотрела.

– А ещё ему понадобится свидетельство об окончании школы. Ты не хочешь вернуть на место кольцо?

– Хочу, – пыхтела Маура, – но не могу его снять.

Мы пошли в ванную, чтоб воспользоваться мылом. Ободок соскользнул с пухлого пальчика, и Панеттоне счастливо выдохнула. В этот момент до нас донесся звук шагов, девушка спрятала колечко на груди.

Вернулись горничные. Меня засунули обратно в ванну, добавили кипятка, оттерли ноги мочалкой. Пока я стоически сносила пытки, дона да Риальто не находила себе места. Она то хмурилась, то саркастично ухмылялась, прищуривала и округляла глаза, рука ее поминутно ныряла в декольте, а ноги мерили шагами плитки мозаичного пола.

– Повесь кольцо на цепочку, и дело с концом, – предложила я.

– Чудесная мысль!

От возбуждения меня буквально трясло. Карла Маламоко. Шпионка, интриганка... интриган. Пользуясь своими личинами он мог проникнуть в любое столичное общество. Иногда он был синьорой, иногда – юношей вольных нравов. Ньяга. Не будь мы с Маурой столь наивны, давно распознали бы маскарад. Панеттоне в него влюблена. И что? Неужели командор да Риальто позволит единственной дочери связать свою жизнь непонятно с кем? Тем более, что и Карлы есть жених в догато Негропонта. Жених? Боже мой, как это вообще возможно?

Горничные обернули меня в простыню и вывели в гостиную. Там уже стояло ростовое зеркало и суежилась стайка портних.

– Обождите, – велела Маура. – Платье наденем потом, сначала займемся лицом.

— На мне будет маска, – попыталась я безуспешно возразить.

– После полуночи, когда дона догареса сменит официальный костюм на карнавальный наряд. – Дона да Риальто усадила меня в центре комнаты и рассматривала с видом великого живописца. – Старуха была права, две недели взаперти отразились на твоём лице не лучшим образом. Чего мы хотим добиться? Соблазнительной Филомены, или величественной?

Видимо, я в состав этих «мы» не входила, потому что моими желаниями пренебрегли.

– Если позволите, – шепнула Констанс с поклоном, - до полуночи мы покажем миру величайшую правительницу, а после – самую желанную деву Аквадораты.

– Глаза? - переспросила Маура.

Горничная кивнула:

– А после – губы и шея.

– Серебряная пудра.

– Золотая. Оттенок кожи слишком теплый для серебра.

Они продолжали перебрасываться отрывистыми фразами, значение которых понять я даже не пыталась. Девушки знают, что делают, мне остается отдаться на их волю.

Прикрыв глаза, я ощущала щекотные прикосновения беличьих кисточек, одновременно мне что-то делали с волосами.

– Поднимайся, - велела Маура.

Простыня упала к моим ногам. Мельком взглянув в зеркало, я увидела невероятно бледную, сверхчеловечески глазастую и абсолютно голую себя. Высокую башню прически оплетали драгоценные цепи, в звеньях которых мерцали некрупные сапфиры, мочки ушей украшали сапфиры огромные.

– Вот в такие моменты, – Панеттоне подпихнула локтем помощницу, - я жалею, что женщинам обязательно нужно носить платье.

– Дона догаресса прекрасна, - вздохнула Констанс.

И прочие девушки с ней согласились. Похвала, особенно после критики тишайшей свекрови, пролилась бальзамом на мое сердце.

Я приблизилась к манекенам, стоящим у глухой стены. Их было два. На одном висело платье из золотой парчи, на другом – карнавальный наряд.

– Русалка? - спросила я скептически. - Ты же собиралась представить меня морской богиней.

Маура смутилась.

– Дона догаресса выглядит сейчас в точности как Афродита, явившаяся из моря, – хихикнула одна из горничных.

И девушки принялись обсуждать, какой эффект произвело бы мое появление перед публикой в костюме богини любви.

– Прости, - шепнула Панеттоне, – синьора Муэрто заставила всех дворцовых портных шить новые покровы для храма, это все, чего мне удалось добиться.

Русалка так русалка. Подозреваю, что и в этом костюме мне долго красоваться не предстоит. Я нужна Цезаре лишь для официальной части, может он еще до полуночи даст мне развод, и тогда мне пригодилось бы нечто немаркое, в чем удобно будет возвращаться в город.

Парчовое платье давило на плечи, натирало под мышками и поскрипывало при любом движении. Туфельки, носки которых выглядывали из-под подола, обладали скользкой подошвой и неустойчивыми каблуками.

Мне велели зажмуриться и рассыпали над моей головой горсть золотистой пудры.

– Идеально, - решила Маура.

И я поскрипела к выходу. Клюка бы мне сейчас не помешала.

ГЛАВА 2. Бал у командора да Риальто. Продолжение

Процессия тишайших супругов подошла к острову Риальто на закате. В темнеющее небо взвились фонтаны фейерверков, когда главная галера причалила к пристани. Сначала на покрытые ковром доски высыпала свита, гвардейский караул занял свои места, командор да Риальто, оставив супругу, вышел навстречу и, низко поклонившись, подал руку доне догарессе. Синьора Муэрто лучезарно ему улыбнулась, но руки не приняла, опираясь на его серенити.

Дожд с догарессой прошествовали в палаццо, и шли столь близко друг к другу, что у публики не оставалось сомнений – в семействе Муэрто царит мир и любовь.

– Спальня в восточном крыле, - говорил некто в толпе с маской Арлекина на лице, – час после полуночи.

– Мы доставим туда синьору в костюме русалки, - отвечал господин в похожей маске.

– Юный Эдуардо не слишком пьян?

– Какая разница? Его, при необходимости, отнесут туда на руках.

– Западное крыло?

– Рыжеволосый здоровяк в костюме корсара получит записку с приглашением в условленный час.

– А его синьора?

– Она, разве, не в деле?

Первый Арлекин ругнулся и покосился по сторонам, не прислушивается ли кто-нибудь из толпы к их разговору, затем склонился к самому уху собеседника.

Высокая черноволосая Коломбина, стоящая неподалеку, погладила пальцами брошь в виде крошечной саламандры. Если бы клоуны не были столь увлечены друг другом, они, наверное, удивились бы тем, что ящерка от прикосновения выпустила в воздух язычок пламени.

Командор да Риальто мне понравился. Он излучал добродушие и гостеприимство. И я бы с удовольствием шла под руку с ним, а не с его

серенити, но знала, выпусти я руку супруга, моментально плюхнусь на землю. То есть, на ковер, но это дела не меняет.

– Идиотская парча, - бормотала я, семена на каблуках, – дурацкое золото.

– Скажи спасибо, что тебя не заставляют носить шапку, – утешал Чезаре.

– Тебе хотя бы не вплетают ее в волосы! – Башня прически покачивалась при каждом шаге больно натягивая кожу у висков.

Я злилась. За все время путешествия мне не удалось перекинуться с мужем словечком, зато синьора Муэрто, оказавшаяся с нами на одной галере, слова не сэкономила. Матрона уселась рядом, изгнав Мауру, и говорила, говорила, говорила... Не со мной. У нее для бесед была донна Раффаэле. Ах, какая, оказывается, распрекрасная жизнь была у Голубки Паолы на ее благословенном Помо-Комо. Море, солнце, быстроногие скакуны для верховых прогулок, скалы, чтоб лазить по ним, тренируя дух и тело. Панеттоне даже поинтересовалась, зачем же дражайшая синьора Раффаэле променяла этот рай на затхлость столицы. Зря спросила. Притворщица покраснела, многозначительно посмотрела на свое кольцо и горестно вздохнула. Любовь, разумеется, любовь. Именно то, что я, по мнению тишайшей свекрови, не могу предложить ее сыночку.

Дона Муэрто похлопала Паолу по плечу и принялась вещать о важности для женщины здоровья, потому что жизнь требует от нас многих усилий, иногда неожиданных. Вот, например, будь некто, кого свекровь не называет, покрепче, ее не шатало бы под весом парчового наряда, она проскакала бы с ним на плечах до острова Риальто, не замочив подола.

– Бьянка, – обратилась я к маркизете, устроившейся у борта, – ты помогла Филомену?

Она помогла, а теперь мило и непритворно краснела:

– Синьор Копальди смог найти для нас только костюм корсара, но синьор Саламандер-Арденте выглядит в нем чудесно.

Влюбленность фрейлины была столь явной, и столь милой, что я улыбнулась. Кажется, братца взяли в оборот.

Когда галера причалила, Артуро принялся отдавать указания, кто и в каком порядке будет выходить.

– Отец, – пробормотала Маура, прижавшись к моему плечу. -
Они идет к нам.

– Без супруги?

– Матушка, наверное, осталась у ворот палаццо.

– Дона догаресса, ваша очередь, – сказал синьор Копальди.

– Чезаре, твоя жена не может идти, – сообщила свекровь.

А Паола угодливо хихикнула.

Дождь ухватил меня под руку и приподнял:

– Она привыкнет, матушка.

Я старалась. Не привыкнуть, устоять на ногах. Идиотская парча, дурацкое золото.

Дона да Риальто, супруга командора ждала нас у мраморных ворот палаццо. Она была пухленькой и невысокой, только глаза ее, в отличие от глаз дочери, были не голубыми, а янтарно-карими.

Мы обменялись поклонами, ее был глубже. Командор, шествующий в двух шагах позади, пригласил нас следовать дальше. Бросив через плечо быстрый взгляд, я рассмотрела Мауру, бросившуюся в объятия матери. Сам командор дочь приветствиями не удостоил, и я порадовалась, что подруга получит сейчас толику родительской любви.

Во дворе нас встречал юный Эдуардо. Парчи на нем не было, но новый губернатор островов Треугольника едва держался на ногах. Что там говорила Панеттоне? Не злодей, а слабый и управляемый? В данный момент им управляло вино. Какой стыд. Синьор да Риальто глупо хихикнул, отвешивая шутовской поклон. Я поморщилась, а, заметив быстрый взгляд супруга, покраснела.

– Примите благодарности, ваша серенити, и заверения в...

– Пустое, губернатор, - перебил Чезаре. – Надеемся, вы послужите во славу Аквадораты.

Тон супруга был скептичен, ни на что он не надеялся.

– Дона Филомена, - не унимался да Риальто младший, – примите заверения...

Тишайший потянул меня за руку:

– Идем.

Шаг, другой. Я смотрела прямо перед собой. Стыд выжигал меня изнутри. Так иногда бывает, когда стыдно не за себя, а за другого. Хотя, нет. За себя. И я была влюблена в это ничтожество? Хорошо, что

здесь много людей, хорошо, что толпа быстро сомкнулась, скрывая от меня Эдуардо. Скорей бы полночь.

Музыка, вино, веселье. Нас усадили во главе стола в большой обеденной зале. Смотровое окно выходило на залив, арочные распахнутые двери позволяли видеть галерею и часть двора. Везде горели разноцветные фонарики, между колонн язычками пламени извивались акробаты в пестрых костюмах.

Потянулись торжественные речи.

— Ничего не ешь, - велел дож, перехватив мой голодный взор. - Артуро должен сначала все проверить.

— Ну, вряд ли командор будет травить нас в своем доме.

— Законы гостеприимства его обычно в этом не ограничивают.

— Неужели? – Я посмотрела на синьора да Риальто, который как раз протокольно вещал с противоположного конца стола. - Он кажется таким милым.

— Именно, что кажется.

— Филомен сказал мне...

— Замолчи.

Я обернулась по сторонам. Рядом находились наши дворцовые слуги, соседние кресла у стола занимали наши придворные. Крысы? Филомен говорил, что во дворце завелись крысы. Значит, Чезаре не доверяет вообще никому. Как плохо и как сложно.

Поаплодировав командору, я спросила нейтрально:

— Какой костюм выбрал себе дражайший супруг для карнавала?

— Вот только нарядами я ещё не занимался.

— А я буду русалкой.

Тишайший фыркнул.

— Его серенити не любит русалок?

— Его серенити не за что их любить, - пояснил дож любезно. - Они заколдовали его серенити.

— Тишайший Муэрто помнит имена злокозненных колдуний?

— Его тревожит любопытство, проявляемое серениссимой по этому поводу.

— А серениссиму печалит охлаждение к ней тишайшего супруга, - проговорила я, глядя прямо в глаза цвета спокойного моря.

Мое сердце ударилось о ребра и замерло в ожидании, я перестала дышать, боясь ответа.

– Может, – хрипло спросил дож, - мне удастся утолить печали серениссимы?

Нас прервали. Кардинал Мазератти желал произнести тост.

Чезаре его выслушал, поднял приветственно бокал и отставил его, даже не поднеся ко рту.

– Итак, - тишайший повернулся ко мне, прижавшись коленями, – на чем мы остановились?

Нас опять прервали. Дон да Риальто зазывал гостей на галерею, чтоб мы могли полюбоваться цирковым представлением. Пришлось вставать и тащиться наружу. Там по правую руку от сыночка воздвиглась синьора Муэрто, в чьем присутствии флиртовать не то чтоб не получалось, попросту не хотелось.

– Все хорошо? - весело спросила Панеттоне, прислоняясь к балюстраде.

В вышине на натянутом между башенками канате танцевала циркачка, и Маура запрокинула голову, любуясь силуэтом на фоне ночного неба.

– Прекрасно!

Толпа теснила нас со всех сторон, прижимая меня к Чезаре, его рука обняла мою талию. Я хотела еще что-то сказать подруге, но, когда зрители разразились аплодисментами после особо удачного кульбита акробатки, его серенити увлек меня куда-то в сторону.

– Тесоро...

Мы оказались в полутемной каморке под лестницей, шапка супруга уткнулась в деревянную балку, мне в бок уткнулась ручка швабры.

– Что ты там говорила об охлаждении? - после продолжительного поцелуя спросил Чезаре.

– Эдакой малостью моих печалей не утолить.

– А так?

Еще один поцелуй. Я подумала, прислушиваясь к ощущениям, и покачала головой:

– Может после случки...

– Гадкое слово.

– Обычное.

– Не произноси его.

– А то что?

– А то я устрою тебе случку прямо в этом чулане.

– Какая нелёпая угроза, - фыркнула я. – Всем известно, что для этого нужна кровать.

Его серенити привычно обратился к небесам, выражая на сей раз недоумение, где разводят таких незамутненных соблазнительниц. А я вспомнила, как он целовался с Паолой на причале палаццо Мадичи. Она тогда таяла в его руках примерно как я сейчас.

Поэтому, когда Чезаре потянулся ко мне снова, я отстранилась:

– Не время и не место, ваша серенити. Нам следует вернуться к гостям.

Не знаю, чего я ожидала. Дож, ни слова мне не сказал, развернулся и вышел. Дверца осталась болтаться на одной петле. И я осталась. Оскорбленная и несчастная. Гордая и несломленная.

– Филомена? – Петля подломилась, дверь рухнула, в проем заглянула Маура. - Наконец я тебя нашла.

– Панеттоне, - всхлипнула я, – представляешь...

– Потом, – перебила подруга, втискиваясь ко мне и обнимая за плечи, – у нас мало времени. Этот ублюдок здесь. То есть, он не знает, что он ублюдок...

– Карла?

– Да, молчи. Она появилась на балу, будто ничего не произошло...

– Слава богу!

– Молчи! – Маура шептала едва слышно. - Он не подозревает, что мы его раскрыли. Филомена, я хочу проучить этого стронцо. Умоляю, сделай вид, что до сих пор ни о чем не догадалась.

– У меня-то это получится, а вот ты, Панеттоне, та еще притворщица. – А потом я вспомнила, как дона да Риальто водила меня за нос целых три года и прикусила язык. - Хорошо. Надеюсь, ты отомстишь ему за всех пострадавших от их гадкого рода женщин.

– Рагацце, – донеслось снаружи негромко.

Голос принадлежал синьорине Маламоко, я его узнала.

– Мы с Чезаре целовались, – сказала я Мауре.

– А потом? – Панеттоне тоже сделала вид, что не услышала Карлу.

– Ну, все было довольно мило, пока я не вспомнила как мы подглядывали за ним с Голубкой... Чикко! – Ящерка взбежала по моей

руке, разбрасывая язычки пламени.

– Дона догаресса, – Карла присела в реверансе.

Синий костюм Коломбины шел ей невероятно.

Как мы с Маурой могли принимать ее за девушку? Высокий воротник абсолютно точно маскировал адамово яблоко, оборки скрывали отсутствие груди, а пудра и румяна на лице – следы регулярного бритья. Да кого я обманываю? Не зная, что перед тобою мужчина, никто бы ни за что не догадался. Высокая, изящная худощавая синьорина, вот, кто такая Карла Маламоко. И ко всему, наша ближайшая подруга, что бы там не было у нее в штанах, то есть, под юбкой.

Я бросилась обниматься:

– Где ты была? Зачем тебе понадобилась саламандра? Это его серенити дал тебе поручение?

Таккола покачала головой:

– Всему свое время, Аквадоратская львица, пока мне нечего рассказать.

– Филомена влюблена в мужа, – насплетничала Маура. – А он не может иметь детей. Поэтому, почему-то, перестал с ней спать. Карла, ты из нас самая опытная, это как-то связано?

– Что с чем?

– То, что Чезаре бесплоден мешает ему исполнить супружеский долг?

– Дурацкий вопрос, – перебила я. – С синьориной Раффаэле ему ничего не мешало. Он же с ней спал?

– Паола говорит, что да, – наморщила лоб Панеттоне. – Но это было ещё до пленения его серенити на Форколе.

– После этого он ни с кем не спал? – требовательно уставилась я на Карлу. – Ну, вы кузены, ты должна знать.

– Наверное, спал, – ответила Таккола слегка смущенно, – холостые мужчины время от времени делят ложе с... разными женщинами.

– Спрошу по другому, – я многозначительно понизила голос. – У него были женщины в плотском реальном смысле, или мой дражайший супруг распускал слухи о своем женолюбии, чтоб как-то компенсировать во мнении света свой изъян?

– У меня сейчас лопнет голова, - пожаловалась Карла. – Про любовниц своего мужа спросишь у него лично.

В этот момент я и думать забыла о поле своей подруги.

Бесплодие, или бессилие? Или и то и другое. Чезаре не возлег со мной, хотя получил все права на мое тело. Мы спали в одной постели много раз, но он не делал попыток мною овладеть. Дело во мне, или все же в нем?

– Может, ты не умеешь соблазнять? – предположила Маура, когда Карла, обзвав нас дурами, удалилась, и я озвучила свои подозрения вслух.

Девушка выглянула наружу и подмигнула:

— Никто ничего не заподозрил, мы ведем себя как обычно, то есть по дурацки.

Я рассеянно кивнула:

– Мне нужна путтана, не фигурально, а настоящая профессионалка. Думаешь, такие есть среди гостей?

– Возможно. Только я не понимаю, зачем тебе такая женщина.

– Для совета и консультации. Может, я действительно не умею соблазнять.

И мы пошли искать синьорину Маламоко. Потому что только она могла показать нам путтана. Да и вообще, не оставаться же в чулане до полуночи.

По дороге я пожаловалась на голод и Панеттоне предложила заглянуть на кухню:

– Поработаю твоим пробовальщиком, дона догаресса, наследницу да Риальто в отчем доме вряд ли отравят.

– Скандал получился бы знатный.

Распаренные кухарки встретили нас глубокими поклонами:

– Ваша серенити, синьорина Маура.

Та рассеянно ответила на приветствия и потянула носиком:

– Жарко. Перекусим снаружи.

Одна из поварят быстро собрала нам корзинку со снедью, другая стерла паутину с пузатой оплетенной бутыли.

– Выйдем черным ходом, – решила Панеттоне и громко сказала девушкам. – Если нас с доной догарессой будут здесь искать, вы ничего не видели.

Тайная дверца оказалась за прокопченной свиной тушей, подвешенной к потолку. Узкий коридорчик вывел нас во внутренний хозяйственный дворик. Тут зеленели огородные грядки и располагался колодец, прикрытый круглой дощатой крышкой.

Маура поставила корзину на эту импровизированную столешницу:

– Располагайся, Филомена.

Табуретами нам послужили два полена.

– То самое знаменитое изюмное вино? – спросила я, отпив из бокала.

– Амароне, - кивнула девушка. – Эдуардо предпочитает его прочим. Знаешь, оно довольно крепкое. Можно развести водой.

Вода была рядом, под крышкой. Но, чтоб ее набрать, нам пришлось бы убирать кушанья и пыхтеть под тяжестью досок. Я отказалась.

Лепестки пикантной свинины, чудесного прошутто буквально таяли во рту. Оливки и сыр, свежая зелень. Ничего лучше я не могла бы получить и за праздничным столом. Кстати, знаменитое Амароне мне не понравилось, тем более, что после него на меня напала сонливость. Чикко спокойно пыхтела у уха. Она была привычно прохладной. Кажется, Карла хорошо за ней ухаживала.

Я потянулась и тряхнула головой, прогоняя дрему:

– Это твое тайное место?

Маура тихонько зевнула:

– Да. Эти грядки были свидетелями многих девичьих истерик. Здесь я укрывалась, когда хотелось побыть в одиночестве.

– Что там?

Девушка посмотрела, куда я указала.

– Лесенка на внутреннюю балюстраду. К стене с другой стороны примыкает дворцовый сад.

Мы сложили посуду в корзинку и оставили ее у колодца.

– Прогуляемся по саду, - предложила Маура. - Дадим вину время выветриться.

– Мы же собирались найти Карлу.

– Она сама нас найдет. - Панеттоне хихикнула, вспомнив что-то забавное. – Я так радовалась нашей с ней встрече, так прижималась в объятии...

Я приподняла брови.

– О боже, Филомена, ты не можешь быть столь невинной!

Я могла. И ещё недавно тщательно бы эту свою невинность скрывала. Но сегодня решила отбросить притворство.

Дона да Риальто мне объяснила, я хмыкнула:

– Путтана мне теперь не нужна.

Глаза подруги округлились:

— Не вижу связи.

– Оплодотворение у людей происходит не снаружи, а внутри. Как у дельфинов, а не как у рыб.

– Дельфины не рыбы?

– Нет, они живородящие, и... очень похожи на людей, даже в том, что занимаются этим не только для деторождения, но и для удовольствия. И, кстати, не обязательно с противоположным полом.

Когда я закончила свою небольшую лекцию, щечки подруги пылали:

– Это ужасно, Филомена. Ты не можешь говорить о любви в таких выражениях.

– Именно в таких, – возразила я. – Если бы не все эти туманные метафоры, что набрасывает на процесс случки человеческая поэзия...

– Это плохое слово!

– Обычное. Кто мог подумать, что мы похожи на этих легкомысленных болванов, а не, например, на благородных морских коньков, или рыб-ангелов, которые создают пару однажды и на всю жизнь.

Маура вывела нас к подножию каменной стены, и теперь мы шли по дорожке, петляющей между цветочных клумб, фонтанов и декоративных деревьев, украшенных разноцветными яркими фонариками. Платье натирало под мышками и придавливало к земле, каблуки вязли в гравии. Хотелось прилечь на ближайшую скамейку и подремать.

– И как дельфины подзывают самку? – поинтересовалась дона да Риальто.

Я издала высокую горловую трель, закончив ее щелканьем. Какой-то случайно забредший в сад гость, испуганно на меня посмотрел, даже Чикко вздрогнула и забила хвостом.

Маура всплеснула руками:

– Ты доведешь его серенити до сумасшествия.

– Стой, - схватив подругу за плечо я увлекла ее в кусты.

Замерев и прижавшись друг к другу, мы пережидали, пока будущий безумец в сопровождении секретаря пройдет мимо нашего укрытия. Зачем мы прятались? Ну... Не знаю. Наверное, виновато вино.

Шуршание золоченых сапог дожа о гравий приблизилось.

– Артуро, проследи, чтоб нам с синьориной никто не помешал, - велел тишайший и уселся на мраморную скамью в паре шагов от нас.

Теперь, если бы мы с Маурой попытались вылезти, оказались бы точно пред очами моего супруга.

– У него свидание с Паолой, – шепнула я на ушко Панеттоне. - Гадкий сластолюбивый дельфин.

– Пощелкай ему языком, может он предпочтет тебя.

Я ущипнула ее за мягкий бок. Издевается ещё над моим горем.

На дорожке появилась высокая фигура в наряде Коломбины.

– Карла, – вздохнула Маура.

– Я тебе говорила, что дельфины часто случаются с особями своего же пола? – шутливо спросила я и зашипела от боли.

Дона да Риальто умела щипаться. Тоже мне, жертва.

Я дернула ее за белокурый локон, она наступила мне на ногу и укусила в плечо. Чикко, видимо, не желая занимать ничью сторону, сильнее сжала лапки, чтоб не упасть. А могла бы и помочь. Хотя, если начистоту, дерись я по–настоящему, шансов у Панеттоне не было бы ни единого.

Наша возня могла нас выдать, поэтому я, по праву сильнейшего, предложила молниеносное перемирие, и мы обратились в слух. На губах Мауры блестела моя золотистая пудра, ноздри раздувались. В ночном воздухе сгущалось ядовитое облако ревности. Перед моим мысленным взором начали разворачивались брачные игрища веселых дельфинов. Реальный же взор наблюдал, в основном, колени собеседников, прочее скрывалось ветвями колючих кустов. Дождь с синьориной Маламоко сидели рядышком.

— Надеюсь, ты не попался на глаза синьоре Муэрто? - спросил Чезаре.

– Чудом, – ответила Карла, хотя нет, Карло, его настоящий голос оказался абсолютно мужским. - Горничные узнали меня даже в маске,

к счастью, тетушку удерживает подле себя супруга командора.

– Ты прибыл вовремя.

– Даже раньше, я ждал вас здесь с пятницы в составе группы циркачей.

– Маэстро Дуриарти?

– Да, кукольник исполняет приказы экселленсе.

– Прекрасно. Князь тоже здесь?

– И все Ночные господа в полном составе. Лукрецио желает насладиться представлением.

Дождь хмыкнул и закинул ногу за ногу, его сапог покачивался буквально в нескольких шагах от меня.

– Что с документами?

– Архив Саламандер-Арденте? Он действительно в палатке Мадичи, но изучить его мне не удалось.

– Гаденыш Лукрецио мне его не отдаст.

– Теперь-то уж точно. Я его сжег.

– Зачем? - возмутился Цезаре.

– Таковы правила, ваша серенити, собственность Совета не должна находиться в чужих руках.

– Старик Фаусто тебя за это похвалит.

– Да, отец будет доволен.

Я знала, что Маламоко исстари были членами таинственного Совета десяти, организации, не подчиняющейся даже дожу, и обладающей огромной шпионской сетью, накрывающей не только Аквадорату и колонии, но и часть материков.

– Теперь мне понятно, зачем ты утащил с собой волшебного питомца Филомены.

— Незаслуженная похвала, – ответил Карло. – Саламандра помешала бы экселленсе охранять нашу серениссиму, то, что Чикко помогла мне с пожаром, лишь счастливая случайность.

Маура дернула меня за рукав, оказывается, я почти вывалилась из кустов, пытаясь не упустить ни словечка из разговора. Забавно, насколько мужские интонации Карло отличались от женских. Синьором он был безэмоционален, почти как древний вампир.

Погодите. Охранять? Цезаре меня не ревнует к князю? Это даже обидно.

– И, кстати, – продолжал Маламоко, – экселленсе с архивом также не повезло. Ему не удалось вскрыть шкатулку до того как она была уничтожена.

– Хоть одна хорошая новость. Ладно, отложим секреты семейства догарессы на потом. Что ты узнал о командоре?

— Ничего сверх уже известного. Некое тайное общество существует, но мне не удалось выяснить ни одного имени, кроме да Риальто.

– Плохая работа.

– Заговор зреет в таких заоблачных высях, куда мне хода нет.

– Но?

— Но некий пригожий служка сообщил мне по секрету, что кардинал Мазератти тайно встречался с командором да Риальто в своей материковой резиденции.

– Как любопытно. И на что это похоже?

– На то, дражайший кузен, что заговор инициирован кем-то со стороны, и что монсиньор организовал некоему сановнику встречу с нашим объектом.

– Вот ведь лицемерный гаденыш.

– Если ты желал кардинальской преданности, тебе не стоило уводить из-под его носа барыши от транспортировки рыцарей большой земли. Зная Мазератти, он в лепешку расшибется, чтоб тебя наказать.

– Я не готов платить такую цену за такую преданность. - Чезаре поменял ноги. - Ладно, пустое. Сегодня мы выведем из игры командора и этому «некоему» придется показать свой обиженный нос, и, потянув за него, мы вытащим на солнышко монсиньора. Ты уже понял, зачем понадобился мне на сегодняшнем балу?

Карло ответил после ощутимой паузы:

– Надеюсь, что я ошибся.

– Твой объект – синьорина да Риальто. Мне нужно, чтоб она не вышла замуж ни за кого из Саламандер-Арденте. Наверняка, уже подготовлено все, чтоб Мауру застали с капитаном Филоменом в недвусмысленной ситуации.

– Спальня в западном крыле палатцо. Синьор капитан через час после полуночи получит записку с приглашением.

– Ты уже в курсе? Чудесно. Филомен, разумеется, никуда не пойдет. На свидание явится ближайшая подружка доны да Риальто, чтоб утешить ее и поддержать. Но наутро вместо бойкой девицы...

– Нет.

– Что ты сказал?

– Что не желаю подвергать Мауру да Риальто позору.

– Карло, твоя детская влюбленность нелепа.

Панеттоне сжала мою руку с нечеловеческой силой. Счастье, что до сада доносился праздничный шум, потому что я зашипела от боли.

– Если я исполню этот приказ, ваша серенити, юная девушка будет опозорена на всю жизнь. Она не сможет выйти замуж не только за кого-нибудь из Саламандер-Арденте, она не сочетается браком никогда.

– Посидит с пол года в каком-нибудь монастыре и вернется ко двору. Это неплохой вариант развития событий.

– Нет.

Чезаре помолчал, каблук золоченного сапога постукивал по земле.

– А, знаешь что, Карло? – сказал дож весело. – Иди к черту! Роль любовника может исполнить кто угодно. Даже Артуро. Какая чудесная мысль. Синьор Копальди давно уже положил глаз на твою пухлощекую подружку. Мауру застукают с ним. И, в отличие от тебя, мой секретарь сможет жениться на ней хоть завтра. Я их и поженю. Командору нечего будет возразить. Я его, разумеется, прикажу выпороть, не командора, а Артуро, за прелюбодеяние, и притащу под венец. Так даже лучше, дона догаресса останется при своей фрейлине, командор – без шахматной фигуры в своей партии, а ты – с носом!

У супруга с носами связано что-то личное? Что он поминает их через слово?

– Как ты нейтрализуешь Эдуардо? – спросил Маламоко спокойно.

– Сначала скажи, что ты в деле, что займешься доной да Риальто.

Снова пауза и раздраженный возглас:

– Черт тебя дери, Чезаре! Я в деле.

– Ну вот и славно, – промурлыкал его безмятежность как сытый кот. - Новоиспеченному губернатору островов Треугольника я подготовил воистину щедрый подарок.

Дождь придвинулся к собеседнику и, кажется, зашептал ему на ухо, потому что больше ничего расслышать не удавалось. Ну то есть, кое-какие возгласы, удивленные и одобрительные, несколько раз звучало имя князя Мадичи. Заскучав, я посмотрела на Мауру. Ее пухлые щеки пылали, глаза влажно поблескивали, но губы растягивала абсолютно счастливая улыбка.

Противоречивые чувства. Вот как это называется. Они обуревали и меня. Стронцо Чезаре и стронцо Карло! Поганые маламоксские интриганы. Муэрто ведь тоже наполовину Маламоко, правда? Кузены, кракен их раздери. Еще и заставили мою малышку-мадженту устраивать пожар в палаццо Мадичи.

Пальцами свободной руки я погладила саламандру. Молодец, девочка, ты научилась улавливать не только мои мысленные команды. Если нам удастся вывести потомство, я разбогатею просто до неприличия. Филодор говорил, что некоторые нужные качества при разведении достигаются только во втором поколении, и отец с ним соглашался. Брат ссылался на какие-то научные изыскания, родитель – на опыт. Кстати, подбор самца тоже лучше предложить батюшке. Дворцовые каминные саламандры, конечно, не вульгарис, но статей не выдающихся.

Когда уже эта тайная беседа закончится? Ноги от скрюченной позы затекли, мне хотелось их размять. Странно, что нас с Панеттоне никто не обнаружил. Хотя, ничего странного. Лестница, по которой мы спустились в сад, скрыта лианами плюща, верный Артуро не мог ее заметить. Он сторожит эту часть сада у главных дорожек, с той стороны, откуда могут забрести случайные гуляки. Чезаре с кузенком не опасаются быть подслушанными. А, если будут замечены, изобразят любовное свидание, и им поверят. Ну какая девица устоит перед дождем безмятежной Аквадораты? В такой-то шапке! Никто не устоит.

С каким бы удовольствием я вколотила эту шапку по самый подбородок любезному супругу. Будет мне тут ещё мне подруг позорить! А меня он спросил? Хотя, почему меня? Спрашивать надо синьорину да Риальто, которая дрожит у моего плеча и едва сдерживает слезы. Или это не слезы, а, напротив, нервный смех?

– Время, ваша серенити, - позвал издалека синьор Копальди, наш почти родственник, если считать, что Маура мне почти сестра. - Вас ждут в главной зале.

– Ступайте первой, дона Маламоко, - велел Чезаре, – нам не стоит появляться вместе.

– Как будет угодно его безмятежности. – Голос Карло вновь стал женским.

Не знаю, как это получалось, он не пищал, не жеманничал, но даже интонациями передавал прелесть юной синьорины.

Женские туфельки удалились, их сменили мужские:

– Шпионка добыла нам архив? - возбужденно спросил Артуро.

– Он уничтожен, - дож со вздохом поднялся. – Будем надеяться, что наш дражайший тесть Саламандер-Арденте поделится с нами информацией.

– Отправим за ним гвардейцев?

– Вот только скандала с арестом нам для полного счастья не хватало! И без того город полон сплетен, не будем усугублять. Папаша приплывет в Аквадорату сам. Кстати, где моя супруга? Я уже более часа лишен удовольствия терпеть ее выходки.

– Ты слишком строг к Филомене.

Они рука об руку удалялись по дорожке и ответ Чезаре донес ко мне ночной ветерок.

– Классические дамские штучки, дружище, опалить жаром страсти и сразу изобразить холодность. В гроб она меня загонит, попомнишь мое слово. Нам подготовили общую спальню? Наутро найдешь там мой хладный труп, или, напротив, обугленный, это уж как повезет.

Несколько бесконечных минут мы ждали, пока шаги дожа и секретаря затихнут вдалеке.

– Можно выходить, - решила я.

– Возвращаемся через кухню.

– Как скажешь.

Перебегая из тени в тень, мы пробрались к лесенке.

– Что ты про это думаешь? - спросила Маура, когда мы уже очутились в колодезном дворике.

Она прихватила пустую корзинку, чтоб вернуть ее кухаркам.

– Я первая хотела спросить.

– И опоздала. Отвечай.

– Думаю, - я вздохнула, – что синьор Копальди, вероятно, работает на твоего батюшку.

Кажется, это была не та тема, которая интересовала дону да Риальто. Она равнодушно переспросила:

– Из чего ты сделала такой вывод?

– Чезаре не рассказал ему, что Карло – мужчина.

– И?

– И, хотя угрожал Маламоко привлечь Артуро к операции по твоему опозориванию, этого не сделал. Моя очередь спрашивать. Что ты об этом думаешь?

Маура хмыкнула, отодвинула свиную тушу, отдала корзину прислуге:

– Пройдемте, дона догаресса, нас ждут на празднике.

По коридору мы шли в молчании. Голоса гостей раздавались все громче. Я думала.

– Ну, - сказала наконец Панеттоне, - каков будет наш злодейский план?

– Его не будет, пока я не получу твоего ответа. Кого ты хочешь, Карло или Артуро? Или никого из них?

– Я люблю черноглазого ублюдка.

Глаза синьора Копальди были карими, так что я поняла.

– Ты простишь ему согласие на свой позор?

– Если он его прикроет браком, да.

Я вздохнула:

– Какая ты дуручка, Панеттоне.

Она не спорила:

– У тебя есть план?

– Пожалуй, да, и вполне злодейский. И, кстати, быть опозоренной по нему сегодня тебе не светит.

Мы остановились, я притянула к себе белокурую головку и зашептала на ухо.

Маура хихикнула:

– Маркизету я тоже возьму на себя.

– Учти, – предупредила я серьезно, - нам понадобится согласие обоих.

– Поверь, мы его получим.

– И еще, я, в отличие от тебя, не влюбленная дурочка, и никого прощать не собираюсь. Маламоко согласился с приказом дожа, и если сделает хотя бы попытку...

– Ты поклянешься не лезть в мою семейную жизнь.

Вот ведь пухлая командирша. Она уже все для себя решила, и догаресса должна претворять ее решение в жизнь. Эх, не на ту синьорину упал взгляд его серенити, какая правительница могла бы получиться из доны да Риальто!

– Гуляешь, Филомена? – На пороге залы нас встретила Голубка Паола. – Не боишься, что твой супруг это заметит?

– Даже догарессы должны посещать уборную, – зачем-то ответила я. – Хочешь там за мной подтереть?

Маура отчетливо хохотнула.

– Ты не видела Карлу? – спросила я Бьянку, стоявшую неподалеку.

Там же отирался рыжеволосый корсар в полумаске, в котором я без труда опознала своего старшего брата.

– Она ушла переодеваться. Скоро начнется карнавал.

– Тебе нужно быть подле супруга, – Маура подтолкнула меня в сторону стола. – Сейчас он будет говорить речь. Дона Сальваторе, мы с вами после поможем доне догарессе надеть карнавальный костюм. Дона Раффаэле, не смею вас задерживать на пути к уборной.

Обращай на нас хоть кто-нибудь внимание, Паола, разумеется, изобразила бы обиду, может даже расплакалась. Но, в отсутствие зрителей, обожгла Мауру злобным взглядом и устремила к синьоре Муэрто.

Любопытно, насколько ей удалось сблизиться с моей свекровью? Ей она льет в уши тот же яд, что и прочим? Претворяется скромницей, чтоб понравиться набожной вдовушке, или демонстрирует ловкость. Чтоб заслужить одобрение?

Панеттоне мне подмигнула и повела подбородком в сторону маркизеты, ее она брала на себя.

Идти к столу в одиночестве было неловко, туфли скользили по паркету, я выдернула из толпы Филомена:

– Веди, родственник.

– Ты пила? – Он потянул носом и поморщился.

– Амароне, – подтвердила я гордо, – дорогое, между прочим, вино.

– Жизнь в столице тебя развратила.

Мы медленно шли через залу, неуклонно сокращая расстояние, отделяющее меня от дражайшего супруга. Место по левую руку от него пустовало. С другой стороны восседала синьора Муэрто. Спинку ее стула облюбовала в качестве насеста Голубка Раффаэле. Вот ведь гадина, уцепилась в деревяшку своими пальцами и нашептывала что-то, касаясь своим клювом золоченой шапки дожа.

– Кстати о разврате, – обрадовалась я. – Что это за нелепый флирт с маркизетой Сальваторе?

Филомен стал смущенно оправдываться. И вовсе не нелепый, и вовсе не флирт. Бьянка невинной котенка и несчастнее... С метафорами у братца не очень складывалось. Синьорина Сальваторе была очень, сверхчеловечески несчастной. Подруга ее предала, отец не любил.

Про подругу стало любопытно. Я переспросила. Некая девушка, имени которой Филомену не сообщили, увлекла несчастную Бьянку в вампирское логово, и уже потом она узнала, что ее невинную кровь предложили князю Мадичи в качестве оплаты.

– Это ужасно, – прошептала я. – Сальваторе покусали?

– Экселленсе поклялся, что он абсолютно ни при чем.

– То есть, ты с ним об этом говорил?

– И не только говорил.

Бицепс Филомена под моей рукой ощутимо напрягся. Значит, ещё и подрался. Рыжий рыцарь Саламандер-Арденте при прекрасной даме Сальваторе. После такого принято жениться.

– А, если бы князь тебя цапнул?

Мои шаги были уже столь небольшими, что ещё немного, и я бы остановилась.

– Однажды меня уже кусали, – сообщил брат с улыбкой и торжественно провозгласил. – Передаю вам супругу, ваша безмятежность!

Я села подле Чезаре.

– Матушка, – сказал он. – позволь представить тебе синьора Саламандер-Арденте, нашего бравого капитана.

Свекровь выразила счастье таким кислым тоном, что у меня свело скулы и похвалила цветущий вид нового родственника, предположив, что все положенное судьбой здоровье досталось Филомену, минуя меня.

Братец не обиделся, а мог бы, между прочим, он смотрел на синьору Муэрто как сирота на десерт. Да и чего ему оскорбляться, ведь это не его только что обозвали дохляком, а, всего лишь, его единственную сестру. Такая ерунда, права слово.

– Госпожа... – лепетал рыжий предатель. – Хозяйка... Это честь...

– Отставьте, капитан, - прервала его строго матрона. - Мы побеседуем с вами после.

Филомен низко поклонился и продолжал кланяться, пятась от стола. Я конечно, могла бы удивиться его странному поведению, или представить, как его кусали материковые вампиры, или посчитать количество оливок на серебряном блюде передо мной. Но Чезаре взял меня за руку и спросил:

– Где ты была?

– Плакала в чулане.

– Все полтора часа?

– Именно.

– Не ври, я там тебя искал.

«Сам не ври! Я прекрасно знаю, где именно ты находился!» – могла бы я ответить, но промолчала. Чикко сбежала по моей руке на стол. Мы оба посмотрели на саламандру. Она была золотой.

– Кстати, - протянул супруг, – я тоже не был с тобой до конца честен.

– В чем именно?

Маджента подбросила оливку как мячик. Командор да Риальто со своей стороны стола провозгласил:

– Скоро полночь, мы встретим карнавал словами его серенити.

Дождь встал и поднял бокал, на его ободке помахивала хвостиком малышка-саламандра.

– Дамы, доны, синьоры и синьорины, господа, граждане безмятежной Аквадораты...

Чикко вела себя странно, я наблюдала за ней, скосив глаза. Маджента окунула хвост в вино, тряхнула им, брызги заалели на

скатерти. Саламандра оставалась золотистой, но хвост, которым она теперь размахивала без остановки, стал глянцево черным.

– ... в этот праздничный час... – продолжал Чезаре.

Я не слушала. Чикко спрыгнула на стол, подбежала к моему бокалу, повторила свои манипуляции. Опять черный хвост. Речь супруга подходила к концу, гости поднимались с мест, чтоб выпить стоя. Руку, которой я потянулась к бокалу, обожгло огнем. Не фигуральным. Саламандра выпустила в меня струю пламени.

Бокал я все же взяла, но так неловко, что содержимое его выплеснулось на грязную уже скатерть.

Отсалютовав пустой посудой, я шепнула:

– Не пей, вино отравлено.

– Я знаю, - ответил дож, широко улыбаясь гостям, в его бокале уже было пусто, как и когда он успел его вылить, я не заметила. - Кстати о лжи, Филомена. Развода я тебе не дам.

– Вообще, или сегодня?

Он не ответил. По протоколу тишайшей чете полагалось покинуть залу первыми.

– Дона догаресса.

Наши парчовые рукава встретились и переплелись, супруг уводил меня под руку.

– Чикко, - позвала я, и саламандра вернулась ко мне на ухо.

– Она умеет определять яд? – спросил Чезаре.

– Как оказалось, да.

– Полезная зверушка. И, кстати...

Он отвлекся, отвечая на чье-то приветствие, кивнул синьору Копальди:

– Артуро, скажи ребятам заняться светловолосым виночерпием в лиловом костюме, он подсыпал яд в наши с доной Филоменой бокалы.

Помощник рыскал взглядом по толпе:

– Будет исполнено.

– Кстати, о зверушках, - напомнила я супругу, когда мы шли через залу.

– О полезности. Ты полезна мне, Филомена, мне и Аквадорате. Ты останешься со мной.

Противоречивые чувства, которые я испытала в этот момент, классификации не поддавались. Тут была и обида, потому что некто считал себя вправе решать за меня, и злость, и бессилие, и нелепая радость, и азарт. Мы ещё посмотрим, ваша безмятежность, зачем вы меня желаете, для дела или для любви. И кому я нужна, вам или Аквадорате, и кому из вас больше. Сегодня вы получите передышку, но лишь потому что «полезная» Филомена будет занята другими делами. Тишайший дельфин, вы угодите с мои сети, и мы составим вполне достойную разнополую пару. Вас заколдовали форколские сирены? Я и с этим разберусь, не будь я дочерью своей матери.

Мы вышли на террасу под ночное небо Аквадораты. Двор, запруженный людьми, сверкал огнями и блестел маскарадной мишурой. Некоторых гостей в дом не приглашали, здесь веселилась публика попроще. Кое-какие дамы красовались обнаженными грудями. Это были путтана, и одной из них предстояло сегодня стать моей учительницей в науке соблазнения.

Нас с дожем оттащили друг от друга. Артуро звал его серенити переодеться, Маура требовала того же от меня.

Люди внизу тоже чего-то требовали. Поцелуя!

– Нельзя разочаровывать подданных, – прокричала я, – граждан безмятежной Аквадораты!

Подпрыгнув, я обвила руками шею супруга, тот покачнулся, но устоял.

– Целуй, стронцо.

– Этот вот рот, которым ты так грязно выражаешься?

И губы Цезаре встретились с моими. Грязи он не боялся.

Дурацкая парча, идиотское золото. Почему нельзя ходить голыми? Одежда мешала. Пальцы ощущали мужскую шею, но их царапал обод шапки. Я сожгу ее!

Тишайший отстранился, в его глазах бушевало море:

– Самое время изобразить холодность, тесоро.

И, раскланявшись, будто балаганный шут, его серенити ушел.

– Даже завидно, – решила Панеттоне. – Если вы вытворяете такое на публике, боюсь представить, на что способны в постели.

– Невинным синьоринам это представлять не положено, терпеливо дожидайся, пока тебя опозорят, – огрызнулась я. – Пошли переодеться. Что Бьянка, ты ее расспросила?

– О, наша маркизета влюблена как кошка, она даже осмелилась спросить своего родителя о возможности брака с неким захудалым синьором.

– И что маркиз?

– Разумеется, отказал.

Местные слуги провожали нас в покои, так что беседу пришлось на время прервать. Командор да Риальто отвел тишайшей чете огромную спальню в центральной части палаццо. К ней смежными комнатами примыкали две гардеробные и обширная ванная. Комнаты свиты располагались дальше по коридору.

В моей гардеробной уже ждал костюм русалки.

– Все прочь, – велела командирша. - Я лично переодену дону догарессу. Инесс, Констанс, принесите мой наряд сюда. Ангела, дежурь у двери и никого сюда не пускай. Лу, Чечилия, найдите дону Маламоко, она нужна нам для первого танца, пусть ждет внизу.

– Какой ещё танец? - спросила я, сбрасывая туфли.

– Что-нибудь изобразим, - отмахнулась Панеттоне, - не зря ведь мы столько часов посвятили этому благородному искусству в стенах «Нобиле-колледже-рагацце». Повернись, я помогу снять платье.

– Ты получила записку?

Маура показала мне кованый ключ:

– От спальни в западном крыле. Я удостоилась устного приказа батюшки, переданного, правда, через секретаря. Мне велено быть в условленном месте уже через час после полуночи и запереть дверь на ключ, когда рыжий болван... Прости, Филомена, я цитирую дословно. После этого ключ предписано выбросить в окно и начать орать, одновременно разрывая на себе одежду.

– То есть, утра ждать не будут?

– Видимо, командор да Риальто сомневается в силе женских чар любимой дочурки.

Маура задорно хихикнула:

– И раз уж мы заговорили о предусмотрительности дона да Риальто, надо обезопасить тебя от зеркальной ситуации в другой спальне.

– Это не наша забота, пусть Эдуардо занимается его серенити. Хотя, я бы посмотрела, что за сюрприз он ему подготовил.

– Расскажешь потом, подозреваю, что я в в это время все еще буду водить за нос лживого Маламоко.

И эта про носы. Синонимов в аквадоратском диалекте не осталось? А как же «морочить голову», «обводить вокруг пальца», «околпачивать», в конце концов?

В дверь постучали, горничные принесли наряд Панеттоне.

– Мы все будем русалками? - спросила я. – И ты, и я...

– И Карла, и Бьянка и даже мускулистая Голубка. Твой костюм, разумеется, побогаче. Кстати, одевайся.

– Кто-то собирался мне помочь.

– Жизнь во дворце тебя развратила. - Маура уже стояла передо мной в одних чулках.

– То же самое мне сказал Филомен, – вздохнула я, натягивая узкую нижнюю юбку.

Подруга поинтересовалась, как братец относится к нашей маркизете. Я рассказала все, о чем удалось узнать.

– Раффаэле, – Маура изобразила смачный плевок, – она притащила Бьянку к экселленсе. То-то Сальваторе вдруг полюбила шелковые шарфы на шею. А синьор Саламандер-Арденте, значит, стал грудью на защиту?

– Классика. Дева в беде и отважный рыцарь.

– Ну, значит, тут все сладилось. Сальваторе говорит, за ней дают приличное приданое, а от покойной матери ей достался серебряный рудник, в права владения она вступит сразу после брака. Так что, если маркиз прокатит нас с приданым, а он может, рудник все равно останется за нами. То есть, за вами, за Саламандер-Арденте. Ты получаешь богатую невестку, дона догаресса. И, кстати, если папаша новобрачной от злости окочурится, твой брат вполне сможет унаследовать через супругу титул.

Я погрустнела:

– Будут ли они счастливы? Имеем ли мы право вмешиваться в чужие судьбы?

– Бьянка бы все равно своего добила, – уверенно сказала Маура. – Она втрескалась в Филомена с первого взгляда, а он, заметь, тогда был еще с бородой.

– Это довод!

– Еще какой. Не в обиду, но эта рыжая мочалка на подбородке добавляет капитану лет двадцать .

Я все ещё сомневалась, Маура повертелась перед зеркалом:

– Сальваторе собиралась склонить синьора Саламандер-Арденте к побегу. Она даже умудрилась уже договориться со священником острова Николло о тайном венчании.

– Филомен бы не согласился.

– Как знать. Они уже целовались. Раз двадцать, и не под омелой, как одна нам с тобой известная синьорина с известным синьором, а в темных уголках дворца.

– Брат путешествовал с Чезаре. Когда они успели?

– А они не теряют времени на пререкания, как та же самая знакомая нам синьорина с уже другим синьором.

– Путтана!

– Нет, просто влюбленная девица.

– Да я не ругаюсь. Панеттоне, я видела среди гостей путтана. Мне нужно побеседовать с одной из них.

Маура хихикнула:

– Сначала пообещай, что ты в деле, Аквадоратская львица. Потому что, кроме тебя затолкать капитана Саламандер-Арденте в спальню некому. Его серенити будет этому всячески препятствовать .

Я тоже рассмеялась. «Пообещай, что ты в деле!» Фразочка из диалога кузенов Маламоко.

– Я в деле, Маура.

– Тогда и я ради тебя постараюсь. Девица с голой грудью будет доставлена пред твои аквамариновые очи сразу после первого танца. Теперь садись, я сделаю тебя самой желанной русалкой наших безмятежных вод.

Она распахнула дверь:

– Все сюда, займитесь волосами доны догарессы.

Чикко, принявшей уже цвет морской волны в тон костюму, пришлось сидеть на плече Инесс, пока меня расчесывали и колдовали над лицом.

Платье Мауры было другого оттенка, голубого, а пайетки на подоле не золотыми, а серебряными. Грудь украшали нити морского жемчуга. Когда девушка распустила волосы, она действительно стала походить а русалку, не настоящую, а такую, как их принято изображать

на картинах. Разве что ни одна нарисованная русалка не щеголяла в серебряной полумаске.

Я поднялась с табурета и подошла к зеркалу. Мое кольцо было аквамаринным, драгоценные камни мерцали на коже, припорошенной золотистой пудрой. Губы призывно алели, глаза в прорезях полумаски казались темными и загадочными, приподнятые перламутровыми гребнями волосы открывали изгиб шеи и уши, на правом притворялась драгоценностью маджента.

Горничные восхищались, особенно, когда дона да Риальто стала рядом со мной. Мы смотрелись чудесно. Но мне чего-то не хватало.

Я сообщила об этом.

– Карлы! – сказала Маура. – Нас должно быть трое. Блондинка, брюнетка и рыжая.

– Дона Маламоко уже переделалась и ждет дону догарессу внизу, – сказала Лу. – Она очень недовольна, что ее заранее не предупредили о танце.

– Ах недовольна, – протянула Панеттоне, и тон ее ничего хорошего не предвещал. – В следующий раз, Филомена, не забудь предупредить нашу муранскую Галку недели за две, лучше письменно.

Горничные захихикали, переглядываясь. Я шутовски поклонилась и заверила, что предупрежу синьорину Маламоко посредством площадного оглашения не позднее чем за полгода.

В дверь, ведущую из гардеробной в спальню требовательно постучали. Констанс ее отворила и все горничные присели в реверансе:

– Ваша серенити.

Чезаре, изображающий Посейдона в белоснежной тоге и с трезубцем наперевес, придиричиво осмотрел своих русалок:

– Неплохо.

Отсутствие восторга меня обидело.

– Божественная колесница ждет морское величество у окна, а синьора Копальди вы одели лошадью? – начала я глумливо и прыснула, потому что появившейся за плечом дожа Артуро был в костюме кракена, с его плеч спускались к полу восемь щупалец, а нос черной маски походил на клюв. – Примите восторги, синьоры. Тщательность, с которой вы подошли к делу, поражает воображение.

Кракен посторонился и в гардеробную вошла еще одна русалка, в платье столь светло голубого оттенка, что оно могло показаться белым. Узкое по всей длине, оно плотно облегалo стройную фигурку синьорицы Раффаэле, и было щедро украшено драгоценной алмазной крошкой. Русые волосы Паолы были тщательно завиты и подколоты с одной стороны гребнем в виде веточки коралла.

«Да она красавица, – подумала одна часть меня. – Кто бы мог заподозрить такую красоту под серыми тряпочками?»

«Она вышла из вашей спальни! – вопила вторая. – Из твоей, кракен тебя раздери, спальни, с твоим мужем вышла посторонняя женщина!»

«Чезаре был с Голубкой не один, – успокаивала третья. – С ними был Артуро».

«Это, наверное, называется любовь втроем», – предполагала четвертая.

Меня в этот момент разорвало на тысячу лоскутков, и каждый из них имел что мне сообщить .

– Я помогала его безмятежности одеться, – потупилась Голубка.

«Сдохни!» – подумала я, а вслух похвалила фрейлину за услужливость и мастерство.

– Набросить тогу на плечи стоило, наверное, немалых усилий? А подать трезубец! И сандалии зашнуровали? Какая вы молодец, дона Раффаэле.

Маура фыркнула ровно с такой громкостью, чтоб быть услышанной, но не наказанной. Губки Паолы дрогнули, из глаз полились прозрачные слезы. Как предусмотрительно с ее стороны было подвести только верхнее веко, обезопасив себя от грязных разводов на щеках.

Я мысленно застонала. Опомнись, Филомена, не дай втянуть себя в ссору. Голубка делает все, чтоб представить тебя вздорной горячкой.

Злодейский план, ринуться с утешениями и носовым платком, чтоб все-таки размазать сурьму по личику притворы, в жизнь не воплотился. Во-первых, Чезаре не дурак и все поймет. Во-вторых, хороша я буду , если супруг станет грудью на защиту своей помощкомской розы. А в третьих, дона Раффаэле, может неловко упасть, как

бы от удара, или вообразить угрозу и лишиться чувств. Да ну его, вариантов масса и ни в одном из них я не побеждаю.

– Наденьте маску, Паола, - вздохнула я. – Не следует показываться на людях заплаканной.

Посейдон и Кракен предложили страдальце свои носовые платки. И она взяла оба. Жадная... гадкая... путтана.

Последнее слово направило мысли мои в другое русло:

– Дражайший супруг явился сопровождает меня на карнавал? Идемте? В конце концов, по слухам, владыка Посейдон держал подле себя целый гарем жен, у тишайшего Муэрто их сегодня будет пятеро. Дона Маламоко ждет нас внизу. Где дона Сальваторе? Паола, она разве не с вами?

Ответ был озвучен едва слышным полным страдания шепотом:

– Бьянка еще одевается, дона догаресса, она спустится позже.

Артуго помогал Голубке закрепить атласную белую полумаску, щупальца топорщились и мешали. Я взглянула на Инесс, чтоб она взяла дело в свои руки, но Паола, перехватив мой взгляд, всхлипнула и протянула маску Чезаре.

– Подержи. – Сунув мне трезубец, супруг поспешил на помощь.

Автоматически я проверила заточку. Нанизать и запечь. Голубятина на вертеле. И скормить крысам. Нет, голубям, они жрут себе подобных с превеликим удовольствием. Ненавижу и тех и других, и крыс и голубей. Голубей больше, а уж одну конкретную Голубку – до скрежета зубовного.

Паола хихикнула от щекотки, Чезаре извинился. Я разжала пальцы, трезубец упал, задев табурет, тот с грохотом перевернулся. Все посмотрели на меня.

– Дона да Риальто, проводите меня на праздник.

– Да, дона догаресса.

И мы вышли из гардеробной.

– Дура, - вполголоса ругалась Маура на ходу, - Паола этого и добивалась, появиться на карнавале под руку с Чезаре. Не могла сделать вид, что тебе все равно?

– Не могла. Да почему я вообще должна притворяться? Сластолюбивый дельфин. Пусть катится. Пусть живет втроем с Артуго и своей лживой Голубкой. – Остановившись, я повернулась лицом к подруге. - Ты заметила, как он на нее смотрел?

– Я заметила другое, Филомена, на кого он смотреть избегал. Тишайший хотел вызвать твою ревность.

– Зачем?

Панеттоне пожала плечами:

– Может, отомстить за ту, что вызываешь в нем ты, может, чтоб удостовериться в твоих чувствах. А тебе нужно было или сдерживаться, или уже идти до конца, закатив грандиозный скандал. Раньше ты не ограничивалась полумерами.

Последняя фраза меня очень обидела. Тряхнув волосами, я гордо вздернула подбородок и пошла по коридору. Посмотрим, булочка моя сдобная, как ты запоешь, когда перед тобой появится объект твоей страсти. Я тоже тебе потом расскажу, как именно следовало бы себя вести, и укажу на ошибки. Потому что все влюбленные женщины постоянно ошибаются.

ГЛАВА 3. Ради дружбы и любви

Синьоре Муэрто, матери тишайшего, отвели покои на первом этаже палатцо. Хромота синьоры затрудняла подъем по лестницам, на этот факт указал управляющий Пассерото во время личной беседы с Доной да Риальто, когда занимался размещением свиты дожа.

Торжественный ужин закончился, синьора Муэрто ушла к себе. Дона Раффаэле, фрейлина догарессы, в чьи обязанности входила помощь матроне, поворошила поленья в горящем камине, спугнув дремлющую саламандру.

– Госпожа желает переодеться?

– Не желает, – синьора Муэрто села в кресло у камина и уставилась на огонь. - А ты, милая, ступай.

– Время терпит. – Девушка присела на скамеечку у ног синьоры.
- Если бы не обязанности фрейлины, я предпочла бы остаться с вами до утра.

– Не любишь веселья?

– Не люблю быть на вторых ролях.

Светлые глаза посмотрели на нее одобрительно:

– А ты откровенна.

Паола невесело улыбнулась:

– Его серенити, еще до того как стал тишайшим, рассказывал мне, что синьора Мадалена ненавидит вранье.

– Что ещё он тебе поведал?

– Что его матушка отважна и сильна, как древняя воительница, не любит политических интриг, не склоняется перед титулами, а в людях более всего ценит верность и прямоту.

– Полагаю, мой хитроумный сын готовился тебя мне представить?

Дона Раффаэле украдкой вытерла слезы:

– К сожалению, его планам помешали.

Матрона молчала, в глазах отражались язычки каминного пламени.

– Мой отец не дал разрешения на брак, - продолжила девушка. - Пять долгих лет я провела на Помо-Комо, практически в заточении.

Время от времени меня выпускали из комнат, чтоб представить благородных синьоров, по мнению батюшки, достойных моей руки. Я всем отказала.

Она плакала уже не скрываясь:

– Пол года назад на острове появилась группка святых сестер одной из обителей, я поняла, что меня будут готовить к постригу. И тогда... тогда... Меня вынули из петли в последний момент.

– Самоубийство – смертный грех.

– Я была в отчаянии!

– И что же, синьор Раффаэле устыдился и позволил тебе вернуться к Чезаре?

– Я попросила разрешения попрощаться, еще раз взглянуть в любимое лицо перед тем, как навсегда удалиться из мира.

– Но ты поступила в «Нобиле-колледже-рагацце».

– Это было не моей идеей. Отца ко двору не приглашали, деловыми связями в Аквадорате он не обзавелся, так что придумал повод: обучение наследницы. Боже мой, какая глупость! Я оказалась в компании малограмотных легкомысленных девиц, в головках которых есть место лишь мыслям о танцах и флирте. Мне пришлось скрывать свои знания, чтоб особо не выделяться среди товарок.

Паола смущенно запнулась:

– Простите мне это нелепое хвастовство.

– Как ты собиралась увидеться с его серенити?

– Особых планов у меня не было. Я надеялась на удачу. И она пришла. В первый же мой школьный вечер дон Муэрто, тишайший был инкогнито, поэтому я позволила себе его так назвать, проплывал мимо наших окон в гондоле. Мы узнали друг друга, хотя он был в маске, а я... Мы встретились на пристани палаццо Мадичи.

– В колледже столь вольные нравы?

– Ах, разумеется, я тайно сбежала. -Вздрогнув от недовольного возгласа собеседницы, Паола потупилась. – Тамошние благородные девицы именно так и поступают. Уже возвращаясь к себе, я заметила снаружи и Филомену с ее приспешницами. Видимо, они наблюдали мое с Чезаре свидание и решили помешать нашей любви.

– Филомена тоже встречалась там с мужчиной?

– Если чудовищного князя можно так назвать. Я ненавижу сплетни. Но ученицы шептались, что синьорина Саламандер-Арденте

постоянно бегают в палаццо Мадичи, тогда еще не было известно, что экселленсе пробудился, и... – Паола опять запнулась. - Простите, это всего лишь слухи, далекие от правды. Благонравие доны догарессы выше подозрений.

– Да уж, - пальцы матроны поигрывали наверху трости. - Однако, что это за любовь, если ей может помешать рыжая бесстыдница?

– Чезаре обещал мне брак. Батюшка должен был назавтра явиться на аудиенцию во дворец дожей, то есть, на третий день, после обряда обручения с морем.

– Об этом обручении я наслышана.

– Госпожа понимает все хитроумие чудовищной интриги Филомены? Она поставила тишайшего в безвыходное положение. Он не мог пренебречь подарком моря, не вызвав неудовольствия всех граждан Аквадораты, своих подданных. И теперь эта лицемерка портит ему жизнь, продолжая плести сети интриг. Ей мало титула, мало звания супруги, она желает унижить и растоптать наши чувства. Назначить меня своей личной фрейлиной, чтоб ежечасно наслаждаться моими страданиями, это ли не подлость?

Синьора Муэрто ничего не ответила. Паола, будто обессилев, затихла, опустив голову на грудь. Они довольно долго молчали.

– Сделаем так, милая, – наконец проговорила матрона, - ступай к его серенити, передай, что мать желает его видеть немедленно.

Дона Раффаэле пружинно поднялась, удостоившись одобрительного взгляда синьоры, и побежала к выходу.

Отсутствовала она довольно долго, а когда вернулась в сопровождении Чезаре, на ней уже был карнавальный костюм.

– Не слишком парадные покои, - хмыкнул дож, щурясь от сумрака спальни.

– Слава богу, Аквадората – республика, а не монархия, а я не королева-мать.

– Я прикажу зажечь светильники, – предложила Паола.

– Подожди в коридоре, – велела матрона, – разговор с твоим Посейдоном будет недолгим, и ты после сопроводишь его на карнавал.

Улыбка дона Раффаэло на мгновение разогнала сумрак лучше любой лампы, девушка выскользнула из комнаты и плотно прикрыла за собой дверь.

Чезаре сел в свободное кресло у камина:

– Прости, я должен был нанести визит не дожидаясь приглашения.

– Плохой сын.

– Другого у тебя нет.

Трость описала молниеносный полукруг, сбивая прислоненный к спинке кресла трезубец.

– Прости, – повторил Чезаре примирительным тоном, – я правда собирался прийти. Завтра же утром буду весь внимание и сыновняя почтительность.

– Завтра?

– Именно на рассвете завершится небольшая интрижка, посвящать в которую матушку мне бы не хотелось.

– Ты не заигрался?

– Может самую малость. – Чезаре широко улыбнулся. - Но именно ради таких вот игр я согласился терпеть на голове рогатую шапку дожа. Ты хотела мне сообщить нечто срочное? В то, что ты приплыла, поздравить меня со свадьбой, я не верю.

– Я спешила ей помешать, но, к сожалению, не успела. Караибские шторма сожрали почти неделю пути. Шхуну потрепало, тебе придется оплатить ремонт.

– С удовольствием. Я, представь, немного разбогател с последней нашей встречи.

– Четверть с четвертью, – фыркнула матрона. - Интриги! Похващаешься потом.

– Ты упомянула, что собиралась предотвратить мой брак с Филоменой. У тебя были видения?

– О морских чудовищах, увлекших тебя в пучину вод вместе с твоей дурацкой шапкой и обручальным кольцом на пальце. Но я, как уже было сказано, опоздала, поэтому будем играть с теми картами, что розданы. Ты разведешься.

– Нет. То есть, не скоро. Матушка, дона догаресса обожаема народом и полезна Аквадорате.

– А тебе? Я же прекрасно помню, сколько ты приходил в себя после истории на острове Помо-Комо. Ты любил и страдал.

– Вижу, ты уже опознала личность синьорины Раффаэле.

– Она хорошая девушка, горячая, смелая, порывистая.

– И ловкая! Пол часа назад она влезла по лианам плюща в окно моей спальни, придерживая подол платья зубами.

– И пышет здоровьем.

– Никакое здоровье не поможет ей подарить тебе внуков.

– Кажется, ты успел заразиться злостью у Филомены.

Чезаре смутился:

– Прости, если обидел. Матушка, давай отложим беседу. Я открою тебе свое сердце, сдерну завесу с планов. Хочешь, мы вместе сбежим из дворца в доки, чтоб осмотреть шхуну? Твоя команда разместилась с удобствами? Мы даже можем захватить с собой Паолу, она обожала когда-то лазить по мачтам. Или пригласить Филомену, чтоб вы с ней попытались подружиться.

За дверью раздалась какая-то возня.

– Кажется, мне пора. Ты точно не пойдешь на карнавал?

– Ступай. – Матрона поднялась, грузно опираясь на трость. – Иди с Паолой, пусть твоя горделивая женушка слегка помучится ревностью.

– Матушка!

– Она тебя не любит. Каково? Как можно не влюбиться в такого красавца? У нее ледяное сердце.

Чезаре отвел синьору Маддалену к кровати и подхватил с пола свой трезубец.

– И это мы тоже обсудим.

Он поклонился, залихватски забросил на плечо подол карнавальной тоги и удалился. Дона Муэрто прилегла на постель. Ноге требовался отдых.

Родительница дожа не любила интриг, но лишать себя удовольствия лично лицезреть финал одной из них, не собиралась.

Карла Маламоко ждала нас во дворе под балюстрадой. Светлосинее платье с жемчужными вставками и воротником под горло, волна кружев на плечах и груди, синяя полумаска с бахромой из крошечных ракушек, волосы распущены и спадают почти до пояса смоляной волной.

– Что за танцы, рагацце? – недовольно спросила она.

Маура отогнала ревнивым взглядом некоего Арлекина, отирающегося в неприличной близости от черноволосой русалки и легкомысленно махнула рукой:

– Поводим хоровод, два три раза присядем в поклонах, ничего сложного. Лучше скажи мне, милая Таккола, нет ли среди присутствующих путтана твоих старых знакомых? Донна догаресса желала бы с нею побеседовать.

Доңа да Риальто ворковала, прижимаясь к Карле всем телом. Запрокидывала голову, заглядывая в лицо. Она флиртowała! И премило. Смотри, Филомена, и учись. Теперь, зная все обстоятельства, я замечала, каким жадным блеском зажигаются черные глаза от близости Панеттоне, как дрожат губы и подгибаются колени под синим подолом. Так тебе и надо, хитрый интриган. Страдай от неутоленных желаний. Хотя, кажется, страдать тебе недолго. Маура желает быть обещенной, и идет к своей цели напролом. Пусть только немножечко потерпит. Сегодня сцена ждет других актеров.

Толпа напирала со всех сторон, гости ожидали появление дожа, чтоб начало карнавала стало официальным.

– Серениссима, – прошелестело у уха.

Высокий синьор в маске Вольто обнял мои плечи, защищая от толчеи.

– Ваше сиятельство, - обрадовалась я, - вы уже здоровы!

– Не совсем. – Князь отодвинул маску и показал мне безобразный ожог на подбородке. – Святая вода действует на нас почище кислоты.

– Какой кошмар!

– Вам противно мое уродство?

– Нет, что вы. Погодите, Лукрецио, вы, кажется, кокетничаете? Желаете комплиментов?

– К сожалению, серениссима, мои желания невозможно исполнить.

Маска вернулась на место, а князь шагнул в сторону, увлекая меня подальше от подруг.

– Вы готовы к представлению, Филомена?

– К танцам? – Он сокрушенно вздохнул, заставив меня хихикнуть. – Ах. Лукрецио, я знаю, что эти две недели вы охраняли меня, изображая томную страсть. Я благодарна. Поэтому отвечу без обиняков: я готова ко всему.

– Вас собираются похитить, чтоб доставить в спальню к юному да Риальто.

– Вы этому воспрепятствуете.

– Да. Я просто хотел предупредить, чтоб вы не испугались появлению ночных господ.

Толпа возбужденно зашумела, на возвышение в глубине двора вышли музыканты, стража командора стала оттеснять гостей в сторону, расчищая пространство у лестницы.

– Ваш выход, серениссима, – сказал экселленсе, снимая руку с моего плеча. – Ваш Посейдон сейчас появится.

– До встречи.

Расталкивая локтями гостей, я пробралась к подругам. Карла как раз любезно сообщала стражнику, напирающему на нее, куда и как она засунет ему его алебарду.

– Наконец-то! – Маура подтолкнула меня вперед. – Немедленно пропустите дону догарессу.

Первые аккорды прозвучали, когда его серенити сошел с первой ступеньки. Синьорина Раффаэле замешкалась, попыталась оттолкнуть Кракена. Дальше я не смотрела, Панеттоне дернула меня за руку, увлекая в хоровод.

Зрители аплодировали, мы с Маурой, касаясь плечами, сделали круг друг напротив друга, я сменила партнершу. Карла приподняла меня за талию, заставив на мгновение зависнуть. Этот танец я помнила, мы репетировали его в школе, теперь для экзамена придется разучивать другой. Шаг, другой, поворот, шаг, прыжок. Замечательно. Мы сохраняем синхронность движений. Поклон, плие, поворот.

Талию обвили мужские руки:

– Первый танец супругу, дона Филомена.

– Посейдону нужно уделять внимание всем своим женам, - проворковала я, меняя партнера.

Плюшевые щупальца Кракена щекотали под мышкой. Смена.

– Неплохо пляшешь, - похвалил Филомен, наступая мне на ногу.

– Ты получил записку от некоей синьорины?

– Да, я туда не пойду.

– Маркизета Сальваторе будет безутешна.

– Что?

Смена партнеров. Какой-то пузатый Арлекин.

– Вы так прекрасны, дона догаресса.

Синьор с головой дельфина.

– Вы так прекрасны...

Морской лев с шапкой в виде раковины, другой Арлекин, теперь тощий, воин морского царя в чешуйчатом нагруднике, Филомен.

– Что ты говорила?

– В спальне тебя ждет Бьянка.

– Ты уверена?

Карла танцевала с командором да Риальто, касаясь подбородком его рогатого шлема. Какое-то витландское морское божество? Любопытно, а нашей Галке противны мужские прикосновения? Патриций так по-хозяйски обхватил тонкий стан партнерши, что даже мне стало неприятно.

Гражданин Вольто.

– Серениссима.

– Лукрецио, вы прекрасно танцуете.

– У меня были века, чтоб научиться.

Корсар.

– Ты уверена?

– Ты болван, не теряй времени.

Посейдон.

– Дражайшая супруга меня избегает?

И мой танец закончился, его серенити набросил мне на голову край своей божественной тоги и увел со двора. Сопротивлялась я недолго и для вида. Филомен так оттоптал мне конечности, что им требовался отдых.

Чезаре поправил мне волосы и кивнул на мраморную скамью в тени розовых кустов.

– Присядем.

Мы были уже в саду, в той его части, что примыкала к палаццо, дорожку охраняла четверка гвардейцев в черно-золотых мундирах дворцовой стражи.

– У нас свидание? – хихикнула я, облегченно вытягивая ноги. - Спорим, ему помешают?

– И чего бы тебе хотелось? Свидания, или того, чтоб ему помешали?

Туника Посейдона была довольно короткой, когда супруг, севший подле меня, закинул ногу на ногу, фонарный свет отразился от его гладкого колена.

- Моя новая алая гондола уже заказана?
- И пони с бантом.
- Врешь?
- Разумеется.

На дорожке появилась одинокая фигурка. Я хихикнула. Дона Раффаэле, опирающаяся на трезубец Посейдона, выглядела крайне нелепо. Гвардейцы ее не задержали.

– Дона догаресса, ваша серенити, - девушка протокольно присела. - Прошу меня простить, серениссима, но мне требуется сообщить важную информацию лично тишайшему Муэрто.

При зрителях притвора была сама вежливость . Чезаре поднялся, отобрал у Паолы свой трезубец и велел мне:

- Подержи.

Приказ я молча проигнорировала , не желая становиться оруженосцем. Супруг ко мне даже не обернулся,и трезубец с мягким шлепком упал на посыпанную песком дорожку. Шмяк.

Они отошли довольно далеко, как не напрягала я слух, ни словечка до меня не доносилось. К беседующим приблизился синьор Копальди, дож ему что-то резко сказал, и Артуро, кивнув, подошел ко мне.

- Садитесь, – предложила я приветливо. – Что там стряслось?

– Мы не успели задержать виночерпия, который пытался за ужином отравить дону догарессу. Его серенити раздражен.

– Разумеется, парнишка сразу же бежал,исполнив злодейский план, - попыталась я утешить помощника. - Счастье, что вы не обнаружили его хладный труп.

- Я предпочел бы доставить дожу хотя бы покойника.

И какой бы в этом был толк? Покойники не говорят. Можно подумать, Чезаре не привык к постоянным попыткам своего отравления. Это его явно забавляет. Меня тоже , если честно. Выживание в змеином гнезде – азартная аквадоратская игра.

Чезаре широким шагом вернулся к скамье, синьор Копальди при его приближении,испуганно вскочил.

- Плохая работа, Артуро!

– Все хорошо закончилось, - попыталась я вступиться. - Его серенити заметил манипуляции виночерпия и не стал пить отравленное вино.

– Его серенити не заметил, как яд оказался в твоём бокале, – ответил супруг глумливо. - И , если бы не Чико, ты бы уже... Артуро, ты проверил яд?

– Да, ваша сёренити, - кивнул помощник, - он не смертелен.

– Ты бы уже была мертва! – Чезаре толкнул синьора Копальди в грудь, заставляя сесть . – В смысле, не смертелен?

– Профессоре уверяет, что это был всего-лишь какой-то растительный афродизиак.

– Мы притащили с собой лекаря? – перебила я азартно. - Почему я его не заметила? Ах, наверное, он прибыл тайно. Под маской?

Мужчины посмотрели на меня синхронно, синьор Копальди даже с оттенком жалости.

– Значит, – хмыкнул Чезаре, – за эту приправу к вину мы должны благодарить командора.

– Мне можно удалиться? – спросил осторожно Артуро. - Дона Маура обещала мне танец.

Дождь его не слушал, он смотрел на меня с хищным блеском в глазах:

– Представляю, что бы творила моя тишайшая супруга, пригуби она угощение.

Синьор Копальди повторил вопрос и получил разрешение.

Мы с Чезаре полюбовались его уходом, щупальца таинственно колыхались при каждом шаге.

– Ты принимал уже афродизиак? Как он действует?

– Любопытная русалка.

– Что сказала тебе Паола?

Дождь погрузился:

– Ничего хорошего. Моя изящная интрига трещит по швам из-за болтливости исполнителей.

Ничего уточнять он не стал. Ну и ладно, я и без того знала довольно много. Значит, командор да Риальто узнал, что в его силках хозяйничают другие охотники? Речь идет об одном капкане, или обо всех?

Мы помолчали, послушали доносящуюся в сад струнную музыку. Мне подумалось, что ситуация меня несколько не тяготит. Сидеть и молчать рядом с этим мужчиной мне было даже приятно. Он

думал о чем-то своем, изящно-интриганском, я украдкой любовалась четким профилем.

– Ты знаешь, что в твоём Изолла-ди-кристалло? – дружелюбно спросил Чезаре.

– Нет, – я пожала плечами. – Это просто невероятно красивый остров.

– Красивый, – подтвердил супруг. – Мне показал его Филомен.

– Это правда, что моряки его не замечают, если на корабле с ними нет никого из Саламандер-Арденте?

– Пожалуй, да.

– Забавно, мне всегда казалось, что это такая семейная байка. Ну, понимаешь, я-то Саламандер-Арденте, и даже не могла себе представить, как это – не видеть. Ты плавал в лагуне? Правда, когда погружаешь лицо в воду и смотришь на дно, кажется, что паришь высоко в небесах?

– Нет, тесоро, подводными красотами я полюбоваться не успел.

– Понятно, – хмыкнула я, – мальчишки предпочитают исследовать кварцевые скалы. Флоримон мне когда-то вполне серьезно пытался доказать, что блестящие камешки – это настоящие алмазы, и мы обязательно разбогатеет.

– Это твой четвертый брат?

– Да, всего годом старше. Еще есть Филиппо и Франциско, они близнецы, и Филодор. Ну а с Филоменом ты уже знаком. Кстати, о Филомене. Он уже просил у тебя разрешения на брак?

К моему удивлению, Чезаре кивнул:

– Он желает вести под венец маркизету Сальваторе.

– Маркиз в курсе его планов?

– Будь патриций осведомлен, капитану Саламандер-Арденте не понадобилось бы мое благословение. Я пообещал, при необходимости, заверить консумацию тайного брака. Предположу, что наши влюбленные уже на полпути к счастью.

– Они бежали? Сейчас?

– Вот мне не хватает ещё и это контролировать. Филомен – взрослый мальчик и справится без помощи тишайшего зятя.

– Этот болван? Он хотя бы рассказал Бьянке о том, что планирует?

– Я и в это должен вникать?

– Маркиз его изничтожит! Чезаре, как ты мог пустить дело на самотек? - Я вскочила и стала мерять шагами пространство перед скамьей. - Или это интрига? Какая–то каверза в твоём обычном стиле? Конечно, ты не мог допустить, чтоб Изолло-ди-кристалло достался маркизу Сальваторе. Ты собираешься предупредить патриция о тайном браке? Он отправится в погоню и настигнет влюбленных сразу после венчания? Какой злодейский план! Маркиз запрет Бьянку в монастыре, Филомен останется соломенным вдовцом без возможности продолжения рода, и будет выведен из борьбы за остров, а ты, тем временем, подберешь супругу из своей родни для другого Саламандер-Арденте.

Я остановилась напротив супруга и требовательно заглянула ему в лицо:

– Ты именно так все задумал?

Если бы на тишайшем была маска, она называлась бы Ошеломление.

– Как? - спросил он небеса. – Как у нее это получилось?

– Отвечай!

– Нет, серениссима, ничего подобного я не планировал. Твой брат влюбился в хорошенькую синьорину, я не стал чинить ему препятствий. О том, где именно они собираются сочетаться браком, я даже не поинтересовался. Знаю лишь, что после капитан Саламандер-Арденте собирается плыть на ваш фамильный остров.

– Ты отправил туда Гаруди с отрядом стражи? Филомен мне рассказал.

– Да.

– Хорошо. – Я выдохнула и села на скамью. – Десяток вооруженных людей смогут там отбивать атаки годами. А, если батюшка не успел отправить на материк последнюю партию пушечных саламандр, они смогут развернуть на берегу целую артиллерийскую батарею.

Годами? А упущенная прибыль? Это было уже не так хорошо. Я принялась подсчитывать, сколько времени пройдет, прежде чем поголовье саламандр, не экспортируемых с острова, заполонит все его пространство.

– Филомена, – прервал супруг мои размышления, - мне хотелось бы узнать, как часто твоя рыжая головка конструирует такие ... гм...

измышления?

– Злодейские планы? – переспросила я с толикой смущения. – Сестра Аннунциата меня за них ругает, но часто берет на вооружение.

Вспомнив историю с натертой жиром ступенькой, я хихикнула. Его серенити поинтересовался причиной веселья, и тоже рассмеялся, когда услышал подробности.

– Что–то еще?

– Ну, разные изъяны в дверях и окнах, худой ледник, в котором продукты могли испортиться, что привело бы к массовому отравлению, забитый дымоход, могущий вызвать пожар.

Глаза цвета спокойного моря смотрели на меня с восторгом, это мне очень нравилось .

– Назначу тебя своим советником по самым сложным интригам.

– Ты всем что-то похожее обещаешь, - отмахнулась я. #288522262 / 16-окт-2020 – И мне, и Мауре. Уверена, таким образом ты располагаешь к себе людей, побуждая их работать на себя с еще большей отдачей.

– Хитроумная догаресса.

Ах, как мне нравилось восхищение! Я буквально купалась в нем.

Погодите. Минуточку. Если Филомен с Бьянкой не позорятся сейчас в спальне западного крыла, а, наоборот, плывут к семейному счастью, комната пуста? Чезаре именно на это и рассчитывал. Он не знал, что мы заменим Мауру маркизетой. Он, наоборот, заменил Филомена Карлой.

Конструкция была не бог весть какой сложной, я цепко держала ее в уме.

Это значит, что все идет именно так, как планировал Чезаре изначально. И это плохо. Но была еще весточка от Голубки Паолы. Что именно стало известно командору да Риальто? Спрошу. Нет, я так подставлю Панеттоне. Спрошу о другом.

– Почему ты не ревнуешь меня к Лукрецио Мадичи?

Супруг приподнял брови:

– Тебя это печалит?

– Нет! То есть, немного. Но мы сейчас не о моих чувствах, а о твоих. Филомен сказал мне, что ты просил чудовищного князя охранять меня во дворце в твое отсутствие. Почему?

– Скажем так, я ему доверяю.

– Почему? Экселленсе поклялся тебе в верности?

– Мне? Нет, тесоро, ни один вампир не будет хранить верность человеку. Клан Мадичи связан старинной клятвой с безмятежной Аквадоратой, ещё с тех времен, когда она была лишь группкой разрозненных островков. Лукрецио не сделает ничего, что может повредить городу. Что касается ревности, не скрою, поначалу она меня терзала. Его сиятельство оказывал тебе такие знаки внимания, что я не мог не среагировать.

– Что-то изменилось?

– Ты ядовита для него, дорогая. – Видя мое изумление, Чезаре усмехнулся. – Детство, проведенное с саламандрами, изменило твою кровь таким образом, что она стала смертельно опасной для любого вампира. Кстати, твой брат, обладает той же особенностью. Он рассказывал тебе, как однажды в Толедо попал в лапы к местным кровососам?

– Да, но без подробностей.

– Каждый вампир, успевший вонзить клыки в нашего Филомена, рассыпался прахом.

Припомнив, как экселленсе говорил мне о том, что не может меня учуять, я кивнула.

– Экселленсе уверен, что даже поцелуй с серениссимой отправит его на тот свет. Я перестал ревновать.

– Поцелуй? - протянула я задумчиво. – А вдруг сиятельный Лукрецио ищет смерти? Вдруг он выбрал себе такой способ самоубийства?

– Тогда, тесоро, я бы советовал тебе всячески избегать поцелуев с экселленсе. Он-то развеется прахом, а тебе придется носить страшную картину в своей памяти ещё много лет, она будет появляться всякий раз, когда ты закроешь глаза в объятиях страстного синьора. Да сможешь ли ты после такого ужаса вообще целоваться? Я бы не смог.

Вызвать в супруге хоть крошечную искорку ревности не получилось. Ладно, это мы отложим. Мало ли очаровательных синьоров в Аквадорате. Кто-нибудь обязательно найдется, недаром меня нынче осыпали комплиментами во время танца. Можно ещё напомнить Чезаре слова свекрови о том, что капелька крови, попавшая

на толику вампирского праха, оживит чудовище, но говорить о синьоре Муэрто сейчас не хотелось .

Ощутимо похолодало. В палаццо Риальто нас ждала спальня с огромным камином и удобной кроватью, но супруг отправиться туда не предлагал, а я не смела сделать это первой. Дурочка ты, Филомена. Он тебя забалтывает, тянет время, пока в доме обтяпывают делишки его прихвостни. Карло! Только посмей поднять руку... то есть... кхмм... не руку. Только посмей покусьтись на мою Панеттоне!

– Расскажи мне об интриге, что трещит по швам, – попросила я, придвигаясь к супругу, и накидывая себе на плечи край его посеидоновой мантии. - Холодно.

– О своем злодейском плане? - Чезаре помог мне укутаться и обнял, чтоб было теплее. - С чего бы начать? Начну так. Есть некий остров, владеть которым будет первый наследник третьего поколения некоей семьи. Во втором поколении у нас четверо персон мужского пола и одна женского. Вникаешь?

– Продолжай. – Под моей щекой билось сердце интригана Муэрто. - Пока ничего сложного.

– И есть глава другой семьи. У которого два разнополых наследника. Он желает остров и решает следовать простым путем. Его сын женится на наследнице острова, она входит в семью и через положенное время одаривает всех желанным ребенком.

– Можно побыстрее? - Я зевнула. - Усну ведь, не дослушав.

– Но наследницу острова уведут из-под венца.

– К счастью для дона да Риальто, супруг мой бесплоден. Правильно? Зато многочисленные братья могут осчастливить ребенком Мауру?

– Ты все поняла.

– А ещё ты можешь получить развод, особенно , если тебя застанут в постели с благонравным Эдуардо.

– И поэтому ты морозишь меня на скамейке в парке, чтоб я не оказалась там? В этом интрига?

– Эту часть я пока контролирую.

– Другая половина касается Мауры?

– Именно.

– Что не так? Ты сплавил Филомена маркизете Сальваторе, командор проиграл.

– Битву, но не войну. Мне не хочется, чтоб рука синьорины да Риальто в конце концов досталась Филодору, или Филиппо, или Франциско, или, наконец, Флоримону Саламандер-Арденте.

Я умилилась тому, как супруг без запинки перечислил имена всех моих братьев.

– Нейтрализовать эту опасность, женя всех шуринов одного за другим, согласишься, долго и утомительно.

Я согласилась.

– Я хотел закончить войну одним ударом.

– Выдав замуж Мауру?

Чезаре смущенно кашлянул:

– Почти.

– То есть, - отодвинувшись, я изобразила благородное негодование, - ты собирался опозорить мою подругу, почти сестру, чтоб она вообще никогда не вышла замуж?

Супруг потянул тогу на себя:

– Мысли не наказуемы!

Я дернула ткань изо всех сил:

– Поясни.

– У меня ничего не получилось. Синьорина Раффаэле случайно услышала, как человек, которому я поручил столь щекотливое задание, докладывает о нем командору.

Я вспомнила, как Карла танцевала с хозяином дома.

– Теперь твоя драгоценная Маура под опекой своей любящей матушки сидит в ее спальне. Момент упущен. Добродетельная синьорина да Риальто будет готова стать твоей невесткой в любой момент.

– Это все тебе Паола рассказала?

– Ну да. Вообрази себе гнев командора, когда ему сообщили, что в капкане вместо Филомена будет другой синьор. Поэтому, тесоро, мы сидим с тобой здесь. Пусть старикан немного остынет. – Чезаре хохотнул, будто припомнив нечто забавное. - Не завидую сейчас Артуру.

– Он ушел искать Мауру для танца.

– Именно.

– Синьором, который должен был изображать жертву страсти, был именно он?

– По крайней мере, господин да Риальто в этом уверен.

Веселья Чезаре я не разделила:

– Филомен мне говорил, что во дворце завелись крысы. Это Артуро?

– Что? Ах, нет, что ты. Артуро – верный человек и мой друг. Если он и навредит мне чем-то, это будет, скорее, от недомыслия. Поэтому в некоторые дела я его попросту не посвящаю.

У меня отлегло от сердца, синьор Копальди был мне симпатичен.

– Тогда почему ты отправил друга на расправу?

– Да ничего с личным помощником дожа командор не сделает, количество нашей стражи вполне сопоставимо с местной охраной. Ну поорет старикан, спустит пар. Пусть.

– Пусть, - согласилась я. – Кстати, это не командор да Риальто приближается к нас с... раз, два, одиннадцать... многочисленным отрядом стражи? Тогда тебе, наверное, стоит поспешить к нему навстречу, пока твои гвардейцы не обнажили оружие?

Подняв с земли трезубец, я передала его супругу:

– Удачи, ваша серенити, буду ждать вас здесь, за розовыми кустами. Ждать со щитом, или на щите.

– Минуточку. - Чезаре схватил меня за руку. - Пойдешь на битву со мной.

– Не собираюсь отвечать за чужие ошибки.

– Это твоя обязанность, как догарессы и супруги.

С неохотой я подчинилась . Мы с Чезаре неторопливо шли по дорожке, будто прогуливаясь .

– Дон да Риальто, – возопил тишайший. – Какими судьбами?

– Это мой сад, - напомнил патриций кисло, - и мой остров.

– А это моя жена.

Чезаре вытолкнул меня вперед , если бы он воспользовался для этого трезубцем, я бы, честное слово, не удивилась. Командор, видимо не понимал, каким образом мое наличие должно перевесить остров с садом.

– Она у меня, знаете ли, такая забавная, особенно после чудесного вашего вина. - Супруг произнес «вашего» несколько гнусаво. -Амароне, дорогая, я не ошибся?

– Да, милый, – ответила я с придыханием и облизнула губы. – Чудесный напиток из таких сморщенных сладеньких изюминок.

Командор оторвал взгляд от моей вздымающейся груди, я опять облизнулась. Что дальше? Как ведут себя под действием афродизиака? То есть, как ведут себя люди?

Подняв к небу лицо, я издала дельфинью трель, закончив ее щелканьем. Языка этого я, разумеется, не знала, но получалось похоже.

Сражены были все, даже тишайший супруг, его челюсть натурально отвисла. Гвардейцы украдкой крестились и складывали из пальцев обережные знаки.

– Давай-ка, милая, - Чезаре был сама предупредительность, - немедленно отправимся во дворец и покажем тебя лекарю, надеюсь профессоре сможет определить, что именно в чудесном Амароне столь странно на тебя подействовало.

Дон да Риальто, вдруг растерявший весь свой запал, предположил, что на дону догарессу как-то влияют фазы луны. Я издала трель в сторону ночного светила. Тишайший Муэрто спросил, не видел ли дражайший хозяин синьора Копальди, которому немедленно по возвращении будет приказано составить подробный лунный календарь. Хозяин пообещал, что всенепременно отыщет секретаря его серенити и направит в библиотеку палаццо, где, о чудо, находятся все необходимые для составления календаря фолианты. Его безмятежность решил, что в таком случае, ему с супругой не нужно спешить домой, и они продолжают наслаждаться гостеприимством четы да Риальто.

Изображать отравленную дальше смысла не было, командор передумал скандалить, я могла расслабиться. Но Чезаре заслужил крошечную месть за то, что толкнул меня грудью на амбразуру. Поэтому я по-дельфиньи прижалась к нему, извиваясь всем телом. Супруг быстро чмокнул меня в губы:

– Надо будет заказать пару бочонков волшебного Амароне для хозяйственных, так сказать, нужд.

Мечь как-то не складывалась, поцелуй продолжался. Командор да Риальто, покашливая, пообещал немедленно загрузить наши трюмы упомянутым напитком, испросил позволения вернуться на бал и, кажется, счел отсутствие ответа согласием.

– Он ушел? – спросила я, отдышавшись.

Глаза цвета спокойного моря были подернуты туманом:

– Прогуляемся?

Мы медленно шли по саду, охрана следовала за нами шагах в десяти.

– Проси прощения, – проговорила я раздраженно. – Использовал меня, беспомощную и ничего не понимающую, в качестве щита...

– Вообще, я надеялся, что ты изобразишь обморок. Но и так получилось вполне действенно, и гораздо забавнее, если честно. – Тишайший широко улыбнулся. – Что пожелаешь в качестве извинительного подарка? Флотилию гондол, табун карликовых лошадок?

– Пообещай присутствовать на выпускном экзамене в «Нобиле-колледже-рагацце».

– Зачем?

– Затем, что я так хочу.

На самом деле не хотела, но обещала директрисе сестре Аннунциате обеспечить ее праздник почетным гостем.

– Артуро, – Чезаре обернулся через плечо, – запиши, где ты там все записываешь...

Когда к нам присоединился синьор Копальди, я не заметила.

– Будет исполнено, – поклонился секретарь, его плюшевые щупальца колыхнулись.

– И закажи новую гондолу доне догарессе, алую с золотом, а также купи у восточных торговцев в караван-сараяе самую крошечную пони из там находящихся и... Какого цвета бант ты хотела повязать на бедное животное?

Вопрос был обращен ко мне.

– Я передумала, – ответила я благодушно.

– То есть, бант не обязателен?

– Как и новый питомец. Лодку, пожалуй, приму.

– Можно тогда мне не идти на твой великий экзамен?

– Торг неуместен, ваша серенити. У меня до сих пор трепещет сердечко при воспоминаниях о грозном лице дона да Риальто.

– Кстати, о командоре, – оживился Чезаре. – Дружище, тебя там знатно потрепали?

Грустный Артуро признался, что да. Клювастую маску кракена он нес в руке, позволяя нам любоваться лиловым кровоподтеком под

левым глазом.

– Хочешь пони? - предложил дож. – В качестве извинительного подарка.

Синьор Копальди отказался, потом подумал немного:

– Четверых лошадок.

– Но синяк-то у тебя всего один.

– Зато племянниц четверо.

Его серенити обратился к небесам, сетуя на жадность человеческую, потом кивнул:

– Возьмешь деньги у казначея.

Наша прогулка продолжалась. Чезаре тщательно любовался цветочными клумбами, разноцветной подсветкой садовых фонтанов и мраморными статуями. Он явно тянул время.

– Четверо племянниц? - прошептала я у статуи обнаженного Дионисия. – Честно?

– Занимаешься арифметикой? – с видом заговорщика спросил супруг. - Совпадение количества синьорин Копальди с числом холостых Саламандер-Арденте вызвало твою тревогу?

До этого момента никакой тревоги я не ощущала , но сейчас буквально похолодела. Кракен меня раздери! Четыре на четыре!

Чезаре, сполна насладившись моим состоянием, рассмеялся:

– Можешь выдохнуть, Филомена. Самой старшей племяннице Артуро семь лет от роду.

Я опять задышала. Нервное это дело, разбираться в интригах тишайшего Муэрто.

По дорожке к нам рысил один из младших секретарей, синьор Пьетро Лапанелли.

– Ваша серенити, некий синьор Вольто показал мне перстень и велел передать, – юноша запыхался от бега, - что , если дона догаресса не появится на празднике, все дело окажется под угрозой.

– Какая жалость, Филомена, - сказал Чезаре, – что командор видел нас в саду. Теперь придется рисковать.

– Чем?

– Пожалуй, всем, - он вздохнул. - Пьетро, сопроводи дону Филомену к гостям и убедись, что этот синьор Вольто заметил ее появление.

Я пошла за Лапанелли без возражений. Общество тишайшего супруга меня, вопреки ожиданиям, нисколько не тяготило, но, кажется, мое его не радовало. Чезаре не попытался меня снова поцеловать, или занять беседой, его мысли почти все время витали где-то. Он вполне достоверно изобразил плотскую страсть при командоре да Риальто, но именно что изобразил, разницу я уже понимала.

– Что за перстень? - спросила я секретаря. – Тот, что показал вам гражданин Вольто?

– Его серенити использует их в качестве тайных знаков. - Пьетро показал мне руку с золотой печаткой на пальце.

– Мертвая голова? Это пиратский символ.

– Отличие в том, что вместо скрещенных костей под ней изображены веточки оливы. Правда, забавно?

Я согласилась, припомнив, как Карла рассказывала, что кузен Чезаре одаривает одинаковыми перстнями всех своих подружек. Всех, кроме Голубки Паолы. Теперь получается, он окольцевал экселленсе? Это действительно было забавно.

У ворот сада стояли стражники в синих мундирах, охрана да Риальто. Меня узнали и пропустили с поклонами.

На помосте играли музыканты, гости веселились, вино лилось рекой. Над толпой на туго натянутых канатах прыгали циркачи в клоунских костюмах. Огромный чернокожий мавр жонглировал горящими булавами, огненная саламандра бегала в колесе, рассыпая по сторонам снопы искр.

– Филомена! – закричала Карла издали и помахала мне рукой.

– Донна догаресса, - сказал Лапанелли, - здесь я вас оставлю.

Проследив взгляд молодого человека, я заметила высокую фигуру князя Мадичи у колонны. Вольто меня тоже увидел и низко поклонился.

– Где ты была? - Синьорина Маламоко шлепнула по руке веселого Арлекина, который пытался увлечь ее в вихрь танца. - Мы с Панеттоне тебя обыскались .

– Гуляла с Чезаре, – улыбнулась я через силу.

Они с Панеттоне? Маура сейчас сидит под замком, и я знаю, кого за это надо благодарить. На что он надеется? Я имею в виду Карло. Что дож простит ему предательство? А я? Я прощу? Нет, погодите. Меня Карло Маламоко не предал, как раз наоборот. Он

рискнул всем, чтоб вывести нашу подругу и-под удара. Если цель была в этом, она была достигнута с простотой и изяществом. Шпион Совета десяти решил дело одним ударом, рискнул всем ради дружбы, или любви. И теперь моя задача, как догарессы и подруги, не наказать, а, наоборот, защитить Карло от гнева дожа.

Да, решено. И на этом пока закончим размышления.

Экселленсе передал, что я должна появиться на празднике. Меня должны здесь видеть, чтоб дело, другое дело, тишайшая интрига, развивалась своим чередом. Я здесь, со мной заметная фрейлина. Пока все правильно?

– Тебя все ещё интересуют путтана? – спросила Карла, будто ни в чем не бывало. – Если да, то вон та молодящаяся блондинка с удовольствием с тобой побеседует.

Я захлопала в ладоши:

– Чудесно! Познакомь нас.

На вид путтана было лет тридцать, или двадцать, или пятьдесят, все зависело от того, как именно в данный момент падает на нее свет, или смотрела ли я ей в глаза. Потому что глаза казались гораздо старше женщины, даже старше целого мира. Была в них какая-то вековая мудрость, и высокомерие, и даже добродушие, присущее скорее людям пожилым.

– Маламоко, - ворковала она, и карминные соски задорно дрожали, - деточка, ты решилась наконец принять мое предложение? У меня как раз нарисовался тебе расчудесный кавалер с особыми запросами, обожающий срывать невинные цветочки.

– Это Олимпия, – сказала Карла, когда мы с этой матерью всех путтана уселись на мраморную скамью в дальнем конце двора. – Она ответит на все твои вопросы, потому что, в противном случае, в ее веселом заведении очень уменьшится количество цветоводов.

Маламоко посмотрела на женщину со значением и отошла к балюстраде, чтоб не мешать.

– Синьора Олимпия, - начала я, лихорадочно собирая в кучу разбегающиеся мысли.

– Просто Олимпия, - перебила она, – без синьоры, деточка. Ты у нас кто?

Путтана протянула руку, пропуская сквозь пальцы мой локон:

– Какой чудесный оттенок! И какой редкий. Точнехонько как у волос нашей тишайшей серениссимы. Понятно. Значит, я, деточка, Олимпия, а ты у нас, предположим, Филомена. Ты не возражаешь против такого псевдонима?

Я не возражала. Разумеется, она меня узнала.

– И что тебе выведать узнать, Филомена? Не захаживает ли твой супруг в наше райское местечко?

– Ах, нет, – отмахнулась я. – Хотя... Захаживает?

Путтана расхохоталась:

– Мы бережем тайны наших клиентов.

– Это значит «да»? Нет, не отвечайте! – Я испугалась .

Что будет , если она подтвердит? Я же спалю их веселый домишко ко всем чертям! Даже Чикко, уловив мои эманации, возбужденно запыхтела, накапливая жар.

– Это значит, – медленно сообщила Олимпия, – что Цезаре Муэрто нашим клиентом не является и тайны его я беречь не должна.

Я погладила саламандру, успокаивая.

– Олимпия... – голос невольно дрогнул.

– Ну, деточка, смелее.

И я решилась . Путтана выслушала меня, не перебивая, а, когда я снова начала запинаться, дружески потрепала по плечу:

– Если бы все невинные девы, Филомена, прежде чем исполнять супружеский долг, обращались за советом к профессионалкам, несчастных браков в Аквадорате стало бы гораздо меньше.

– Спросить подруг в школе я стеснялась .

– К счастью. Невежество девчонок может сослужить плохую службу. Дельфины, говоришь?

– Это единственное сравнение, пришедшее на ум.

– Почему не коровки, или лошадки?

– На острове, где я выросла, не было домашнего скота.

– Даже кур? Хотя, петухи не обладают нужной снастью.

– Как и большинство рыб. Олимпия, я вовсе не святая простота, для начала мне хотелось бы понять принцип... гм... процесса.

– Объясняю на пальцах.

Пальцы у нее были длинные, усыпанные кольцами, на фаланге правого безымянного я заметила изящную татуированную бабочку.

– Понятно?

Я кивнула.

– Ты даже не покраснела?

– Это обязательно?

– Мужчины от нас этого ждут. И навсегда вычеркни из своего лексикона слово «случка», оно подходит только для животных. Говори: «страсть», или «занятия любовью».

– А потом краснеть?

– Нельзя покраснеть на заказ.

Я попробовала, не получилось.

– Понимаешь ли, Филомена, мужчины в чем-то крайне наивные создания, но фальшь они чувствуют. Если ты хочешь добиться любви от своего супруга, будь искренней.

– Вы учите меня добродетели? Неужели, путтана искренни со своими клиентами? Неужели не притворяются?

– Деточка, – фыркнула Олимпия, – мы даем нашим кавалерам ровно то, чего они от нас хотят. Они ждут притворства и получают его.

– А как же любовь?

– И это мы им даем. С тем лишь крошечным отличием, что мы любим не конкретного синьора, оказавшегося в нашей постели, а саму любовь. Мы, в сущности, жрицы Афродиты, допускающие к своим тайнствам тех, кто может за это заплатить. Разумеется, есть среди нас те убогие создания, что просто продают свое тело. – Олимпия вздохнула. – Их жизнь безрадостна. Впрочем, порядочные синьоры, исполняющие супружеский долг без любви, ничем от них не отличаются.

Этическая сторона вопроса была любопытной, я пообещала себе поразмыслить об этом на досуге.

– Расскажите мне о мастерстве. Существуют некие приемы, чтоб разжечь страсть, заставить мужчину вождедеть?

– Разумеется. – Олимпия повела плечами, карминные точки описали полукруг. – Танец, как язык любви. В нем участвуют груди и бедра. Видела, что вытворяют на площадных представлениях эфиопские танцовщицы?

– Нет, но теперь посмотрю. Песня?

– Голос может привлечь. Но не слащавые рулады, на которые способен любой размалеванный кастрат, низкие обертона, хрипотца.

Всегда подтверждай слово жестом, взгляд, прямой и искоса, потрогай шею, убери локон за ухо.

Записать было некуда, я запоминала.

– Афродизиаки. Как они действуют?

– Это, в сущности, мухлеж, деточка. Используя их, ты расписываешься в собственной несостоятельности.

– Но им можно противостоять?

– Разумеется. Иногда это непросто. Но человек тем и отличается от животного, что способен обуздывать желания.

В этот момент Олимпия так напомнила мне сестру Аннунциату, что мне пришлось сдерживать смешок.

– Спасибо. Вы очень мне помогли.

– погоди, деточка. Тебе, наверное, хочется немедленно применить полученные знания?

Я смутилась:

– Еще не время?

– Ну совратишь ты своего тишайшего, дальше что?

Я показала на пальцах, пугтана покраснела и приложила ладони к горящим щекам:

– Существует сотня способов возлежания. Всех я тебе не перескажу, но, по слухам, в библиотеке дворца дождей хранятся восточные трактаты на эту тему.

– Неужели?

– Запоминай. Избранное от Белой Девы, это хинский, есть ещё индийский с мудреным названием, и величайший труд самого Овидия, называемый «Наука любви».

Она ещё что-то перечисляла, но после Овидия, в моей голове уже ничего не помещалось. Слишком велик был древний мудрец.

– И посмотри анатомические атласы.

– Потому что мужское устройство отличается от женского?

– И поэтому. – Пугтана хмыкнула. – О себе тоже не забывай. Если женщина не получает удовлетворения, мужское половинчато.

Кракен меня раздери, как же все сложно! Я попросила уточнить.

– И здесь мы возвращаемся к искренности, – сказала Олимпия. – Брать и давать, вызывать страсть не только в нем, но и в себе, не предлагать, но делиться.

– Вы действительно похожи на жрицу.

– А то! – Мои слова ей явно пришлись по душе. – Возникнут еще вопросы, прогуляйся по набережной, Рива дельи Скьявони, и спроси любую из девиц в желтых платьях, где найти «Райское местечко».

Олимпия поднялась со скамьи, я тоже встала.

– Еще одно, - я приблизила лицо так близко к собеседнице, что почти коснулась носом золотистого локона. – Мой супруг бесплоден, это как-то влияет на способность к... возлежанию?

Кстати, слово «возлежание» , звучало почти как привычная «случка», но заставляло меня заливаться краской.

Олимпия отшатнулась, манерно прикрыла рот ладошкой:

– Какое горе, Филомена! Какое невыразимое горе. – Потом фыркнула. – Не будь твой Чезаре бесплоден, где-то третью часть Аквадораты уже заполонили черноволосые светлоглазые бастарды тишайшего Муэрто.

И она ушла, покачивая бедрами.

Стронцо Чезаре! Неужели мне придется сжечь всю Аквадорату?

Губернатор островов Треугольника синьор Эдуардо да Риальто был пьян. Впрочем, состояние это с некоторых пор стало для него привычным. Как еще прикажете заглушить невыразимую боль растоптанного честолюбия, попранной гордости, разбитых надежд? Отец был им недоволен. Нет, это слабо сказано. Командор да Риальто презирал своего наследника. Если бы он, по обычаю, орал, призывал на голову болвана грома небесные, даже разломал о его спину очередную дубовую трость, Эдуардо воспринял бы все это стоически.

Но батюшка, когда наследник явился к нему в кабинет на следующий день после эпохального спасения доны догарессы из морских пучин, вздохнул и ядовито процедил:

– Жалкий безмозглый червяк, слабый и бесполезный.

– Меня оговорили!

– Карты, девки, вино.

– Все в прошлом. Я остепенюсь.

– Долги, долги, долги.

– Я покрою их личными средствами.

– Какими средствами, тупой ты идиот? – Командор схватил со стола охапку бумаг и резко бросил ее в сына. - Ты нищий!

Эдуардо, мельком заглянувший в упавшие на ковер документы, опознал в них долговые расписки. Свои.

– Однако, батюшка, - он предусмотрительно переждал вспышку родительского гнева и заговорил, когда патриций рухнул обратно в свое кресло, – моим оправданием может служить...

– Ничего, - перебил командор. - Нет у тебя, болвана, никаких оправданий. И ума нет, и хитрости. Все что есть – это, пока ещё не испорченная излишествами, внешность.

– Этим я пошел в вас, - попытался Эдуардо подольститься.

– Зато прочим – в свою бестолковую мать. Какой удар нанесла мне судьба, какое разочарование.

Наследник да Риальто слегка повеселел. У батюшки за моментами раздражения всегда следовали минуты скорби по упущенным возможностям. Сейчас он отхлебнет вина из бокала, поморщится, будто ощутив во рту уксус, и сообщит, что раздал все необходимые взятки, что на острова Треугольника Эдуардо плыть не придется, а нужно как можно скорее вступить в должность командора малой торговой эскадры, сменив неплохого, но наемного адмирала.

Командор налил себе вина, выпил, смакуя, маленьким глотками, отставил пустой бокал:

– Даю тебе последний шанс, ничтожество.

– Я весь внимание.

– Через две недели в палаццо на острове Риальто мы даем бал, чтоб отпраздновать, - патриций только теперь скривился, – твою эпохальную должность.

– Но, позвольте...

– Заткнись. На балу будет присутствовать тишайшая чета.

– Но Филомена...

– Не смей с ней даже заговаривать. Ты и так испортил все, что мог. Все, что от тебя требуется, быть в нужном месте в указанное время, догарессу к тебе доставят.

– И что я должен буду предпринять?

– То, что обычно предпринимаешь со своими путтана, идиот! И только попробуй не проявить достаточно страсти! Поддержание нужных слухов стоило мне уже тысячи базантов. Вас с Доной Филоменой должны застать в самой недвусмысленной ситуации. Она,

как мне доложили, все еще невинна, поэтому постарайся, чтоб на простынях заметили кровь.

– Будет скандал.

– Он сыграет нам на руку. Ты бросишься на колени перед Чезаре, примешь наказание во имя любви, публичную порку, и женишься на разведенке догарессе, чтоб искупить грех.

– Это все?

– На большее ты не способен.

– А губернаторство?

– Если все пройдет так, как я запланировал, Чезаре сам лишит тебя должности.

– А, если... Не то чтобы я сомневался в успехе, тем более, когда интригу задумывает ваш, батюшка, величайший ум...

– В противном случае, отправишься служить на острова Треугольника во славу Аквадораты. До первой ревизии, подозреваю. Зная твои способности, болван, уверен, что губернаторствовать тебе долго не придется. И после, Эдуардо, когда тебя с позором изгонят, - командор опять налил себе вина и отсалютовал бокалом, - в Аквадорату не возвращайся.

– Как?

– Да как угодно. Наложь на себя руки, или попытайся стать пиратом. Мне все равно. Я предпочту считать, что у меня нет сына.

Эдуардо вытер щеку, и с удивлением воззрился на ладонь, она была мокрой.

– Это жестоко.

– Нет, всего лишь расчетливо. От бесполезных вещей следует избавляться. Ступай, твою городскую квартиру сегодня же продадут с молотка, отправляйся на Риальто, подержись напоследок за матушкину юбку.

И командор позвонил в колокольчик, призывая слуг, которые вежливо, предупредительно и молниеносно выставили молодого господина из конторы да Риальто.

В тот же день Эдуардо прибыл в отчий дом и начал заливать горе душистым Амароне, до коего был охоч всегда. Две недели пролетели быстро и как в тумане. Новостей он не узнавал, они были ему не интересны. Когда на остров стали прибывать гости, наследника облачили в парадные одежды, и он переместился из своей спальни в

залу приемов. Вот и вся разница. Оживился Эдуардо лишь однажды, когда приветствовал прибытие тишайшей четы. Филомена была так прекрасна, так величественна, так недоступна. Ее аквамариновые очи посмотрели на бывшего возлюбленного без интереса. Правда, во взгляде не читалось и ненависти, но это не утешало.

«Рыжая гордячка, – подумал Эдуардо, - через несколько часов ты будешь униженно рыдать в моей постели». Эта мысль его чрезвычайно возбудила, поэтому в назначенный час он находился в спальне восточного крыла в самом боевом расположении духа. Комната была необжитой, у кровати даже отсутствовал балдахин, зато шелковые простыни поражали чистотой. Светильник под колпаком муранского стекла отбрасывал на белый шелк разноцветные тени.

Эдуардо поставил на прикроватный столик кофейник. Ему пригодится свежая голова. Он исполнит свой сыновний долг. То есть, пусть командор думает именно так. А на самом деле... Не такой уж он болван, как это воображают. У него будет Филомена и, вскорости, наследник. Его наследник, не батюшкин, и уж тогда Эдуардо всех заставит с собой считаться.

Крепчайший кофе прогонял хмельную одурь. Филомена будет сопротивляться. Разумеется. Она ведь приличная девица. Но девушка, по умолчанию, гораздо слабее мужчины. А если у нее окажется кинжал? Эдуардо сдернул с вешалки длинное полотенце и обмотал им правую руку. Что еще? Мерзкая огнедышащая ящерица? Раздавить? Он поискал глазами что-нибудь достаточно тяжелое. Книгой тварь не прихлопнешь. Кочерга? Он сможет попасть в огненную саламандру с первого удара? Не будем рисковать. Синьор да Риальто переставил таз с умывального столика на пол и наполнил его водой из кувшина.

Из коридора послышался звук тяжелых шагов. Эдуардо распахнул дверь. Два синьора в костюмах Арлекинов внесли в спальню дону догарессу. Аквамариновое платье Филомены было разорвано на плече, глаза в прорезях маски – закрыты, а волосы слиплись от крови.

– Пришлось приложить ее по темечку, - пробормотал тощий Арлекин, – кто ж знал, что столько кровищи получится.

– Дралась как черт, – сообщил Арлекин пузатый.

Эдуардо не стал терять времени, он сдернул с уха девушки саламандру и быстро бросил тварь в умывальный таз. Вода

запузырилась, распространяя дьявольскую алхимическую вонь.

Арлекины испуганно переглянулись. Болваны и не подозревали, какой опасности избежали.

– Мы вас оставим, – поклонился пузатый.

– Но запрем снаружи, – хихикнул другой. – Во избежание убегания, так сказать.

– Пошли вон! – Эдуардо уже распахивал окно, чтоб гадкий запахдохлой саламандры поскорее выветрился.

Они ушли, заскрипел ключ, проворачиваясь в замке. Синьор да Риальто подышал свежим морским воздухом и обернулся к кровати, в момент поворота его голова встретилась с лампой, и осколки драгоценного муранского стекла брызнули во все стороны. К счастью, лампа погасла еще до удара. Превозмогая боль от порезов, Эдуардо попытался схватить Филомену, каблук ударил его в голень, кулак – в солнечное сплетение. Эдуардо сложился пополам, но успел схватить тонкое запястье, потянул к себе, пошатнулся от подножки, боднул девушку в грудь и упал, подминая под себя хрупкое тело. Филомена взвизгнула, извиваясь как ящерица, ее волосы лезли ему в рот, Эдуардо отплевывался, завел руки девушки ей за голову, перехватил их одной ладонью и освободившейся рукой дернул ворот платья. Шелк треснул, обнажая округлости. Даже слабого лунного света было довольно, чтоб убедиться в их фарфоровом совершенстве.

Эдуардо да Риальто застонал, и эхом ему отозвался женский вздох. В нем не было страсти, но слышалась покорность, вековечная, как сама жизнь. Покорность, с которой отдавались на волю победителя многие поколения аквадоратских женщин. Истоиво целуя дону догарессу, счастливый любовник успел подумать, что до простыней они, кажется, дойдут не скоро.

ГЛАВА 4. Подсчет побед и поражений

Дождь был безмятежен. Полностью, абсолютно. Как летний полдень, полуночный сон, или безмятежные воды аквадортской лагуны. Артуро это громко подтвердил. Противоречить, когда тебе угрожают наточенным трезубцем, опасно для жизни. Несмотря на заверения, ему пришлось немного побегать от тишайшего Муэрто по дорожкам сада. Гвардейцы весело улюлюкали, наблюдая мифологическое зрелище: погоню божественного Нептуна за чудовищным Кракеном.

– Экселленсе защитит дону догарессу, – выкрикивал синьор Копальди. – Ей ничего не угрожает.

Ответы его серенити были непечатны, зато вызвали у зрителей бурные аплодисменты.

Чезаре наконец остановился и, подняв руку, метнул трезубец в сторону веселящейся охраны. Тот вонзился в песок, рукоять завибрировала.

– Идем, – велел дождь. – Возвращаемся в палаццо.

– Нас еще не позвали.

– Плевать.

– Это может помешать твоим планам.

– Плевать.

Артуро пристроился в арьергарде его серенити, тога которого угрожающе развевалась.

– Кажется, два часа по полуночи уже минули? – синьор Копальди сверился с часами на привратной башенке. – Скоро три.

Тишайший скрипнул зубами, желваки на скулах напряглись.

Веселье во дворе палаццо несколько пошло на убыль, большинство гостей переместилось на пристань, чтоб любоваться фейерверком, запускаемым с десятка дрейфовавших у берега кораблей.

– Если сею же секунду этот поганый кровосос... – начал дождь и остановился.

К ним со всех сторон приближались фигуры в белых масках Вольто, гвардейцы сомкнули ряды.

– Тревога, ваша серенити, – зашелестело негромко из-под ближайшей маски.

– Вольно, ребята, - скомандовал Чезаре и отогнал стражу. – Это Ночные господа. Что?

– Мы упустили дону догарессу, - голос был равнодушен. - Присутствие экселленсе потребовалось в другом месте.

– А вы?

– Мы наблюдали, – сообщил другой вампир.

– Она беседовала с путтана, - третий.

– Потом поднялась по лестнице на балюстраду.

– С фрейлиной.

– С Маламоко.

– Мы не могли следовать туда за ней.

– Почему? – дож был уже на нижней ступеньке.

– Приглашение... мы не получили приглашение...

Чезаре раздраженно махнул рукой и побежал наверх. Секретарь велел гвардейцам ждать во дворе и, сбросив плющевые щупальца, устремился вдогонку.

– Бесплезная дохлятина, - ругался дож. - Приглашение им нужно! Каково?

– А почему оно не требуется князю? – спросил Артуро, избавившись от костюма Кракена, он почти парил.

– Потому что он – сиятельный Мадичи, и сотни лет уже приглашен во все аристократические дома Аквадораты. Гаденыш высокородный. Надо будет устроить ему купание. Сегодня же попрошу у кардинала пятьдесят бочонков самой святой воды и самолично наполню самую большую ванну.

На террасе несколько гостей наслаждались вином и беседой у ажурных столиков. Чезаре ухватил за рукав ближайшего официанта:

– Здесь недавно проходило две дамы в костюмах русалок.

– Это популярный костюм, - слуга повел свободной рукой в сторону, – извольте видеть.

Дождь посмотрел на пухлую матрону в чешуе, ее русалохвостую дочурку, и ещё парочку девиц с жемчужными тиарами и рыбьими плавниками.

– Дона догаресса с фрейлиной, - уточнил Артуро.

Слуга радостно закивал. Да, да, серениссима с доной Маламоко были здесь, выпили пунша и удалились. Куда? Официант, разумеется, за ними не следил, но ему показалось, что сиятельные доны именно что следили. За кем? За неким синьором, то есть синьорой. Их интересовала Ньяга. Кошечка беседовала с какой-то их знакомой, тоже, кстати, в костюме русалки. Дона Филомена все старалась, чтоб та их не заметила. Потом? Он отвлекся на обслуживание других гостей.

Больше ничего от слуги узнать не удалось.

– Вели гвардейцам рассредоточиться и прочесать палаццо снизу доверху, - скомандовал Чезаре. – Хотя, нет. Стой. Мы только потеряем время, пошли.

– Куда? – Артуро не возражал.

– Туда, где я очень надеюсь не найти свою жену!

Дорогу дож знал, недаром его секретарь рылся в городских архивах, добывая начальству план палаццо Риальто.

Они поднялись еще на один этаж, свернули по коридору в жилое крыло. Восточное. Настенные светильники бросали мягкие блики на паркет теплых янтарных оттенков, тканые гобелены украшали стены, с потолков свисали гроздь муранских люстр.

– Здесь кого-то тащили, – сообщил Чезаре самым скучным тоном, и Артуро понял, что друг в панике. - Кого-то раненого.

Секретарь проследил за жестом и рассмотрел на паркете брызги крови. Дож присел, провел по пятну пальцами:

– Свежая.

– Это ни о чем не говорит.

Чезаре распрямился, пошарил взглядом и снял с канделябра длинный женский волос. Копальди похолодел. Волос был рыжим.

– Я его убью, - сказал Муэрто.

– Кого? Князя?

– При чем тут князь? Командора. Ну, разумеется, его уродскому сыночку тоже предстоит умереть.

В одной из комнат раздался бой часов. «Половина четвертого», - понял Артуро. Чезаре стоял, бессильно опустив руки:

– А потом, дружище, я убью себя.

– Что ты придумал?

– А что еще остается мужчине, потерявшему честь? Я своими руками толкнул Филомену к позору, я заигрался, не смог ее защитить.

– Мы ещё ничего не знаем.

– Клянусь, если Филомена осталась невредимой, я...

По коридору разносился звук шагов, но дож их не слышал.

– Артуро, я дам ей развод, избавлю от интриг, опасности, которую они приносят. Я верну этой чистой благородной девушке ту жизнь, которую у нее отнял.

Синьор Копальди схватил друга за плечо:

– Сюда кто-то идет.

– Кто-то? – Муэрто ухмыльнулся. - Спорим, это гордый отец синьор да Риальто спешит поздравить с победой своего ублюдочного... Командор, какая приятная и неожиданная встреча!

Последние слова его серенити произнес громко и преувеличенно приветливо. Патриций преувеличенно низко поклонился:

– Тишайший решил осмотреть мое скромное жилище? - В руке его покачивался на серебряной цепочке ключ, за спиной толпилось более десятка гостей. – Или заблудился по дороге в свои покои?

– К счастью, мне повстречался дорогой хозяин. Проведете для нас экскурсию?

– С превеликим удовольствием, ваша серенити. Я как раз показывал этим синьорам, – командор кивнул за плечо, – одну из тайных лестниц. А теперь они желают осмотреть несколько спален, чтоб составить полное представление о палаццо Риальто.

Он толкнул ближайшую дверь:

– Прошу, господа.

Артуро туда заглянул. От коридора спальня отличалась лишь наличием кровати. Но гости вошли внутрь, а хозяин принялся пространно рассказывать о мебели, стекле, шелке, картинах, сыпал именами аквадоратских мастеров и суммами, затраченными на великолепие меблировки. Тишайший Муэрто тем временем распахивал все двери подряд и остановился у той, что оказалась заперта.

Секретарь подошел. На паркете у порога виднелось размазанное подошвами пятно крови. Артуро замер и отвел взгляд от окаменевшего лица Чезаре. Восточное крыло быстро заполнялось людьми. Возбужденно шептались синьоры и синьорины, переговаривались слуги. Дона Раффаэле вела под руку синьору Муэрто, чья трость оставляла вмятины на драгоценном паркете.

– К сожалению, ваша серенити, осмотр этой спальни невозможен, – командор помахал ключом. – Мои столяры старались установить запоры таким образом, чтоб любая из комнат могла выдержать осаду на случай...

Чезаре выбил дверь одним мощным ударом, голое колено на мгновение показалось из-под тоги. Доски рухнули внутрь. Коротко взвизгнула женщина. Синьор Копальди вытянул шею. Полоса света из коридора выхватывала часть паркета, ковер, разбросанную на нем одежду, белые простыни в алых пятнах, два обнаженных тела, мужское и женское, рыжие волосы, почему-то под кроватью. В ноздри ударил резкий алхимический запах.

Дождь витиевато выругался и саданул кулаком по дверному косяку.

– Вы не могли бы это все для меня записать? – спросила дона Филомена. – Для увеличения словарного запаса.

Артуро посмотрел на рыжие волосы серениссимы и попытался лишиться чувств.

Голова моя пухла от информации, полученной во время беседы с Олимпией.

– Тебе нехорошо? – встревожилась Карла.

– Лучше всех, – я расцеловала смуглые щеки, то есть, нижнюю, не скрытую под маской, их часть. – Драгоценная моя Маламоко, это было великолепно, полезно, поучительно.

Кажется, бритвенный прибор, которым приходилось пользоваться фрейлине в последнее время, уступал качеством оставленному в сундуке. Губы мои ощутили некоторую щетинистость.

– Она хорошая путтана, – улыбнулась Таккола, – эта Олимпия.

– И мудрая женщина.

– Это обычно поставляется в комплекте. Ты получила совет?

– Советы.

– И будешь им следовать?

– Непременно. А еще я собираюсь посетить библиотеку дворца дожей. И, Карла, ты не знаешь, где можно увидеть выступление эфиопских танцовщиц?

– На любой городской площади.

– Их я тоже должна посетить.

От мрамора скамьи пробирал холодок, и мы решили пройтись. Приставал Маламоко отшивала филигранно. Каждый из них получал тычок, или обидное словечко. Если это не помогало, Карла сообщала кавалеру, что тишайший Муэрто крайне ревнив. За получением этой бесценной информации следовали: испуганный взгляд на мои волосы, сопоставление их цвета с фамилией его серенити, узнавание и ретирада. Мне было очень весело. Настолько, что я ненадолго отложила грустные мысли о судьбе Мауры.

А я ведь, кажется, останусь без фрейлины. Матрона да Риальто не позволит дочери вернуться ко двору. Я бы не позволила. Рисковать тем, что тишайший Муэрто выдаст девицу замуж без согласия родителей? Дураков нет. Надо будет утром попытаться увидеться с нашей сдобной булочкой Панеттоне.

На верхней террасе играли музыканты, я предложила подняться туда.

– Это может быть опасно, – предупредила Таккола. – Экселленсе улетел на крыльях ночи по своим вампирским делам, а прочим Ночным господам в палаццо ход заказан.

– Почему? – увлекла я подругу к лестнице.

– Приглашение, Филомена. Неужели, ты уже забыла, как князь добивался от тебя приглашения в «Нобиле-колледже-рагацце»? Или это была Панеттоне?

Произнеся имя Мауры, Карла погрустнела.

– Или мы обе, – пожалала я плечами. – Не собираюсь мерзнуть во дворе, а охраны мне довольно и вашей с Чикко.

Я погладила пыхтящую мадженту.

– Чем ты ее кормила? Мне кажется, брюшко стало излишне выпуклым.

– Ничем особенным. Регулярно выпускала поиграть в огонь.

– Может, она беременна?

Мы немножко поговорили о перспективах разведения крошечных саламандр, Карла потрогала пухлый бок и хмыкнула:

– Это дробь. Пару дней назад мы посещали с твоей питомицей городских оружейников, и ей по вкусу пришелся свинец.

– Он плавкий, давно бы вытек по капле.

Мы поспорили о металлах. На террасе были расставлены круглые столики на ажурных кованых ножках. Мы заняли свободный,

Карла попросила официанта принести прохладного пунша.

– Не буду пить, - решила я, – и так холодно.

Подруга не настаивала, она смотрела куда-то позади меня.

– Забавно, - протянула она, - готова спорить, что видела сегодня этого синьора в лакейской ливрее.

Я обернулась. У перил стояла Ньяга в длинном до пола платье.

– Это мужчина?

– Разумеется.

Я снова посмотрела, кошачьи ушки маски прикрывали белокурые локоны.

– Говоришь, он был в ливрее?

– Да, но не лакейской, лакеи здесь носят синее, а он был в лиловой, а в руке его была бутылка. Знаешь, я не обратила бы на этого синьора внимания, но оплетка походила на дворцовую, мне даже в тот момент захотелось рассмотреть оттиск на сургуче.

Я передвинула стул, чтоб не вертеть головой.

– Рассмотрела?

– Нет, печать болталась с другой стороны.

Я рассказала Карле о попытке отравления.

– Он переоделся, - решила Таккола, – и смешался с толпой.

– Чезаре думает, что это командор приказал подсыпать нам афродизиак.

– Обоим? Я бы согласилась, окажись приправа только в твоём бокале. Зачем патрицию возбужденный дож? С тобой понятно, опоилась, отправилась за приключениями и оказалась под луной в объятиях Эдуардо.

Тут Таккола поняла, что сболтнула лишнее. Между прочим, я боялась сделать то же самое. Какой кошмар! Надо было выбрать себе костюм Служанки. Эта маска не крепится на голове, ее необходимо держать зубами за специальный штырек изнутри. Поэтому «Служанку» называют еще «Немая».

Ньяга, за которым мы наблюдали, дернул головой и скрестил на груди руки. Голубка Паола прислонилась к перилам рядом с ним.

– Да это же свидание, - ахнула я через минуту. – Они делают вид, что незнакомы, смотрят в разные стороны, но явно беседуют. Ты умеешь читать по губам?

– Но не по затылкам.

Паола как раз отвернулась, будто наслаждаясь представлением акробатов внизу, кошачья же маска ее визави полностью скрывала лицо.

– Надо проследить, - решила я. - За обоими.

– Филомена!

– Не спорь, бросим жребий. Давай монетку.

Карле выпала синьорина Раффаэле.

– Поменяемся. Этот парень кажется мне более опасным.

– Не спорь с судьбой, – сказала я строго. - Ей виднее.

– Пообещай не лезть в драку.

– Обещаю.

– Если он тебя заметит, убегай.

– Хорошо.

– А лучше сразу командуй мадженте огонь.

– Разберусь.

Я похлопала подругу по руке и поднялась. Няга как раз пересекал террасу, направляясь к балюстраде.

– Дона догаресса, вы ослепительны.

Возникший на моем пути синьор изобразил церемониальный поклон. Костюм же его многослойно-прозрачный, видимо, изображал Медузу.

Я поклонилась в ответ, выдернула из вороха его тканей лоскут кисеи и, продолжив движение, набросила этот импровизированный шарф на голову, чтоб скрыть слишком заметные волосы.

Балюстрада изогнулась, следуя очертаниям стены, гости стали попадаться реже, мраморное ограждение сменилось железной ковкой. Черная фигурка впереди пропала, я ускорила шаг, присела возле люка, от которого спускалась узкая винтовая лестница. Снизу донесся звук шагов, мелькнула тень. Я отшатнулась, пережидая.

Шаги все не затихали, кажется, Няга собирался протопать из палаццо Риальто до самых чертогов Аида. Я его упущу. Отстану ровно на то время, что потребуется мне для преодоления лестницы. Надо рисковать.

Я сняла туфли, прижала их к груди и начала спускаться.

Вдруг Карла ошиблась, и Няга – это просто Няга, а не виночерпий, пытавшийся отравить нас с Цезаре? Тогда зачем я крадусь

за ним, уже в ключья разорвав чулки? Не потому ли что он беседовал с синьориной Раффаэле?

Признайся, Филомена, тебе очень хочется, чтоб в покушении на дожа оказалась замешана Голубка. Ты хотела бы избавиться от соперницы раз и навсегда. Правда? И, если бы не это, ты не преследовала бы этого несчастного, предоставив судьбе вершить правосудие.

Я тихонько вздохнула. Себе-то зачем врать? Да, я ревную просто до обморока, и ненавижу лицемерную Паолу.

А вдруг она оказалась на террасе случайно, и свидание ее с синьором в маске Кошки тебе привиделось?

Тогда я попрошу прощения у обоих. Скорее мысленно, потому что признаться в подозрениях во всеуслышанье духу мне не хватит. Ах, не хочу сейчас даже думать об этом.

Лестница закончилась, в пятку вонзился острый камешек. Присев на ступени, я стала обуваться, напряженно вслушиваясь. Вокруг царил темнота, я действительно очутилась под землей, к счастью, кажется, не в загробном мире, а в подвале палаццо Риальто. Пахло сыростью и кислятиной, примерно как и должно пахнуть в обширном винном погребе, где, при разливе из бочек по бутылкам, хмельная жидкость нет-нет, да и выплеснется на земляной пол, где, разумеется, продолжит бродить, источая тот самый неаппетитный ароматец.

Чудесно. Спрашивается, за каким кракеном я сюда полезла? И что сейчас высиживаю? С последним понятно – простуду.

Я чихнула, звонкое эхо дробно рассыпалось сотни раз под низкими сводами потолка. Сморгаться времени не было, меня заметили. Упав на четвереньки, я отползла в сторону и замерла, не смея даже шмыгнуть носом. Что-то звякнуло о камень там, где я только что была. Метательный нож.

Я вытерла нос кисеей. Белая ткань слегка мерцала. Я бросила ее на пол и, ощупывая бок оказавшейся рядом огромной бочки, сместилась на десяток локтей влево.

Второй нож рассек воздух со свистом и вонзился точно по центру кисейного пятна.

Сколько ножей может быть в комплекте? Видят ли кошки в темноте?

Сколько угодно. Да. Кошки точно видят, эта конкретная Няга – вряд ли. Доказательства? Я пока жива.

Надо выбираться. Отвлечь внимание, добежать до лестницы. Кстати, где она?

Я поморгала, отодвинулась, прижавшись спиной в влажной холодной стене. Какое счастье, что мое платье не белое. Дону Раффаэле, к примеру, в ее бледно-бледно-голубом давно бы пришили к стене как огромную бабочку. Восхитительной картиной, предложенной мне моим воображением во всех подробностях, я полюбоваться не успела.

Чикко сбежала по руке, хлестнула хвостиком, заставляя меня поднять ладонь. Золоченые пайетки костюма чуть слышно царапнули камень. Сопернику этого хватило, он понесся на меня как птица, и я закричала:

– Чикко, огонь.

От грохота заложило уши. Карла оказалась права. Это действительно был свинец. Но и я не ошиблась. Свинец – довольно плавкий металл. В животе мадженте все дробины переплавились в один увесистый смертоносный шарик, и ящерка извергла его из... привычного отверстия вместе со струей пламени.

На несколько мгновений я увидела перед собой глянцевую кошачью маску, лезвия кинжалов, фонтан крови, бьющий из плеча нападавшего.

Идиотка! Надо было смотреть, в какой стороне лестница! В висках стучало, в ушах шумело. Слух и не думал возвращаться.

На плечо легла чья-то рука, я беззвучно завизжала и упала в обморок.

– Филомена, - шелестел из темноты экселленсе, - придите в себя.

Мне почудилось, или слух, наконец, вернулся?

– Лукрецио? Это вы?

– Я, серениссима.

– А почему вы не подходите?

– От моей близости вы лишаетесь чувств.

– Вы себе льстите, или боитесь моей малышки-мадженты.

Вампир кашлянул, что, видимо, должно было изображать смех:

– Разве она сейчас не пуста?

Я села, прислонившись спиной к бочонку. Глаза вампира мерцали шагах в десяти.

– Где Нягга, Лукрецио?

– Бежал.

– Поймайте его.

Алые огоньки описали дугу:

– Нет.

– Почему?

– Моя задача – охранять мою серениссиму.

– А, если мой противник решится напасть снова?

– Его здесь нет, Филомена, – князь приблизился, его твердые пальцы обхватили мое запястье, потянули вверх, помогая подняться. – И вам, серениссима, пора возвращаться на поверхность. Идемте, осторожно, ступеньки...

Экселленсе придерживал меня под руку, выбрав ту, что была подальше от Чикко, занявшей привычное место на моем ухе.

Лестница, кажется, была другой, не той, по которой я спускалась в подвал. Не кажется. Абсолютно точно. Не винтовая железная, а деревянная, поскрипывающая под нашим весом.

– Палаццо Риальто кишит тайными ходами, – пояснил экселленсе, – его около трехсот лет назад возводили контрабандисты, обустроив здание для своих нужд.

– Куда вы меня ведете?

– Туда, где вы сможете встретить своего супруга.

Душная кислая темнота сменилась темнотой свежей, затем затхлой и пыльной. Чикко запыхтела, видимо, собираясь исполнить роль светильника, но я прихлопнула ее ладонью. Не время, малышка, ты можешь испугать князя. Сам же экселленсе прекрасно видел в темноте.

– Сейчас, Филомена, мы с вами движемся параллельно коридору второго этажа.

– Его серенити находится здесь? Это восточное крыло?

Вампир кашлянул:

– Кажется, тишайшая Филомена знает больше, чем ей собирались сообщить?

– Что именно подтолкнуло вас к этой мысли?

Волосы князя щекотали мне шею, он не дышал, рука на моем локте была твердой и неподвижной. Можно было бы вполне вообразить себя в компании ростовой фарфоровой куклы.

– О, серениссима, – прошелестел вампир, – знали бы вы, какую бурю чувств вызываете в моем мертвом сердце.

Я фыркнула и убрала его локон:

– Тишайший Чезаре уверен, что моя близость для вас смертельна. Это правда?

– Да, драгоценная. - чудовищный князь остановился и коснулся губами моей щеки. - О да...

Замерев, я прислушалась к своим ощущениям, их не было.

– И эта смертельная опасность вас возбуждает?

Он отстранился:

– Вы только что сравнили меня с животным?

– Не в вашу пользу, Лукрецио. Ни одно животное не будет вожделью того, кто может его убить. - Я тряхнула головой. – Ну же, бросьте эти нездоровые фантазии. дружище. Любовь и страсть должны быть простыми и понятными, а не вести к смерти.

– Это только у животных, или людей, которые, впрочем, недалеко от них ушли.

– Мне слышится в вашем тоне высокомерие? Или вы не были когда-то человеком? Сколько лет вам было, когда вас обратили?

– Я родился вампиром.

– Как любопытно. Расскажите.

Я видела только глаза экселленсе, за время нашей беседы их цвет менялся раз десять, от кроваво-красного к желтому, зеленому и, наконец, серо-голубому. Не знаю, что за бури моя близость вызывала в его сердце, снаружи это выглядело нарисованным фейерверком.

– Не сегодня, Филомена, – проговорил князь после продолжительной паузы.

Я разочарованно вздохнула.

– Ну раз вы не собираетесь развлечь даму...

– Я развлеку вас, серенессима.

Он чем-то зашуршал, справа на уровне моего лица в стене открылось небольшое круглое окошко. Снаружи оно было занавешено какой-то тканью, но пропустило в наше укрытие немного тусклого света.

Князь улыбнулся, кивнул и приложил палец к губам. Из коридора до нас донеслись мужские голоса. «Здесь кого-то тащили, кого-то раненого», – говорил Чезаре. Я скосила глаза, рассмотрела две склоненных фигуры. Синьор Копальди, довольно щуплый без своего костюма, что-то отвечал.

– Мы можем отсюда выйти? - одними губами спросила я экселленсе.

Он молча пожал плечами. Дож уже рассматривал канделябр, снял что-то с золоченного завитка, показал секретарю:

– Я его убью.

– Кого? - Артуро заламывал руки как актер, изображающий отца в площадном представлении. - Князя?

– При чем тут князь? Командора, - сообщил Чезаре примерно таким же тоном, которым обсуждаются рутинные дела. - Ну, разумеется, его уродскому сыночку тоже предстоит умереть.

Раздавшийся, кажется, на моей макушке, бой часов, заставил меня вздрогнуть.

– А потом, дружище, я убью себя!

Я опять вздрогнула и посмотрела на экселленсе. Тот ухмылялся. Мужчины! Ну, разумеется, давайте сбегать от неприятностей в смерть! Что там ещё болтает его серенити? Честь моя ему покоя не дает? Ах, вина? Не моя, его? То есть, если я потеряю честь, этот ... стронцо наложит на себя руки, оставив меня самостоятельно разгребать последствия? Очень по-мужски. И по-дожески. Любой же сможет править нашей безмятежной Аквадоратой. Ну просто зла на него нет!

– Клянусь, если Филомена осталась невредимой, я...

Многочисленная группа людей приближалась к ним по коридору. Подошвами я ощущала вибрацию пола.

Ну же, Чезаре, соберись. Не хватало еще, чтоб тебя видели в таком состоянии!

Холодная ладонь экселленсе закрыла мой рот, иначе я произнесла бы это вслух. От немедленной смерти вследствие моего укуса вампира спас дождь, он быстро пообещал Артуро:

– Я дам ей развод.

Мой локоть вонзился в грудь князя, заставив того отшатнуться.

– Серениссима.

– Выведите меня к нему, - велела я гнусаво, слезы собирались в носоглотке. – Немедленно.

– Вас опечалили слова тишайшего? – Вампир опустил экран на смотровое окошко и под руку повел меня дальше.

Я не ответила. Во-первых, боялась разрыдаться, а во-вторых, зачем озвучивать понятное. Развод? Это мы ещё посмотрим.

Выход из тайного хода оказался в шагах в десяти, князь чем-то скрипнул, стенная панель отъехала в сторону, и мы шагнули на полированные паркетные доски. Восточное крыло наполнялось людьми. Какая-то служанка охнула, заметив меня, Лукрецио, вернув панель на место, схватил девушку за подбородок и посмотрел в глаза глубоким вампирским взглядом. Клыки его при этом удлинились настолько, что перестали помещаться во рту.

– Ты ведь ничего не видела, милая? - прошепелявил он невнятно.

Но служанка зачарованно кивнула:

– Никаких тайных ходов, пригожий синьор.

Экселленсе ее отпустил. После того, как я наступила ему на ногу каблуком, подпрыгнула и пригрозила, что, если он посмеет цапнуть сейчас эту синьорину...

– Простите, Филомена.

Клыки спрятались за бледными губами, девушка, возбужденно хихикая, убежала.

– Только не вздумайте оправдываться моей близостью, не позволяющей вам держать себя в руках!

– Простите.

– Кто обещал не кусать жителей Аквадораты?

– Исушать.

– Кто?! – пафосно переспросила я и запнулась. - Что вы говорите?

– Мы поклялись не иссушать граждан безмятежной Аквадораты, что же до невинных укусов, нам это время от времени позволено.

– Кажется, дона догаресса обязана разобраться с этими древними вампирскими клятвами раз и навсегда. Что и кому позволено и до каких пределов.

– Вампиры тоже ваши граждане, и им нужно как-то поддерживать существование.

- Не таким образом.
- Люди должны есть и пить, а мы...

Спор начал меня утомлять, тем более, что неподалеку разворачивались какие-то драматичные события.

– Хорошо, – перебила я экселленсе, - оставим вопрос открытым. Обещаю обсудить его с вами во всех подробностях на ближайшем Большом совете.

Грохот выбитой двери заставил меня поторопиться. Расталкивая гомонящую публику, я пробралась поближе к супругу. Он ругался. Да ещё как! Я со своим грязненьким «стронцо» могла лишь, задрав голову, внимать этим вершинам сквернословия.

– Вы не могли бы это все для меня записать? – попросила я громко и вежливо – Для увеличения словарного запаса.

Синьор Копальди съехал спиной по стене к ногам его серенити. Тот посмотрел на меня, перевел взгляд в дверной проем, потом на секретаря:

- Только обморока мне сейчас не хватает.

Артуро поднялся, держась за стену. Восхитительная самоотверженность, высокий профессионализм. Bravo!

- Простите. Дона Филомена, вы здесь... А там... вы...

Я заглянула в спальню. Эдуардо да Риальто стоял в центре ковра, прикрывая чресла рыжим париком, на постели лежала обнаженная синьорина в русалочьей полумаске, очень похожей на мою. Глаза красавицы, большие и фиалковые, смотрели на нас безмятежно и весело. Для узнавания мне бы хватило и этих глаз, но были ещё и волосы, голубые как небо, как море, как волосы фарфоровой куклы маэстро Дуриарти. Это была Блю.

– Дядюшка, - проворковала она глубоким контральто, - дядюшка Лукрецио, простите меня.

В дверном проеме стало чрезвычайно тесно. В спальню ринулись одновременно командор да Риальто и князь Мадичи, последний выиграл у хозяина за счет роста. Чезаре, молниеносно сориентировавшись, обхватил меня за плечи и протолкнул к стене, закрыв корпусом от толчков.

– Эдуардо, – кричал командор, - какой скандал! Ты мне за это ответишь!

– Вам? - экселленсе носком туфли задвинул под ковер какой-то ошметок. - Моя племянница оказалась здесь с вашим, синьор да Риальто сыном.

– Племянница?

– Синьорина Дуриарти. Девочка моя, как это случилось?

Я посмотрела на супруга. Он наслаждался.

– Все так запуталось, - протянула Блю. – Я шла переодеться после представления, когда двое синьоров в костюмах клоунов...

– Подождите! – Командор бросился к ней, замахал руками, остановился, развернулся на каблуках. – Господа, простите, это семейное дело. Прошу всех покинуть помещение.

– Да, да, синьоры и синьорины, – поддержал его дож, широким шагом пересекая спальню. – Оставьте нас.

Он опустил в кресло, потянул меня, усаживая к себе на колени. Эдуардо продолжал стоять столбом, мой взгляд остановился на его бедрах, и я покраснела. Синьор Копальди развил бурную деятельность в коридоре, разгоняя благодарную публику.

– Откуда кровь? – спросила я супруга, прикоснувшись губами к его моче.

– Из бычьего пузыря, - так же интимно ответил Чезаре, - куколка закрепила его под рыжими волосами. Заметила, как экселленсе спрятал пустую оболочку под ковер?

– Ты знал?

– Нет. Гаденыш Мадичи попортил мне довольно крови своими недомолвками.

Я хихикнула и поцеловала супруга в теплую щеку. Прислушалась к ощущениям. Они были до дрожи приятными.

– Филомена, – шепнул Чезаре, – нам нужно серьезно поговорить.

– Обязательно.

О чем? Супруг хочет осчастливить меня разводом? Никаких серьезных разговоров, пока я тебя не соблазну.

Переговоры, меж тем, прошли стадию экспрессивных угроз, приближаясь к обычной торговле. Дело обрисовывалось неприглядное. Невинная циркачка шла по коридору, напевая веселую песенку. Да, она собиралась изображать дону догарессу на представлении, поэтому даже попросила папеньку Джузеппе изготовить крошечную огненную

саламандру, похожую на настоящую. Видите, обломки ее мадженты сейчас пузырятся в умывальном тазу? Почему пузырятся? Надо спросить папеньку, но, кажется, в изделие входили какие-то алхимические соединения. Блю собиралась вполне похоже извергать из подделки язычки пламени, балансируя на натянутом над зрителями канате. Ах, не важно. Синьорина шла по коридору, когда ее ударили по голове и лишили чувств. В себя она пришла уже в объятиях губернатора. Юноша был страстен и галантен, он признался бедной циркачке в любви, она не смогла устоять, и все произошло.

– Как это чудовищно, – воскликнул чудовищный князь. – Что я скажу своему другу маэстро Дуриарти, когда он узнает о надругательстве, к которому подверг его дочь наследник да Риальто?

Эдуардо имел что сказать по этому поводу, но договаривающиеся стороны попросили его заткнуться.

Командор предложил денег. Экселленсе возмущенно отказался. Командор увеличил сумму. Эдуардо всплеснул руками, но вынужден был прервать жест, чтоб удержать у паха парик. С рыжих локонов на пол капала кровь. Отвратительное зрелище.

Блю ситуация несколько не тревожила, девушка сняла маску, погладила ладошками гладкое фарфоровое личико. Хорошенькая. Мне не понравилось, как одобрительно посматривает в ее сторону тишайший супруг.

– Господа, – предложила я, – не стоит ли молодым людям сперва одеться?

– Артуро, – позвал дож, и голова секретаря оказалась в дверном проеме, – что полагается за насилие над невинной синьориной по законам нашей тишайшей Аквадораты?

– Смертная казнь, - сообщил синьор Копальди, - в случае, если стороны не решат дело полюбовно.

– Что скажут стороны? - спросил весело Муэрто. – Не вы, командор. Что думает синьор губернатор?

Он вообще не думал, это было ясно. Голубые глаза Эдуардо метались от отца к дожу. Наконец он пробормотал что-то о невыразимой любви, которая стала причиной этого ужасного события. Блю своим чувственным контральто возразила, что событие не было столь ужасным, а скорее, нравилось синьору да Риальто буквально пол часа тому назад.

– Синьорина Дуриарти желает смыть бесчестие кровью? - спросил дож.

Она не хотела крови, предпочитая сатисфакцию.

– Ах, любовь, – вздохнул Чезаре с видом патриарха. – Что ж, драгоценные мои граждане, решим дело полюбовно. Честь синьорины Дуриарти будет восстановлена через брак, новобрачные на рассвете отбудут на острова Треугольника, но им будет запрещено возвращение в Аквадорату вплоть до распоряжений Большого совета.

Синьор Копальди возразил:

– Однако, даже свадьба не отменяет наказания, положенного за прелюбодеяние. Синьор да Риальто должен быть подвергнут поруганию у позорного столба, либо порке, либо...

– У губернатора не будет на это времени, - отрезал дож. – На рассвете он с супругой покинет тишайшие воды. Мы подпишем брачные документы немедленно.

Артуро вошел, раскрыл на кровати кожаную папку.

– А вы подготовились заранее, - процедил командор.

– Я попросил эти бумаги у вашего секретаря, - ответил синьор Копальди с достоинством.

– У моего бывшего секретаря?

– Как вам будет угодно. У нового младшего секретаря его серенити. Кстати, наш младший секретарь сообщил мне, что кардинал Мазератти, по счастливой случайности, коротает время в часовне палаццо.

Это был мощный удар, сокрушительный, последний. Командор да Риальто выругался, бросил в сына ключом на цепочке и вышел. Дверью он не хлопнул лишь из-за отсутствия последней.

Новобрачные подписали документы, Блю обняла Эдуардо за шею:

– Не грусти, милый, тебе будет с нами хорошо.

Синьор Копальди присыпал чернила песком, встряхнул бумагами:

– Помогите синьорине Дуриарти одеться.

Парочка горничных увела голую куколку. Вот ведь, чертовка, она абсолютно не смущалась своей наготы. Какое непотребство!

Артуро выглянул в коридор, поманил кого-то рукой.

– Ваша серенити, – попросил Эдуардо, – позвольте мне поговорить в доной догарессой наедине.

– Не позволю, – супруг многозначительно посмотрел на рыжий парик. – Сначала наденьте штаны.

Синие ливреи появившихся лакеев указывали на принадлежность их к дому да Риальто.

– Пойдем, дорогая, – Чезаре спихнул меня со своих коленей, – мы будем присутствовать на венчании.

Князь Мадичи, до этого момента любующийся непроглядной чернотой за окном, пошел к выходу.

– Филомена, – позвал Эдуардо.

– Я подожду вас в коридоре, синьор да Риальто.

– Не подождешь. – Супруг дернул меня за руку.

– Еще как подожду, – прошипела я уже в коридоре. – Пусти.

– Что он может тебе сказать?

– Вот это я и хочу узнать.

– Я присмотрю за серениссимой, – предложил экселленсе, – и провожу ее в часовню.

Дожа ждали другие дела. Он нам об этом сообщил. Дожа доводило до безумия поведение тишайшей супруги. Об этом он сообщил небесам. Дождь был благодарен князю, об этом он сообщил самому князю. И поклонился.

Лукрецио увлек Чезаре в сторонку, они зашептались. Супруг хлопнул экселленсе по плечу, строго посмотрел на меня и ушел по коридору.

– Мне показалось, серениссима не желает оставаться наедине с супругом?

– Она не хочет говорить о разводе, поэтому впредь будет избегать любых бесед.

– Предусмотрительно.

–Итак, – сменила я тему, – вы все это устроили?

– Вам не понравилось?

– Отчего же. Забавное и поучительное зрелище. Сочетать браком повесу и фарфоровую куклу.

– То, что Блю создана из фарфора, а не из глины...

– Да, да, да, – перебила я. – Синьорина Дуриарти – человек и гражданка тишайшей Аквадораты.

– Гомункул и гражданка.

Я приподняла брови, вспомнила, что по маской этого никто не заметит, и выразила удивление тоном:

– Вы столь озабочены точностью наименований различных видов живых существ. Разве, это имеет какое-нибудь значение в нашем многообразном мире?

– Как оказалось, имеет. Серениссима, видимо, не подозревает о существовании в городе некоторых организаций, ставящих целью борьбу с любой инаковостью?

– Не подозревала до этого момента.

– Люди, Филомена, склонны винить во всех своих бедах тех, кто хоть в чем-то на них непохож. Пока Аквадората процветает, и мы, не люди, находимся в относительной безопасности.

– Нашему процветанию что-то угрожает?

– В любой момент тучные времена могут смениться худыми.

Я повторила вопрос. Экселленсе потер ладонью обожжённую щеку:

– Предположим, мы ввяжемся в войну.

– С кем?

– Не важно. Войны ведутся постоянно. Ну, предположим, рыцари большой земли найдут достаточно золота, чтоб нанять наши боевые эскадры для своих нужд.

– Пока они едва наскребли на покупку транспорта.

– Я сказал, предположим. Аквадората занимает чью-либо сторону в борьбе за пустынный восточный материк и начинает тратить уже свои финансы. Граждан тишайшей столицы вынуждают затянуть пояса, и они винят в своих бедах отнюдь не провальную политику Большого совета, не дожа Муэрто, а, например, вампиров, навлекших проклятие на город.

Какие страшные фантазии обуревают князя Мадичи. Я даже поежилась.

– Поверьте, Филомена. Все обычно так и происходит.

– Доверяю вашему опыту, экселленсе.

– Он подкреплён даром предвидения. Серениссима, я восстал ото сна, ощутив приближение большой беды. Нас, древних вампиров, бессмертных Ночных господ, давно не занимают мелкие человеческие

дрязги, мы пробуждаемся лишь на зов клятвы, которая древнее даже нас.

От торжественности слов экселленсе по моей спине пробежали мурашки.

– Значит, браком с губернатором да Риальто вы собираетесь защитить бедняжку Блю?

– Именно, Филомена. И не только ее. В городе участились нападения на чародеев и алхимиков, и маэстро Дуриарти, создатель нашей красавицы, тоже подвергается опасности, и ее деревянные носатые родственники, и труппа марионеток, которым, к несчастью, не нужны кукловоды.

– Так вот, почему синьорина Дуриарти говорила жениху, что ему будет хорошо с «ними». Она употребила множественное число.

– Блю постарается выполнить обещание. В ее фарфоровой головке достаточно разума, чтоб составить счастье благородного синьора да Риальто.

– Но она не любит его.

– Зато вполне может сыграть что угодно. Да и, кто знает, может со временем, Блю сможет полюбить своего супруга.

Я недоверчиво хмыкнула.

– Не будьте столь высокомерны, серениссима. Моя племянница способна испытывать благодарность и дочернюю любовь, она согласилась участвовать в сегодняшнем представлении ради спасения своих сородичей. Это ли не благородство?

Серые глаза князя наполнила бесконечная усталость. Он меня пристыдил. Если бы не хищно поблескивающие при этих словах клыки, я бы уже рассыпалась в извинениях. Но вид зубов экселленсе направил мои мысли в другое русло.

Благородные защитники. Кусать граждан безнадзорно я им все равно не позволю. Но им же нужно питаться, так же как и нам. Только вот нам, чтоб поест, нужно заплатить за еду, или поймать ее в сети, или вырастить. Так, так... Пойдем по аналогии. Никакого разведения людей на прокорм. Это немыслимо. И никакой разрешенной охоты. Хотя, уверена, горожане не отказались бы от такого развлечения раз или два в год.

– Ваше сиятельство, – проговорила я, нарушив воцарившуюся было тишину, - вы будете платить людям за кровь.

– Простите? – смена темы его озадачила.

– Ваш способ питания, экселленсе, нужно легализовать. Этим мы убьем сразу нескольких зайцев : восстановим справедливость , потому что ваши , простите, тайные надкусывания наших граждан, от нее далеки, развеем мистический флер существования Аквадоратских вампиров, тем самым уравнив их с прочими горожанами.

Князь задумался:

– Знаете, Филомена, это великолепная идея. Когда-то на заре времен король Аквадораты объявил для этих целей один день в году временем дикой охоты.

Разочарованный вздох от того, что мысль об охоте пришла не мне первой, я подавила:

– Король?

– Первый и единственный, Теодорих Безземельный, у людей все образования почему-то начинаются с монархии. Обычай не прижился из-за смены строя, и потому что после цареубийства гнездо Мадичи погрузилось в столетний сон.

– Мне казалось, что наш город-государство образовал совет патрициев.

– Лишив жизни монарха, - кивнул экселленсе. - Как, однако , поверхностно преподают историю в «Нобиле-колледже-рагацце».

Смущенно покраснев, я предложила:

– Пусть Ночные господа подадут прошение Большому совету.

– Я составлю его немедленно.

– Необходимо также учредить некий надзорный орган во избежание...

– Подозрений!

Я хотела сказать «злоупотреблений», но согласно кивнула.

– Дона Филомена, – прошелестел князь, - у вас, моя серениссима, государственный ум. Тишайший Муэрто должен до последнего часа благодарить меня за брачный подарок.

– Меня подарило дожу море, Лукрецио, - отчеканила я. - Не плодите сплетни.

– О, их и без меня в избытке, дона догаресса. Например, о том, что супруга его безмятежности – русалка, одна из тех самых форколских сирен.

– Нелепица!

– Разумеется, серениссима. К чему я вам ее пересказал? Именно такие глупости крайне живучи в сознании толпы. Опасайтесь, дорогая, в случае беды, наши добропорядочные горожане, вполне способны, вопя и улюлюкая, потащить вас на костер.

Мы беседовали с князем уже довольно долго. Остановив бегущего по коридору лакея, я спросила, одет ли синьор да Риальто. Мне ответили, что одет и теперь рыдает, отказываясь выйти из спальни.

Я вошла туда без стука. Эдуардо сидел на кровати, опустив лицо в раскрытые ладони.

– Филомена!

– Вы хотели мне о чем-то сообщить.

Слуги почтительно удалились, экселленсе прислонился к дверному косяку, поглядывая в коридор.

– Сможешь ли ты меня простить? – всхлипнул Эдуардо.

– После того, как вы прекратите мне «тыкать»? Возможно. - Я села в кресло, которое незадолго до этого делила с Чезаре. – Губернатор, возьмите себя в руки. Ваша невеста ждет вас у алтаря.

– Невеста...

– Синьорина Блю Дуриарти, - напомнила я дружелюбно.

– Я не желал этого брака.

– Однако это не помешало вам разделить ложе с синьориной.

– Да не этого, Филомена. То есть, дона догаресса, я не желал принимать участие в авантюре, затеянной моим отцом.

И он принялся рассказывать мне то, что я и без того знала. Знакомство, ухаживание, притворство.

Зевок удалось подавить, Чикко пыхтела у уха. Как она здорово выстрелила свинцовой пулей. Может, предложить ей снова закусить дробью? Если мы поработаем над прицельностью, из крошки-мадженты может получиться смертельное и компактное оружие. Бесценная моя девочка. И я ещё собиралась подарить ее этому синьору, что рыдает сейчас?

Он не знал, он не хотел, его заставили, принудили, обманули. Но он вовсе не такой болван, как многие воображают. У него, знаете ли, есть уши, чтобы слышать и пальцы, чтоб сложить два и два. Изолла-ди-кристалло – вот ключ ко всему.

– Ключ? – заинтересовалась я. - К чему именно?

– К Аквадорате! – ответил Эдуардо с хвастливой торжественностью.

Я попросила уточнить. Он не смог, твердил лишь, что тот, кто владеет атоллom, владеет государством.

Вздыхнув, я посмотрела на Лукрецио, он пожал плечами. Странно пожал, неправильно. Князь, кажется, понял больше меня, или у него изначально было то, к чему прибавляют два.

– Благодарю, дон да Риальто. – изображать дружелюбие было нисколько не трудно. – Вы прощены.

Покрасневшими глазами Эдуардо наблюдал как я поднимаюсь.

– Пойдемте, – предложила я, – догаресса безмятежной Аквадораты отведет вас к алтарю.

Ненависти к бывшему своему возлюбленному я не испытывала. Ненавидеть можно равных, или тех, кто сильнее тебя. У меня даже злиться на него не получалось. Вся вина за нелепое ухаживание лежала на мне. Я сама вообразила любовь, сама поверила, сама стремилась в объятия пригожего синьора. Я была глупа. Прощу ли я себя? Уже простила.

В часовне нас ожидали. Невеста была прелестна, как и положено по статусу. Рядом с ней возвышался успевший переодеться в черный камзол тишайший Муэрто. Кажется, он только закончил скандалить. Не кажется, абсолютно точно. Горящие гневом глаза, трепещущие ноздри, глумливая усмешка. Бедняжка кардинал Мазератти. Он тоже блистал очами, высокомерно скрестив руки поверх церемониального облачения. Но дрожащие губы указывали на то, что в споре с дожем он проиграл. Еще в часовне оказались Карла Маламоко, синьора Муэрто, тяжело опирающаяся на трость, ее наперсница Раффаэле, заплаканная дона да Риальто, бросившаяся на грудь сыну при нашем появлении, ещё какие-то синьоры и дамы. Командор бракосочетание сына решил не посещать.

Чезаре исполнял роль посаженного отца синьорины Дуриарти, он подвел невесту к алтарю. Ах, значит вот о чем был спор. Кардинал не желал венчать Блю без согласия родителя, и дожу пришлось применить свой дар убеждения.

Оказалось, бывают обряды ещё короче того, что был у меня с тишайшим Муэрто на палубе Бучинторо. Вездесущий Артуро, вынырнув откуда-то из-за кафедры, отдал кольца новобрачным. Два

вопроса, два ответа, поцелуй. Его серенити вытер сухие глаза, будто не в силах сдержать сантименты. Монсиньор кардинал удалился, полы алой мантии недовольно трепетали. Я стояла рядом с князем, ощущая себя здесь лишней. Чувство усилилось, когда веселая Блю подбежала к нам, повисла на груди «дядюшки Лукрецио», благодаря за все подряд. «Хорошенькая, - подумала я, – какое счастье, что она теперь одета».

– Папенька Джузеппе будет с нами счастлив, - заверяла новоиспеченная синьора да Риальто, и приглашала экселленсе в гости.

– Маменька, - подбегала она к своей свекрови, – не плачьте, маменька. Эдуардо будет с нами счастлив.

– Так себе зрелище, – решила уже моя свекровь. - Паола, милая, попроси его серенити проводить нас в мои покои, разумеется, если дона Филомена не будет возражать.

Я возражала, еще как. То есть, пусть бы Чезаре отправлялся с матроной куда угодно, хоть к Трапанскому архипелагу, хоть на Карайбы, только без синьорины Раффаэле в нагрузку. Пока я размышляла, как облечь свои возражения в слова, не привлекая к этому экспрессивные обороты, подслушанные у супруга, последний все решил за меня.

– Никаких покоев, матушка, не на острове Риальто. Светает, мы возвращаемся во дворец. Артуро, распорядись.

Губернатора островов Треугольника из часовни выводил гвардейский караул в черно-золотых мундирах. Выглядело солидно и надежно. Синьору Блю сопровождала группка мужчин в одинаковых темных плащах с капюшонами, из под них время от времени выглядывали острые деревяшки носов.

Все будут счастливы.

Дону да Риальто я догнала в галерее первого этажа. Матрона сперва удивилась, но услышав мой вопрос, грустно улыбнулась. Мауру мне не отдадут. Командор не позволяет дочери продолжить службу при дворе. Школа? Наверное, Панеттоне придется оставить и ее. Я сообщила синьоре да Риальто, что образование считается немалой добродетелью для современной благородной девицы, и что четверо моих пока холостых братьев ценят эту добродетель превыше прочих. Матушка Мауры выслушала меня со вниманием и пообещала уговорить грозного супруга. Потом она спросила меня, отчего со мной нет нашей третьей подруги, Карлы. Я сказала, что синьорина

Маламоко именно сейчас возносит молитвы за здоровье четы да Риальто. И мы вполне мило попрощались. То, что наши мужчины враждуют, не должно мешать женской дружбе.

Сколько же я за сегодня успела! В голове не укладывается. Две свадьбы, неудачное покушение, почти отравление. Маура будет в порядке, мать ее в обиду не даст. Карла? Маламоко взрослый мальчик, как-нибудь разберется.

Я выбежала на террасу, улыбаясь восходящему солнцу.

– Лукрецио!

– Серениссима!

Князь пытался закрепить на лице плотную черную маску, его руки уже были в перчатках, я ему помогла.

– Отвезете меня во дворец?

– У вас не получится долго избегать беседы с супругом.

– Посмотрим. Отвезете?

– Чтоб его серенити устремился в погоню? Простите, дона догаресса, я слишком стар для гребли наперегонки. Но вы так мило выпячиваете губки, когда изображаете обиду, что я подарю вам отсрочку.

– Вся внимание, – перестала я дуться.

– Начните разговор сами, взывайте к рыцарским качествам его безмятежности. Лишившись статуса замужней синьоры, вы подвергнетесь опасности. Командор да Риальто постарается вывести вас из игры. Холостых сыновей у него не осталось, дальним родственникам он не доверяет.

– Значит?

– Командор не остановится ни перед чем, даже перед убийством.

– Это некоторое преувеличение.

– Неважно. Цезаре хочет вас защитить. Пусть щитом послужит его фамилия. Кстати, можете также рассказать супругу о подземной перестрелке на саламандрах с синьором Ньяга.

Широким жестом экселленсе указал на шестерку закутанных в плащи Ночных господ, выносящих через ворота массивный деревянный ящик. То есть, несли его всего двое, придерживая за края кончиками затянутых в перчатки пальцев.

– Лукрецио, – ахнула я. – Вы все-таки поймали преступника?

– Передайте Цезаре, что он сможет побеседовать с ним в палаццо Мадичи.

– А саламандра была все-таки одна.

Экселленсе поклонился:

– Я обожаю вас, Филомена.

Последнюю фразу я решила супругу не передавать, присела в ответном реверансе и смотрела во след чудовищному князю. Он подарил мне отсрочку.

Цезаре оттолкнулся от парапета, зрелище флиртующей с Лукрецио догарессы раздражало его чрезвычайно.

– Что там, Артуро?

– Она пришла. – Секретарь посторонился, пропуская вперед Карлу Маламоко. – И теперь я вас оставляю, мне нужно распоряжаться на пристани. Гвардейцы проследят, чтоб никто не мешал.

Дождь кивнул, глядя на приближающуюся к нему высокую фигуру в черном костюме Ньяга.

– Предатель.

Карло остановился в шаге от его серенити.

– Маленький ублюдочный предатель. Маску долой!

Молодой человек был бледен, под воспаленными глазами лежали тени.

– Не буду просить прощения. Я поступил так, как поступил, и ни в чем не раскаиваюсь.

– Если бы не моя клятва Фаусто Маламоко...

– Я уберег тебя от ошибки.

– Пустая бравада.

– Нисколько. Подумай сам, Цезаре, что мог предпринять командор да Риальто, лиши ты его последней надежды на обладание Изолла-ди-кристалло.

– Ничего. Он был бы загнан в угол как крыса.

– Крысы в таком положении становятся чрезвычайно опасными.

Цезаре отвернулся и опять посмотрел вниз, Филомена на ступенях террасы прощалась с князем Мадичи.

– Не отпускай ее от себя, – попросил Карло.

– Только советов предателя мне сейчас не хватает.

– Тебе не хватает любых советов. Если бы в твоём окружении был хотя бы один человек твоего образа мыслей, ты действовал бы

осторожнее.

– Пустые слова! Убирайся, Карло. Из дворца, из Аквадораты, из моей жизни. Я не буду вредить тебе, в честь клятв, связывающих меня с твоим батюшкой, я даже позволю синьорине Маламоко закончить эту нелепую школу благородных девиц, диплом которой так необходим тебе для карьеры, но видеть тебя более не хочу.

– Филомену попытаются убить, уже пытались.

– Прочь.

– Защити ее.

Чезаре выругался, и без замаха толкнул Карло в грудь:

– Мальчишка! Глупый влюбленный мальчишка. Ты предал меня ради глаз прекрасной синьорины.

Карло не отбивался, покачнувшись от удара, он стоял, опустив руки.

– Каждый мужчина стремится защищать свою любовь.

– Она не твоя, эта Маура да Риальто, и никогда не будет. Ты шпион, Нягга, бесполое существо на службе Совета десяти.

– Я мужчина, я люблю и я отдам жизнь за то, чтоб Маура да Риальто была счастлива.

– И что же ты сможешь для этого сделать?

– Например, не дать ее опозорить, чтоб она со временем встретила достойного синьора, влюбилась в него, вышла замуж и нарожала кучу белокурых детишек.

Муэрто поднял лицо к небесам:

– Какой болван!

– Чезаре, – Карло шагнул к нему и схватил за плечи. – Я уйду, но услышь меня напоследок. Защитить Филомену может только твое обручальное кольцо на пальце.

Маламоко разжал руки, отшатнулся и ушел прочь, быстро надев свою кошачью маску.

– Какой болван, – прошептал дож Муэрто, – влюбленный, благородный и тысячу раз правый болван.

ГЛАВА 5. Возвращение в школу благородных девиц

Маура да Риальто узницей себя несколько не ощущала, веревок из простыней не плела, подкоп столовой ложкой совершить не пыталась, не рыдала и не пыталась подкупить слуг. Служанка при ней была лишь одна – бабуля Попета, старенькая ее нянюшка.

– Динитто совсем себя не бережет, - ворчала она, расчесывая волосы Мауры, – дождется, что его удар хватит, полоумного.

Так бабуля называла командора, Дино да Риальто, Динитто. Пятьдесят лет назад она меняла ему пеленки и вытирала сопливый нос, поэтому считала себя в праве использовать уменьшительное имя.

– Злится, орет, рожа красная, жилы на лбу с палец толщиной. Я ему говорю, отдохни, деточка, успокойся, отваров попей...

Маура не слушала. Отец гневался. Что ж, повод у него был. Интрига тишайшего Муэрто оказалась гораздо хитроумнее его. По крайней мере, половина интриги.

Попета рассказала девушке о ночном скандале, о синеволосой синьорине Блю, ставшей еще до рассвета супругой Эдуардо. Маура вздыхала. Ее личному скандалу свершиться так и не удалось. А она, между прочим, планировала, готовилась, мечтала. Противный Карло Маламоко, он даже не попытался ее соблазнить. Хотя, может, будь у них хоть немного времени, дело пошло бы на лад? Тогда на балу Маура даже не поняла, что произошло. Вот она танцует с каким-то корсаром, и уже в следующий миг ее тащат в глубь палаццо слуги да Риальто, а матушка рыдает, семена следом: «Доченька, как же так, доченька... какой стыд... какое непотребство...», и на все расспросы отвечает уклончиво.

После, уже в спальне, нянюшка Попета объяснила Мауре, что командору кто-то донес о планах дожа на будущность его наследницы, и отец приказал ее, от греха, запретить.

Это было в ночь с субботы на воскресенье, и теперь, утром понедельника синьорина да Риальто сидела в своей спальне у туалетного столика, терпела причесывание, артритные пальцы старой служанки ловкостью не отличались, и любовалась собою в настольном

зеркальце. Хороша, на диво хороша. Вот что происходит с лицом, если спать дольше сорока часов, прерываясь лишь завтрак, обед и ужин. Личико гладкое и свежее, глазки блестят, губы расслабленно улыбаются. Надо бы сообщить чудодейственный рецепт Аквадоратской львице, может тогда свекровь перестанет попрекать ее болезненным видом. Хотелось увидеть Филомену и сплетничать. Как там Карло? Дожд винит его в срыве планов, или хитроумный Такколо вышел сухим из воды? А отец? Что он решил? Отправит Мауру в монастырь, или оставит в палаццо Риальто встречать старость?

– Одевайся, деточка, - сказала Попета, откладывая волосяную щетку, - подружка ждет тебя в гостиной.

– Филомена? – девушка вспорхнула с места и подбежала к шкафу. – Дона догаресса?

– Нет, черненькая, синьорина Маламоко.

– Карла? Разве она не сопровождала тишайшую чету во дворец?

– Дона Маламоко осталась на острове. – Бабуля помогала Мауре затянуть на спине шнуровку розового с серым дневного платья. – Бойкая девушка, нисколько Динитто не боится. Я, говорит, командор да Риальто, Мауре почти что сестра, и подле нее буду.

– Неужели? – хихикнула Панеттоне. – И что же ответил на это грозный патриций?

– Что синьорине Маламоко всецело доверяет, но, ежели она вздумает на противную сторону переметнуться, мокрого места от нее не оставит.

«Серые туфельки тонкой серой кожи, или атласные башмачки? Сложный выбор. Пусть будет атлас».

Маура обулась, покрутилась, присела в реверансе.

– Доверяет? Тебе не кажется это странным?

– Нисколько, - ответила нянька. - Это ведь она тебя от позора спасла, синьорина Маламоко.

– Ты уверена?

– Скажем так, сама при этом не присутствовала, но от стражников слыхала, что подошла чернявая на балу к нашему хозяину и шепнула, что де дожд против да Риальто интригу замыслил, и, если планы его успехом увенчаются, станет наша голубка синьорой Копальди.

– Не называй меня так.

– Синьорой Копальди?

– Голубкой. Это противные птицы.

– Хорошо, дитяtko, – согласилась Попета. - Узнав обо всем, тишайший Муэрто на твою подругу озлился, должности при дворе ее лишил и от себя прогнал.

«Вот значит, как? – думала Маура, спускаясь в гостиную. – Стронцо Карло! Противный предатель! Вместо того, чтоб постараться меня соблазнить, ослушался приказа его серенити, подлизался к отцу, остался в палаццо Риальто. Сестренка? Подруга? Сейчас я тебе подробно все про дружбу объясню».

Дона Маламоко поднялась из кресла при появлении доны да Риальто. Она была в черном строгом платье и треугольной шляпке.

– Панеттоне!

Маура замерла на пороге.

«Скандалить, или подождать? Какое встревоженное у него лицо. Предатель! Любимый! Мой! Мой любимый предатель».

Девушка взвизгнула и бросилась в объятия своей Галки.

– Таккола! Как я рада тебя видеть! – Они поцеловались по-девчоночьи легонько. - Ты спасла меня от позора, пожертвовав всем, вызвав гнев его серенити. Карла, дорогая...

Маламоко отстранилась:

– Ты уже обо всем знаешь?

– Да. И буду благодарна тебе до последнего вздоха. - Врать Маура умела, и теперь изображала радостное возбуждение безо всяких усилий. - Отныне мы будем с тобой всю жизнь, и примем нашу судьбу вместе. Будь что будет. Изгнание, так изгнание, монастырь так монастырь.

Черные глаза на мгновение подернулись дымкой грусти, но Карла улыбалась:

– Пока, Панеттоне, наша судьба ведет нас в «Нобиле-колледже-рагацце». Командор желает, чтоб ты продолжила обучение. Так что вместе мы будем ещё несколько недель.

– А потом? – растерялась Маура.

– Я покину Аквадорату, как и планировалось. Тишайший Муэрто не будет мне в этом мешать.

– А я? Карла, что будет со мной?

Маламоко вздохнула:

– Милая, дай мне еще немного времени.

Синьорина да Риальто заплакала и спрятала личико на груди подруги. Подлое сердце предателя билось как сумасшедшее. Теперь, зная, существу какого пола оно принадлежало, Маура догадывалась, какие именно чувства заставляют его так безумствовать.

«Немного времени? Да, стронцо Карло, оно необходимо и мне. А еще мне нужен совет нашей Филомены».

– Дона догаресса, - вдруг вспомнила девушка, - она осталась без фрейлин. С одной лишь Бьянкой против старухи Муэрто и подлой Голубки.

– Одна, наша Аквадоратская львица сражается в одиночестве. Маркизета Сальваторе, то есть, синьора Саламандер-Арденте сейчас уже на полпути к родовому гнезду своего супруга.

Маура всплеснула руками:

– Про это мне не рассказали. Бедняжка Филомена.

– Мы увидимся с ней в школе.

– Думаешь?

– Отказаться от звания первой ученицы? - Карла вполне похоже передала праведное возмущение, с которым это вопрос задала бы их подруга.

– Ты права, это невозможно. Наша мать саламандр наверняка довела тишайшего супруга до белого каления и он лично усадит ее в гондолу.

Командор да Риальто беседой дочь так и не удостоил. Матушка вышла попрощаться, на пристань ее сопровождала парочка святых сестер.

– Что-то мне это не нравится, – шепнула Маура Карле, наблюдая погрузку багажа. – Неужели она готовится удалиться в монастырь?

– Твоя родительница, кажется, и раньше отличалась набожностью. Разумеется, после всех свалившихся на нее событий, она ищет утешения в молитве.

Десятивесельная галера да Риальто доставила их в столицу еще до начала школьных занятий. Из окна колледже бывшие фрейлины наблюдали прибытие догарессы. Филомена выглядела как обычно, то есть, блистательно. Лиловое с серебряным позументом платье, высокая прическа, полумаска, расшитая драгоценными камнями. С ней была Раффаэле, одетая не в пример скромнее. Голубка выбиралась из

гондолы, нагруженная холщовой сумкой. Тихоня Годинелли, тоже опирающаяся на подоконник, прокомментировала:

– Дона догаресса ее не щадит.

– Или Раффаэле отказалась от помощи гвардейцев, желая выглядеть жертвой, - фыркнула Маура.

Она никого не убедила. В бормотании прочих учениц слышалось осуждение Филомены и сочувствие беспомощной Паоле.

Колокол призвал синьорин в классную комнату, где они приветствовали дону догарессу, вошедшую последней. То есть, предпоследней. За ней, едва переставляя ноги, появилась фрейлина. Филомена кивнула ей, и Паола взгромоздила сумку на столешницу.

Начались занятия. На подруг догаресса не смотрела. Маура собиралась уже обидеться, но синьора Ванессо, проводящая опрос, вызвала ее, и девушке стало не до обид.

После урока Филомена выскользнула из класса первой.

– Любопытно, - протянула Маура Карле, – что находится в сумке?

– И мне.

– Посмотрим?

Они подождали, пока комната опустеет.

– Мне нужно отлучиться, – Панеттоне прижала ладони к животу.
- Расскажешь мне потом.

Каблучки атласных башмаков отбили на паркете звонкую дробь. Маура пробежала по коридору, поднялась к дортуарам и толкнула дверь своей спальни. Филомена спрыгнула с подоконника.

– Наконец-то, – она обняла подругу, – я уже думала, ты не догадаешься. Он знает, что мы знаем?

– Нет! – Панеттоне закатила глаза. - У нас мало времени.

– Тебе сильно досталось?

– Разве что самолюбию. Голубку приставили следить за тобой?

– Эту обязанность она придумала себе самостоятельно.
Чезаре...

– Так, так... – Карла вошла в спальню бесшумным кошачьим шагом. – У рагацце появились от меня секреты?

Аквамариновые глаза хитро прищурились:

– Великая аквадоратская шпионка раскрыла наш заговор. Рада тебя видеть. Кстати, Чезаре запретил мне приближаться к тебе ближе

чем на десять шагов. Поэтому, иди сюда, предательница, дай мне себя обнять.

Маура ревниво следила, чтоб объятия оставались лишь дружескими.

– Садитесь, – кивнула догаресса на бывшую свою кровать. – Давайте по порядку. Мы, рагацце, оказались втянуты в сложносочиненную интригу. На кону – ключ от владения Аквадоратой. Карла, не перебивай. Я всего лишь передаю тебе прощальные слова губернатора островов Треугольника синьора да Риальто. Маура, ты чувствуешь обиду на его серенити за скоропалительный брак своего брата?

Панеттоне покачала головой:

– Слуги в палаццо сплетничали, что невестка моя прелестна и пришлась по душе матушке.

– Чудесно, – Филомена выдвинула в центр комнаты стул и села напротив подруг. – Это дело закрываем. Туда же, в архив, отправляется дело о предательстве дожа доной Маламоко.

– Что ты об этом знаешь? – спросила быстро Карла.

– То, дорогая Таккола, что, когда мы с дражайшим супругом прогуливались в парке палаццо Риальто, ожидая развития событий, к нам явилась синьорина Раффаэле с печальным известием. Голубка подслушала, как, во время танца, ты раскрываешь командору тайные планы дожа на брак нашей Панеттоне с нашим же Артуро.

– Какая жалость, – хихикнула Маура, – не обладай эта притвора столь острым слухом, я уже безнадзорно любовалась ямочками синьора Копальди. У него ведь она, наверное, не только на подбородке?

Филомена ей подмигнула, синьорина Маламоко видеть этого не могла, она как раз сверлила взглядом угол шкафа и поигрывала желваками на скулах.

Панеттоне восхитилась своей догарессой. Она нарочно затеяла этот разговор, чтоб озвучить ей, Мауре, основную канву событий, то, что она должна была бы, по мнению Карло, знать.

– Про ямочки придется забыть, – притворно вздохнула Филомена, – командор скорее откусит твою руку, чем отдаст ее кому-нибудь не носящему фамилию Саламандер-Арденте.

– Ваш волшебный остров?

– Именно, рагацце. Великолепный атолл, право на который получит первый наследник в третьем поколении. Но это сейчас не важно. В конце-концов, Изолло-ди-кристалло кому-нибудь достанется.

– А что тогда важно? – спросила Карла. – Кому из твоих рыжих братьев достанется Панеттоне?

– Тому, кого она выберет сама. И этот синьор вовсе не обязательно должен носить мою девичью фамилию. Я за свободу воли и против того, чтоб мои подруги становились пешками в чужих интригах. Пока мы выиграли немного времени, и должны провести его с пользой. И я вовсе не сказала, что остров неважен. Ключевое слово было – «сейчас». Рыжие мои братцы пока вне досягаемости любых матримониальных поползновений. Они появятся в столице не раньше нашего выпуска. Это дело можно отложить. Не в архив, а, предположим, в верхний ящик письменного стола.

Карла бросила взгляд за окно, где на боковой башенке противоположного дома виднелись часы.

– Излагай свое дело побыстрее, Аквадоратская львица, перерыв скоро закончится.

– Мое дело в холщовой сумке на столе классной комнаты.

– Стопка книг с малопримечательными названиями? - хмыкнула Таккола.

– Бесценные фолианты. – Филомена слегка покраснела. – Во дворце дождей за мной постоянно наблюдают, я едва улучила время, чтоб пробраться в библиотеку. Разумеется, об этом доложили тишайшему супругу. Во время семейного обеда, между первой и второй переменной блюд. Свекровь чуть спаржей не подавилась. Пришлось врать, что книги интересуют мою драгоценную дону да Риальто.

– Да ну?

– Ну да!

Мауре стало очень любопытно:

– А Чезаре?

– Рассмеялся, и сказал, что, развращая наследницу да Риальто, я подкладываю командору жирную свинью.

– Развращая?

– Эти книги, - протянула Карла, - по искусству любви.

Догаресса молитвенно сложила руки:

– Панеттоне, прости, у меня правда не получилось состряпать ложь попрличнее. А потом я вспомнила, что ты лучший секретарь из всех ныне живущих, а твои экстракты деловых документов приводят в восторг даже его серенити, и подумала, что попрошу тебя составить конспект.

Маура растерянно кивнула, соглашаясь.

– И велела этой путтана Раффаэле тащить фолианты в своих натренированных руках, - продолжила Филомена.

– Потому что именно эта путтана наябедничала про библиотеку, - закончила Панеттоне.

Догаресса смущенно улыбнулась. Карла встала:

– Прежде чем начнется урок, нужно принести сюда ваше вместилище мудрости.

– Я могу велеть, чтоб этим занялась Голубка, - предложила мстительно догаресса.

– В мою спальню она не войдет.

Таккола двигалась бесшумно, поэтому Маура через некоторое время приоткрыла дверь и, выглянув в коридор, обернулась к подруге:

– Ты заботишься о себе, или обо мне?

– Убиваю двух зайцев, - поморщилась догаресса, – кажется, в политике без этих дуплетов не обойтись. Меня и правда застукали, но я решила, что и доне да Риальто не помешает овладеть кое-чем из соблазнительного арсенала. Помучай своего муранского мальчишку во имя всех страдающих женщин Аквадораты.

– О да...

– Но помни о тех жертвах, на которые он ради тебя пошел. И, Маура, если честно, мне плохо без Карлы, без моей любимой подруги, мудрой советчицы и величайшей добытчицы секретов, и плевать, какого она пола.

Отбытие с острова Риальто торжественности было лишено. Я сидела подле супруга на возвышении в центральной части галеры, зевала и боролась со сном.

– Устала? - спросил Чезаре. – Воспользуешься моим плечом в качестве подушки?

– Когда мы перестанем быть видны с берега, непременно, - сказала я. – Спасибо.

Гребцы работали веслами, солнце начало припекать.

Обернувшись, я посмотрела на удаляющийся причал:

– Сейчас, - и прислонилась виском к мужскому плечу.

– Филомена...

– Время серьезного разговора настало?

Я его уже не боялась, вооруженная до зубов аргументами чудовищного князя.

– Да. – Дожд помолчал, будто собираясь с мыслями. – Начну с комплиментов. Ты, драгоценная, справляешься со всем идеально. Ты умна и рассудительна, быстра в принятии решений и бесстрашна. Скажем так, не будь ты женщиной, о лучшем помощнике я бы и не мечтал.

А как же мои дамские прелести? Что? Помощник?

Я поморщилась и кисло сообщила:

– Похвала его серенити ввергает меня в трепет.

– Но ты, к сожалению, не мужчина.

Он замолчал.

Кракен меня раздери! Неужели Чезаре все-таки дельфин и предпочитает в страсти свой пол? Нет, ерунда. Сплетни о дождевом женолюбии вот-вот приобретут легендарный статус. Хотя, может Чезаре сам их и распускает? Это ведь очень в стиле тишайшего Муэрто, пудрить всем мозги, отвлекая от главного.

– Вы закончили сожалеть? Продолжайте. Я не мужчина, что дальше?

– Ты девушка.

– Какое тонкое наблюдение.

Моим сарказмом собеседник пренебрег.

– Ты молода и... – он вздохнул. - Я возвращаю тебе свободу, чтоб ты могла воплотить в жизнь все свои юные мечты. Все ещё у тебя будет, тесоро,и любящий супруг, и толпа сопливых детишек, и счастливое уединение.

Я села прямо и, отодвинувшись от супруга, требовательно на него посмотрела:

– Уединение? Вы отсылаете меня прочь?

– Да, Филомена. Завтра ты под охраной десятка гвардейцев покинешь Аквадорату на шхуне «Безмятежность». Это быстроходное судно, к исходу второй недели оно причалит к острову Саламандер, чтоб воссоединить тебя с родителями. Другого выхода у нас нет, в

столице тебе находиться опасно, командор да Риальто не оставил своих планов, в чем бы они не заключались.

Какой кошмар! Этот стронцо только что лишил меня оружия. Теперь для безопасности мне не нужно быть его женой. Думай, Филомена, оправдывай комплименты.

– Шхуну вы подарите мне?

– Что? - он удивился.

– Погодите, тишайший, – я покачала головой. - То есть, я расшибаюсь в лепешку, налаживаю дипломатические связи с чудовищными кракенами, убираю мусор, изображаю для подданных граждан дар моря, служу приманкой для да Риальто, и не получаю за это никакой вещественной благодарности?

Глаза цвета спокойного моря азартно блеснули:

– «Безмятежность» слишком дорога мне. То есть, ценность ее нематериальна. Это первое судно, которое я смог купить самостоятельно.

– И сентиментально нарекли в честь фрегата дожа Дендулло, на котором служили капитаном?

– Именно. – Он торговался. - Предлагаю тебе взять ее цену деньгами.

– Ваша серенити, – я погладила Чикко, – если моя саламандра не бесплодна, через три-четыре помета мы сможем выкупить целую флотилию.

Про бесплодие я упомянула зря. Чезаре воспринял это личным упреком.

– Так чего вы хотите, Филомена?

– Звания первой ученицы...

– Пони и гондолу, я помню.

– Не перебивайте! Только что вы обещали мне воплотить все мои девичьи мечты. - Дождь кивнул, я продолжила. - Девица Саламандер-Арденте желала получить диплом «Нобиле-колледже-рагацце». Ее батюшка потратил на это немало средств, а она – три года из своей юной жизни.

– Что вы предлагаете?

– Продолжить быть супругами ещё несколько недель. Командор от своих планов не отказался, мою безопасность обеспечит лишь мой статус замужней синьоры. В день выпуска мы разведемся, а я, в

компании ваших гвардейцев, так как, подозреваю, родичам моим присутствовать на балу вы не позволите, отправлюсь к новой жизни. В моем багаже при этом будут два документа : подписанный вами развод и диплом с самыми отличными отметками из всех возможных.

Чезаре отвернулся, любуясь морской гладью:

– Как вам будет угодно, серениссима.

Итак, этот раунд остался за мной. Лучшая ученица Филомена. Ей теперь придется корпеть над книгами в дворцовой библиотеке. Только над теми фолиантами, которые интересны Филомене-интриганке, названия которых она узнала от синьоры Олимпии. Или синьорины? Интересно, путтана замужем?

Плеча своего мне больше никто не предложил, пришлось дремать, свесив голову на грудь.

Поднимаясь по ступеням лестницы дворца дожей я с приятным удивлением отметила, что вернулась домой. А чуть погодя, с неприятным – что осталась без фрейлин. Маура заперта под замком в палаццо Риальто, Карла изгнана дожем, Бьянка Сальваторе сбежала замуж.

– Дона догаресса,– дона Раффаэле присела в реверансе на пороге моих апартаментов, пятеро горничных повторили поклон.

Лучше бы я осталась совсем без фрейлин.

– Констанс, – командовала Паола, – доне догарессе нужно переодеться. Ангела, подай домашние туфли. Лу, возьми в футляр саламандру.

Оказавшись в стеклянном плену, Чикко моментально уснула. Горничные почтительно исполняли все приказания фрейлины Раффаэле, сама она изображала воодушевление.

Раньше все мои переодевания казались мне молниеносными, потому что за это время мы успевали поболтать, обменяться сплетнями и шутками. Теперь же простая смена платья тянулась как скучная лекция. Девушки помалкивали, позволяя себе лишь редкие просьбы шепотом : «дона догаресса, извольте повернуться, извольте присесть, позвольте помочь».

Наконец мне предложили пройти в гостиную, и Голубка подвела меня к столу с рукоделием:

– Синьора Муэрто позаботилась о том, чтоб вы не скучали.

– Как это мило со стороны матушки, – проворковала я умильно.
– Ой, пяльцы! Иголочки, ниточки! Какая прелесть!

Мы с Паолой сели друг напротив друга и стали изо всех сил развлекаться.

Я произвольно тыкала иглой в натянутую на раму ткань, Инесс придерживала шитье, Лу вдевала нити, Чечилия наблюдала ее движения, будто той нужна была помощь. Ангела и Коңстанс просто стояли у стола. Веселье просто лилось через край.

– Дорога вас не утомила? – спросила Голубка.

– Нисколько. А вас?

– Я сопровождала синьору Муэрто.

– Ваше добросердечие воздастся вам сторицей. Как перенесла путешествие матушка?

– Стоически, не смотря на постоянные боли в ноге.

– Матушку осмотрел лекарь?

Беседа продолжалась, бессмысленная и пустая. Платье фрейлины было бело-непорочным, мое – черным, как ночь.

Диспозиция понятна. Свет против тьмы, добро против зла. Какая мелочность! Интересно, как этой притворе Раффаэле удалось так быстро подчинить слуг? Моя свекровь шепнула ей тайное заклинание?

Про это мне не рассказали, зато я узнала, что с сегодняшнего дня меня ожидают семейные трапезы в кругу семьи, два часа обязательного вышивания и ежевечерние беседы с матушкой в ее спальне.

Меня мутило от голоса Голубки, от ее добродетельного тона, от духоты и усталости. Хотелось спать и есть, в любом порядке, но немедленно.

Я предложила Раффаэле навестить синьору Муэрто, чтоб справиться о ее самочувствии. Мне возразили, что моя тишайшая свекровь решила до обеда прилечь, и тревожить ее не стоит.

Попытка сбежать под предлогом срочной беседы с супругом тоже провалилась. Его серенити присутствовал на заседании совета. Какого именно? Ах, Голубка об этом не знала. В благословенной Аквадорате их буквально десятки.

– Вы интересуетесь политикой, Филомена? Как это странно для женщины.

– Зато обычно для догарессы.

– Меня восхищает ваше рвение.

Я скрипнула зубами. Без твоего фальшивого восхищения я прекрасно обойдусь! Мерзавка меж тем ловко орудовала иглой, золотые стежки, ложась один к одному, превращались во вполне узнаваемую фигуру гербового аквадоратского льва.

– А меня приводят в восторг ваши, Паола, таланты вышивальщицы.

– Ах, пустое. В долгие зимние вечера на родном Помо-Комо мне было больше нечем заняться.

– Не скромничайте, дона Раффаэле. Вы образованы, значит много читали, вы прекрасная музыкантша. Есть ли хоть что-то, чем вы не одарены?

Она всхлипнула и отвернулась, будто сдерживая слезы.

– Дона догаресса знает, чего я лишена.

Прикрыв глаза, я представила, как обрушиваю на эту русоволосую головку массивные пальцы, и, насладившись картиной, попросила:

– Расскажите мне о вашей родине.

Это тоже было скучно. Говорила фрейлина многословно и цветисто, но отстраненно, без души. Прекрасный зеленый остров Помо-Комо, плантации сахарного тростника, пальмы, лошади, лагуна.

– Ваша семья торгует пряностями?

Три минуты бубнежа. Асафетида, бадьян, ваниль, гвоздика, имбирь, кардамон, лавр, мускатный орех, перец, розмарин, цедра, шафран.

Мне не кажется? Она ведь перечисляет их по алфавиту.

Я зевала уже почти не скрываясь, но узнала все-таки, что бывает перец белый, черный и даже зеленый, индийский и мавританский.

– А откуда в Аквадорату приплыли вы, Филомена?

Отвечать не хотелось, но пришлось. В отличие от моего равнодушия к ее рассказу. Дона Раффаэле проявила к моим речам любопытство. Она задавала уточняющие вопросы, ее интересовало буквально все: расположение острова Саламандер, размер, климат, ветра, расположение дома, количество слуг, возраст моих братьев и личные имена родителей.

Каждый любит поговорить о себе, я не исключение. Но наша беседа слишком уж стала напоминать допрос. Паоле я не доверяла, поэтому прибегла к риторическому приему, столь любимому моим тишайшим супругом, притворилась дурочкой и напустила густого тумана. Его роль исполнили многочисленные байки. Однажды мы с братом... не важно с которым, они все рыжие... отправились портить сети, и батюшка ругался на нас... а в другой... а в десятый... Историй хватало, все они заканчивались родительским наказанием. Если подумать, ребенком я была до крайности шкодливым.

Когда в гостиную явился лакей, чтоб пригласить нас к обеду, я сообщила фрейлине, что счастлива найти в ее лице подругу и наперсницу.

Свекровь выглядела скверно. Смуглое лицо побледнело, она сжимала губы, будто терпела боль. Показать лекарю дона Муэрто отказалась. Ее укрепят пост и молитва.

К счастью, на прочих пост уже не распространялся, и блюда были питательны и разнообразны. Его серенити явился к столу в своем парчовом облачении, и даже за едой шапки не снимал. Мы сидели рядом, но едва обменялись десятком слов. Он поинтересовался, как я провела время. Синьорина Раффаэле ответила за меня. Дождь рукоделие похвалил, по его мнению, занятие это подходило для женщин. Трапезу он закончил первым и убежал на очередной совет. Я поняла, что эта новая жизнь во дворце вгонит меня в гроб, поэтому, когда уже все поднимались из-за стола, я велела синьорине Раффаэле остаться с доной Муэрто, так как мое слабое здоровье заставляет меня лечь в постель.

Горничные проводили меня в спальню. По дороге я попыталась их разговорить, но не преуспела. Что-то явно было не так. Инесс даже не спросила меня о Мауре. Ах, Панеттоне, как ты нужна мне. Ты разузнала бы обо всех странностях в мгновение ока. А Карла... Она тоже мне нужна. Маламоко выяснила бы точно, на какой совет в какой зале отправился Чезаре. И втроем мы занялись бы интересными и важными делами.

Раздеваться я отказалась, отпустила горничных и вытряхнула Чикко из стеклянного футляра.

– Понимаешь, девочка, что получается? Мне нужны обе мои подруги, даже, если одна из них парень.

Саламандра, разумеется, не ответила, она взбежала по ножке лампы, чтоб обвиться хвостиком вокруг горящего фитилька.

Оба, Маура и Карло, мне нужны. Но Карло – шпион Маламоко и скоро отправится в догата Негропonto. А Панеттоне – девица да Риальто, ее выдадут замуж, и я ее потеряю окончательно. Может, вариант брачного союза с Саламандер-Арденте не так уж плох? Нет. Пока я не узнаю, что «отпирает» Изолла-ди-кристалло, рисковать не будем. Тем более, Маура влюблена в Маламоко, выдать ее за, например, Филодора, значит, сделать несчастными всех троих.

Опомнись, Филомена. Ты сама во дворце дождей на птичьих правах, и у тебя лишь несколько недель, чтоб эти права стали человеческими.

Чикко я решила с собой не брать. Огненной саламандре ни один архивариус не обрадуется.

Слуг в коридоре не было, гвардейский караул отдал мне честь и сопроводил в другое крыло, где располагалась дворцовая библиотека. Удобно, без стражников я бы непременно заблудилась.

Синьор библиотекарь был дряхл, и обладал столь тихим голосом, что имени его я не расслышала.

– Про искусство любви? - переспросил он. - Конечно, дона догаресса, у нас есть эти непотребные писульки.

Покраснев, я прошла за ним по коридорчику, стены которого состояли из высоких до потолка книжных шкафов, и присела за небольшой дубовый столик у окна.

Библиотекарь зашаркал куда-то в сторону, приковылял обратно, положил передо мной увесистый том.

– Благодарю.

Это был Овидий, к счастью, переведенный. «Кто из моих земляков не учился любовной науке, тот мою книгу прочти и, научась, полюби». Это точно про меня, ну, кроме того, что мы с древним мужем земляками не были. Я погрузилась в чтение.

Пока я пробиралась через рифмованные строчки, библиотекарь принес мне еще четыре фолианта, один из которых был, кажется, из папируса. Желание рассмотреть его поподробнее я подавила. Распылять внимание глупо, надо сначала закончить с тем, что уже начала.

Труд античного философа для юных синьорин предназначен не был, он писался для повес, повес-мужчин. Элегическим стихотворным размером Овидий советовал, какая древнегреческая синьорина подходит для флирта, где с нею можно встретиться, как заговорить.

Второй фолиант был озаглавлен « О науке куртуазной любви» и принадлежал перу латинянина Андреаса Капеллянуса, третий назывался витиевато «Благоуханный сад для духовных услад ученнейшего шейха», четвертый был хинским и там... были иллюстрации.

– Дона догаресаа готовится к урокам? - раздалось над головой, и я попыталась лечь животом на стол.

Синьорина Раффаэле осуждающе покачала головой:

– Ваша матушка зовет вас к себе.

– Мама? – От того, что вся кровь прилила к щекам, соображала я туго. - Она здесь?

– Ваша матушка синьора Муэрто.

Опомнись, Филомена, ты не должна оправдываться или стыдиться. Твой статус гораздо выше статуса Паолы.

– Синьор библиотекарь, – громко позвала я и дождалась, пока старец появится из-за шкафов. – Эти книги я забираю.

Он не возражал, и отыскал в кладовой холщовую суму для транспортировки.

Свекровь хотела, чтоб я для нее почитала. К счастью, мою добычу уже успели отнести в кабинет гвардейцы , а книга, предназначенная развлечь тишайшую свекровь, оказалась о путешествиях.

Читать я любила больше, чем вышивать, то есть, на самом деле, больше, чем вышивать, я любила почти что угодно, и время до ужина провела с удовольствием и пользой.

Матрона слушала меня, сидя в огромном кресле и прикрыв глаза. Может, и не слушала , а дремала, но это было не важно. Мне самой было интересно. Я прервалась лишь несколько раз. Один, чтоб велеть подать воды, и потом время от времени смачивала пересохшее горло.

К ужину я почти потеряла голос и возможность молча жевать восприняла с благодарностью.

Чезаре был возбужден и весел. Стронцо. Он шутил с матерью, подмигивал Паоле и не обращал на меня никакого внимания. Синьорина Раффаэле расспрашивала его серенити о заседании совета гильдий, где решался вопрос строительства нового аквадоратского квартала на насыпных островах в восточной части города. И вопросы ее говорили о немалом знакомстве с предметом. Лживая Голубка!

Я жевала безвкусную спаржу и страдала. Чезаре поинтересовался у матушки, чем занималась она. Матрона ответила. Паола захихикала, прикрыла рот ладошкой, будто смутившись. Дождь вопросительно приподнял бровь.

– Простите, ваша серенити, просто когда дона Муэрто рассказывала о чтении, я припомнила, какие забавные книги предпочитает дона догаресса...

И эта... пугана опять хихикнула. Лицо с приподнятыми бровями обернулось ко мне.

– Овидий, - пояснила я с бравадой, - и еще несколько античных заграничных трудов.

– Жизнеописания? - уточнил тишайший.

– Наука любви.

Свекровь поперхнулась, я покраснела, брови Чезаре скрылись под ободом шапки.

Интересно, а достать яд сложно? А подсыпать его в стакан синьорины Раффаэле?

Молчание, воцарившееся в столовой, угнетало.

– Это для Мауры, – соврала я быстро, чтоб не передумать, - она давно интересуется этой темой.

Какой стыд! Я только что оговорила свою подругу.

Чезаре моя ложь позабавила, меня же она ввергла в пучины душевных страданий. Едва дождавшись окончания ужина, я ушла к себе и, накрывшись одеялом с головой, ворочалась, пока не заснула.

Тишайший провел ночь со мной. По крайней мере, утром его подушка была смята. Этот факт отметила не только я, но и Паола, явившаяся с горничными пожелать мне хорошего дня.

Понедельник. Я совсем забыла. Понедельник, значит пора отправляться в школу. Радость этого события не могло уничтожить даже то, что до «Нобиле-колледже-рагацце» мне предстояло плыть с доной Раффаэле. Мстительно отвергнув предложенное ею черное с

серебром платье, я выбрала лиловое, и, чтоб совсем показать Голубке, кто тут главный, навьючила на нее тяжеленную сумку с книгами.

Когда я вошла в класс и увидела подруг, едва не расплакалась от счастья и облегчения. Мои рагацце, Карла, Маура, втроем мы со всем справимся.

На уроке синьоры Ванессо я размышляла.

Таккола осталась с Панеттоне, то есть, в мужском роде, Такколо... Не важно. Они вместе, значит, либо открылись друг другу и притворяются перед посторонними, либо... Мне нужно сначала спросить Мауру. Один вопрос, один ответ, минута, не больше.

Звук последнего удара колокола ещё не стих, когда я ринулась к выходу. Обернувшись на пороге, я вперилась в синьорину да Риальто, подмигнула ей и показала глазами в сторону Карлы.

Панеттоне намек поняла и прибежала в нашу спальню, опередив Маламоко на полторы минуты. Нет, Карло ни о чем не догадался.

Итак, наша сдобная булочка затеяла свою любовную игру. Что ж, труды античных повес ей тоже пригодятся. Главное сейчас не сболтнуть чего-нибудь лишнего. Нет, главное, рассказать Панеттоне, что она должна знать.

После второго урока мы с рагацце встретились у питьевого фонтанчика.

– Сестра Аннунциата сегодня в ударе, - тяжело дышала Карла, - и меня не пощадила.

– Учиться надо было, а не шпионить, – укоризненно покачала я головой. - Вот мы с доной да Риальто делали это примерно и не изображаем теперь загнанных лошадей.

Мое дистанционное обучение принесло, как оказалось, свои плоды. Благодарить за это нужно было Мауру, и ее великолепные конспекты.

Маламоко жадно пила и мои упреки проигнорировала.

– Где Чикко? - заметила Панеттоне отсутствие саламандры.

– Во дворце под присмотром горничных.

– Зачем?

– Наша Аквадоратская львица, - приблизилась Карло, - видимо, собиралась во время сиесты сбежать на свидание к чудовищному князю.

– Именно, и не была уверена, что матрона да Риальто столь скоро последует моему совету вернуть дочурку в школу.

– Планы не изменились?

– Нет, я желаю принять участие в допросе. Лукрецио пленил нашего с тобой, Карла, отравителя.

– Как? Когда?

– Какого еще отравителя? – спросила Маура.

– Рогацце, – всплеснула я руками, – вы еще столько не знаете. Отвечу сначала тебе, Панеттоне. Меня с Чезаре пытались накачать афродизиак. Его в наше вино добавил некий притворявшийся лакеем синьор. Последнего, уже в костюме Ньяга, удалось опознать Карле. Мы бросили жребий, Таккола отправилась следить за Паолой... Да, забыла уточнить, Голубка тоже, кажется, к этому причастна. Так вот, мы бросили жребий...

– А экселленсе в это время подавал мне из-за колонны недвусмысленные знаки, – перебила Маламоко, – и только поэтому я позволила тебе идти за отравителем.

– Не важно. Хотя, спасибо. Отправься я в подвалы в одиночестве, дело обернулось бы катастрофой.

Описывая свои приключения, я не пожалела ярких красок.

– Так это все же была дробь? – уточнила Карла. – В брюшке твоей мадженты?

– И к счастью, и к разочарованию. Представляешь, сколько я смогу заработать на продаже крошечных огнестрельных саламандр, к тому же способных обнаружить яд?

– Твоя свекровь перестанет попрекать тебя приданым, – хихикнула Маура.

– Она все равно найдет чем меня уязвить.

– Не сомневаюсь.

– Мы теряем время, – вклинилась Маламоко, – к тому же синьорина Раффаэле наблюдает за нами из окна второго этажа. Нужно нейтрализовать ее хотя бы до конца сиесты.

– Отравить? – предложила кровожадно Панеттоне.

– Мы отравим Филомену.

– Что? – удивилась я.

– Ты завтракала?

– Разумеется.

Карла придержала мои плечи и посмотрела внимательно на лицо:

– Бледненькая... замечательно... Сейчас ты изобразишь резкую желудочную боль и побежишь в туалетную комнату первого этажа.

– Там решетка на окне.

– И сдвижная панель напротив унитаза.

Я припомнила планировку:

– Напротив? То есть, лаз ведет не наружу?

– В коридор черного хода. Мы с Панеттоне будем дежурить у двери туалетной.

– Чудесно.

Я схватилась за живот, громко вскрикнула:

– Меня сейчас вывернет! – И понеслась со двора.

– Дону догарессу опять отравили? – причитала Маура. – Вот что происходит, когда правительница лишается верных фрейлин.

Паола топотала на лестнице, спускаясь со второго этажа, когда я уже задвигала массивный внутренний запор двери туалетной комнаты.

– Что произошло? – спрашивал кто-то из учениц.

Дона да Риальто подробно отвечала, как дона Филомена испытала недомогание, и что ей нужно уединиться.

Юбка моего платья была узкой ровно настолько, чтоб не мешать протискиваться в щели, но движений не стесняла. Я без труда выбралась привычным путем к опоясывающей здание галерее. Палаццо Мадичи соседствовал со зданием «Нобиле-колледже-рагацце», лесенка спускалась с галереи к кованому парковому ограждению, изломанные прутья которого позволяли проникнуть в парк, презрев, как парадные ворота, так и отделанную мрамором причальную пристань.

У ограды меня поджидал неприятный сюрприз. Ее обновили, стройный ряд стальных копий блеснул свежей полировкой там, где, как я помнила, раньше можно было пройти. Мои воспоминания подтвердились и не успевшей зарости травой тропинкой по ту сторону ограды.

Нужно было возвращаться. Крыльев у меня не было, а только ни могли бы мне сейчас помочь.

Я вздохнула и тихонько позвала:

– Лукрецио, ваша серениссима явилась с визитом.

Через минуту молодая травка примялась остроносими башмаками с драгоценными алмазными пряжками.

– Филомена?

Он стоял за кованой решеткой, с головой закутанный в плотный черный плащ.

– Немного невежливо, – сообщила я этой безликой копне, – заставляя даму своего сердца ждать.

До меня донеслось приглушенное покашливание, экселленсе смеялся.

– Вы передали своему супругу мое приглашение?

– К слову не пришлось, – пожалала я плечами, жеста князь видеть не мог, но, наверное, он его услышал. – Поэтому решила воспользоваться вашим гостеприимством самостоятельно. Лукрецио, вы допросили Ньяга?

– Молодой человек уверяет, что добавил в ваше вино пряность по приказу командора да Риальто.

– Он лжет?

– Мало кто способен на это, когда его вопрошает древний вампир, но... Филомена, вы не желаете войти? Ночью я без труда перенес бы вас поверх этих кольев, сейчас же могу предложить подогнать гондолу к кирпичному уступу шагах в десяти.

Я отказалась. Лишние телодвижения и потеря времени. Тем более, вряд ли я смогу вести допрос лучше, чем это уже сделал чудовищный князь.

– Вы сказали «но», Лукрецио. Продолжайте.

– В юноше есть нечто, что я, невзирая на свой многовековой опыт, определить затрудняюсь. Некое несоответствие ароматов. Поэтому, Филомена, я все же буду просить вас передать информацию синьору Муэрто, наш дож изрядно понаторел в маскировке запахов.

– Сегодня вечером, – пообещала я, – мой супруг вас посетит.

О том, что сопровождать его собирается дона догаресса, я не упомянула.

Мы попрощались, я с изобразившей поклон черной копной.

– Директриса требует тебя к себе, – шепнула Маура, когда я распахнула дверь туалетной комнаты, и одобрительно кивнула, рассмотрев разбросанные на полу мокрые полотенца и перевернутые кувшины.

Помещение носило следы безжалостного использования.

Панеттоне уже громко спросила, как я себя чувствую. Ответив, что уже получше, и кивнув Карле, стоящей у окна в окружении группки учениц, я поднялась к сестре Аннунциате.

– Отравили? – Подняла она голову от книги.

– Во дворце это обычное дело, - не соврав, избежала я прямого ответа.

К счастью, вопросы ядов директрису не интересовали, она желала беседовать о выпускном.

– Ты добила обещания дожа?

– Да, матушка, его серенити будет присутствовать на экзамене.

– Великолепно. Это увеличит популярность «Нобиле-колледже-рагацце» среди аквадоратских патрициев.

– Повысьте плату за обучение, - предложила я. – Насколько мне удалось изучить наших аристократов, дороговизна их не отпугнет, а напротив, заставит раскошеливаться ещё активнее.

– Пожалуй...

– И еще, - я присела на стул для посетителей, – неплохо было бы учредить стипендию, или даже несколько стипендий, для девиц не столь богатых, но родовитых.

– Не вижу в этом особого смысла. – Покачала головой сестра Аннунциата, но то, как она подалась ко мне, почти касаясь грудью столешницы, говорило о ее заинтересованности.

– Умные, воспитанные, образованные синьорины, семьи которых пришли в упадок отнюдь не по их вине. Кому они окажутся в итоге верны и благодарны?

– Тому, кто вытащил их из ямы.

– Они будут выходить замуж за приличных синьоров, а вы, матушка, получите возможность через своих выпускниц влиять на государственную политику.

Директриса рассмеялась и откинулась на спинку кресла:

– Узнаю свою злодейку Филомену. Твоя старенькая учительница станет воспитывать невест, чтоб пошатнуть привычное главенство патрицианских советов, но выиграет от этого, в первую очередь, тишайший Муэрто.

Я покраснела, будто от похвалы:

– От вас, матушка, ничего не скроется.

Сестра Аннунциата помолчала, потом задумчиво протянула:

– Долгосрочный план и вполне осуществимый. Если бы стипендии учредил сам дож, Большой совет мог всполошиться, заподозрив его серенити в интригах.

Все-таки моя директриса умнейшая из женщин. Как я ею восхищалась!

– Хорошо, дона догаресса, стипендии будут назначены. Мы сообщим о них во время выпускного бала.

Рассыпаясь в благодарностях, я думала, как бы заставить тишайшего тайно пожертвовать школе необходимую для этого сумму.

О личном мы не говорили. Я никогда, даже на исповеди, не признавалась сестре Аннунциате в нежной страсти к Эдуардо, что лишало меня необходимости посвящать монашку в историю с навязанным браком. Она, правда, спросила, отчего Маура и Карла покинули дворец.

– Я счастлива, что им позволено хотя бы закончить обучение, - ответила я чопорно. – При мне осталась фрейлина Раффаэле.

– Ах, да, - директриса кивнула в сторону вороха бумаг, - маркизета Сальваторе написала, что покидает Аквадорату. Ты знаешь, почему?

Эта тема опасности не представляла.

– Твоя невестка? - Бледные щеки монашки покраснели. – Однако. Ты ведь не ладила с Бьянкой?

– Кто прошлое помянет, - отмахнулась я. – Главное, чтоб они ладили с Филоменом.

Прощаясь, я подумала, что уже к вечеру появится лирическое стихотворение о страсти юной синьорины и бравого моряка.

На математике я считала барыши от продажи крошек-маджент, на уроке музыки дремала под виольные экзерсисы.

По пути в танцевальный зал меня затолкали в оконную нишу сильные руки синьорины Маламоко:

– Ты говорила с князем?

– Она вернулась слишком скоро, - протиснулась к нам Маура. - Путтана Раффаэле сплетничает, что свекровь тобою недовольна.

Это было правдой, синьоре Муэрто я не нравилась, поэтому фразу про сплетни я не комментировала. Вместо этого рассказала о новой ограде и беседе со скрытым под плащом экселленсе.

– Старый хвастун, – хмыкнула Карла, – его чары не столь сокрушительны.

– Таккола перед ними устояла, – напомнила Панеттоне и положила свою головку на плечо подруги.

– Тебя ведь тренировали? - спросила я Галку. - Может,и этого Ньга тоже.

– Учителей, подобных моей, во всем мире можно по пальцам одной руки пересчитать, – Карла ладонью погладила белокурые локоны, движение было автоматическим, но полным нежности. – Но такого варианта я бы со счетов не сбрасывала.

– Лукрецио сказал, что Ньга неправильно пахнет.

– Поговори с Чезаре.

– Князь просил о том же.

Потатино прокричала от двери, что урок вот-вот начнется, и синьора Грацио велит нам занять места.

Ах, как меня злила невозможность побыть с подругами. Во время танца я сообщила об этом Мауре, при перемене партнеров Карла сказала, что свободный вечер они посвятят размышлениям,и придумают, как обойти слежку и запреты.

Во дворец я отплывала воодушевленной, даже Голубка Паола на соседнем сидении не портила настроения. Даже ее бриллиантовое кольцо не блестело столь уж нестерпимо. За все эти дни Чезаре ни разу не проявил к фрейлине чего-то большего, чем вежливое дружелюбие. Может, моя ревность беспочвенна? Хотелось так думать.

Прибыли мы как раз к ужину, я едва успела сменить платье. Тишайший Муэрто опять был в парче, видимо явился в столовую после заседания.

– Благородные девицы обогатились знаниями? – весело спросил он.

Отвечала Раффаэле.

– Синьора Муэрто к нам не присоединится? - прошептала я синьору Копальди, сидящему от меня по левую руку. - Она нездорова?

– К сожалению.

Я ощутила удовлетворение, меня не будут донимать, потом стыд, свекровь больна и страдает. Паола спросила, каковы планы его серенити,и предложила переместиться в музыкальный салон, чтоб развлечь тишайшего виольным концертом.

– Тишайший супруг обещал посвятить это вечер мне, – ответила я любезно.

Чезаре подтвердил мои слова, после того как я наступила каблуком на его золоченый сапог, а в коридоре потребовал объяснений. Выслушав их, кивнул:

– Зайду поприветствовать матушку, переоденусь и отправлюсь к вашему шепелявому поклоннику.

– Мы отправимся туда вместе.

– К матушке?

– И к ней, и в вашу гардеробную, не желаю дать вам шанс сбежать, а после, к сиятельному князю Мадичи.

Супруг не возражал. Обиженная синьорина Раффаэле удалилась, плечи ее вздрагивали будто от рыданий. Мне это понравилось. Чезаре проводил ее сочувственным взглядом. Это не понравилось абсолютно. Вышла бы она замуж за кого-нибудь, я бы успокоилась. Может намекнуть Артуро, что ее карие глазки останавливаются на нем с регулярной нежностью? Синьор Копальди шел следом за нами и я могла бы начать интригу немедленно. Но он беседовал с дожем, то есть, с дожевым затылком, я не посмела мешать.

Маркиз Сальваторе снарядил погоню за капитаном Саламандер-Арденте, ставки на ее удачное разрешение один к трем. Священник с острова Николло сбежал ещё на рассвете, значит, венчание он провести успел. Лекари выяснили состав афродизиака, в Аквадорате такого никто не производит. Глава гильдии стеклодувов грозит прекратить поставки фонарных плафонов для нового квартала, если его серенити не найдет для его дочери мужа среди патрициев.

Чезаре повернул голову и посмотрел на помощника с радостным воодушевлением:

– Артуро!

Нет, нет, синьор Копальди вступать в брак не желал. Славно, его мы прибережем для Паолы.

– А в чем состоит проблема с браком дочери стеклодува? – спросила я.

– Это давняя традиция, – ответил Чезаре. – Гильдии мастеровых, не все, только самые почетные, как, например, стекольщики, имеют право отдавать своих дочерей за наших дворян. Может, стоит вменить

в обязанность патрициев предоставлять нам наследников для этих целей?

– И оскорбить и тех и других?

– У доны догарессы есть лучшее предложение?

– Повысить брачную ценность гильдейских синьорин, – ответила я спокойно. – К примеру, обучать их в школах благородных девиц.

– В Аквадorate лишь одна такая школа.

– Пусть их будет больше, пусть туда будут допускаться не только дворянки, пусть на школьных балах будут присутствовать... – Я загнулась, поняв, что замечталась. – Как зовут вашу девушку, эту дочь стеклодува?

Мне ответил Артуро:

– Синьорина Мария Биккере.

– Предложите синьорине Марии обучение в «Нобиле-колледже-рогацце», то есть, оплатите ей взнос. Разумеется, синьор Биккере может это сделать и сам, уверена, он богаче всех во дворце, но от подарка его серенити не откажется.

– Не посмеет. И на целых три года перестанет меня донимать требованиями. – Чезаре потрепал меня по щеке. – Умница моя.

Тепло этого прикосновения было невероятно приятным, тем более, что мужская ладонь задержалась на лице, скользнув на затылок под волосы.

– Где твоя саламандра?

– Не знаю, – ответила я грустно. – Я оставила Чикко в гардеробной, но, когда вернулась туда после занятий, футляр был пуст.

– Я поищу, – предложил Артуро.

– Не нужно, – сказала я.

Мы как раз вошли в распахнутые слугами двери спальни синьоры Муэрто. Крошка-маджента приветственно помахала нам хвостиком с груди тишайшей свекрови. Та сидела в постели и, при нашем появлении, отложила в сторону книгу:

– Чезаре?

– Матушка, – дож бросил мне шапку и, приблизившись к кровати, опустился подле нее на колени, – ты совсем расклеилась.

– Северный ветер, дорогой, скоро он переменится. Филомена?

Шапку я отдала синьору Копальди:

– Добрый вечер, матушка. Моя саламандра не доставила вам неудобств?

– Она проскользнула в спальню вместе со слугами, - хмыкнула матрона, пальцы его гладили склоненную голову сына, – кажется, ее привлекал комнатный камин.

– Позвольте? - Я взяла ящерицу, ощутила прохладу шкурки, рассмотрела зеленые лапки, светло-зеленое брюшко и черный хвостик.

Чикко извивалась, я разжала пальцы, и она быстро взбежала на грудь синьоры Муэрто. Подавив обиду, я присела на стоящий у кровати стул.

Свекровь выглядела очень плохо, без преувеличения. На мой лепет о лекарях ответила решительным отказом. Я посмотрела на супруга, тот улыбался, поддерживая мать, но глаза его наполняли тревога.

– Гнилой воздух столицы не идет тебе на пользу.

– Главное, чтоб он подходил тебе.

Я поняла, что невероятно соскучилась по семье. Чезаре походил на мать резкими чертами лица и черными волосами, и смотрели они друг на друга со скрываемой, но все же нежностью.

– Синьора Муэрто, - проговорил дож весело, - а расскажи-ка мне, как можно преодолеть чары древнего вампира.

– Тебе никак, – фыркнула матрона, - этому обучают с младенчества.

– Я был крайне болезненным ребенком, - сообщил Чезаре мне, – и матушка побоялась лишиться наследника, вздумай тренировать меня истребителем кровососов.

– Так это вы учили Карлу Маламоко? – ахнула я.

– Карлу? - переспросила свекровь и посмотрела на сына.

– Синьорину Маламоко, – кивнул он со значением.

Матрона произнесла несколько незнакомых мне слов, обрамляющих имя Фаусто Маламоко, потом повернулась ко мне:

– Да, и после учеников себе не брала. Так с кем из древних вампиров собирается сражаться его серенити? С чудовищным князем Мадичи?

– Сражаться с экселленсе? Нет, матушка, нынче мы с ним на одной стороне, надеюсь, так будет и впредь. Дело в другом. Некий молодой человек...

Он пересказал синьоре Муэрто ситуацию.

– Неправильный запах?

– Я использовал пот саламандры, чтоб вампиры меня не учуяли.

Но здесь, судя по всему, нечто другое, Лукрецио парня обоняет.

– Любых притирок хватает не более чем на час, – размышляла вслух матрона. - Бывает, что длительный прием особых отваров и вытяжек надолго изменяет состав пота. Нет, Чезаре, без осмотра я не смогу тебе ничего сказать.

– Спасибо, матушка, – дож поднялся. - Мы с Филоменой тебя оставим...

– Стоять.

В это момент я поняла, как синьора Муэрто заставляет трепетать всех без исключения дворцовых слуг. В одном слове ее было столько властной силы, что мои колени разогнулись, и я поднялась на ноги.

– Мы немедленно отправляемся в палаццо Мадичи. Артуро, покарауйте в коридоре, чтоб никто из слуг сюда не вошел, мне нужно одеться. Вы, – она перевела свирепый взгляд на меня с супругом, – ждите меня внизу, и, если в ваши пустые молодые головы забредет шальная мыслишка сбежать...

Трость свекрови, оказывается, все это время лежала с ней в постели, прикрытая одеялом, сейчас ее окованный серебром кончик покачивался у моего носа.

– Я подкаблучник, – жаловался супруг небесам, когда мы шли в его гардеробную, - мною командуют женщины. Каково?

Небеса не отвечали.

У бронзового бассейна во внутреннем дворе дворца дожей в это ночной час беседовали двое. Разговор велся отнюдь не по-аквадоратски, но полной Луне, единственной его свидетельнице, это было безразлично. Лица инородцев скрывали белые личины Вольто, тела – массивные бесформенные плащи.

– Старуха начала догадываться, пришлось принимать меры.

– Заодно можно было избавиться и от девчонки.

– Слишком опасно. Девчонку уберем в свое время, должно казаться, что она ушла сама, уступив место более достойной.

– Она не захочет.

– За нее ещё не брались по-настоящему.

– Возьмитесь. Война вот-вот будет объявлена.

Луна скрылась за облаками лишь на мгновение, но когда вновь стала видна, во дворе у бассейна уже никого не было.

ГЛАВА 6. Изгнание тишайшей Филомены

«Нобиле-колледже-рагацце» готовился отойти ко сну. Маура уже лежала в постели, читала некий снабженный цветными гравюрами фолиант и время от времени подхихикивала. Древние хиняне толк в любовных утехах знали, и предавались им очень забавными способами.

Таккола вышла из ванной комнаты, облаченная в свою привычную ночную сорочку, плотную, с высоким стоячим воротником и обилием рюшечек на плечах и груди. С нею в спальню проник аромат сандала, легкий запах мыла и лосьона. Она промокала полотенцем влажные волосы и шлепала по полу задниками удобных домашних туфель.

– Приятно вернуться домой.

Маура согласилась, повела плечом, фолиант поехал вниз, увлекая за собой покрывало. Под ним синьорина да Риальто оказалась одета довольно скудно: полупрозрачная алая сорочка, схваченные впереди рядом крошечных рубиновых пуговиц. Черные брови Маламоко поползли вверх.

Маура беспечно рассмеялась:

– Бабуля Попета, наверное, сослепу, упаковала мне этот чудовищный наряд. – Она завозилась, снова укутавшись до плеч. – Погасить свет?

Карла вопроса будто не услышала, она смотрела в стену остановившимся взглядом. Панеттоне пришлось его повторить.

– Что? Нет, мне нужно заняться волосами.

– Помочь?

– Нет!

Неожиданно резкий ответ, он заставил сердечко Мауры трепетать. Так тебе и надо, черноглазый лжец. Нянюшка Попета? Ха! Три ха. Прозрачный наряд дона да Риальто затолкала в сундук своими руками. Был он на самом деле частью карнавального костюма, накидкой, надеваемой поверх черного атласного чехла, чтоб изображать ночную ипостась Аквадораты, тишайшей Дамы.

Карла сидела перед туалетным столиком, расчесывала свои смоляные кудри, Маура видела в отражении ее тонкое скуластое лицо.

– Как там наша Филомена?

Маламоко хмыкнула:

– Дрессирует Чезаре, или воюет с Голубкой.

– Война на истощение. Не понимаю. – Панеттоне отложила книгу на прикроватный столик. – Чего добивается Раффаэле?

– Выжидает, пока место подле дожа снова станет вакантным. – Карла отложила щетку и развернулась к подруге. – Кузен Муэрто считается исключительным женолюбом, сплетни отчасти правдивы, а отчасти он распустил их сам.

– Зачем?

– Ну, наверное, чтоб компенсировать слухи о своем бесплодии.

– Но это ведь правда?

– К сожалению. Чезаре бросается на любую смазливую мордашку, чтоб доказать всем, и прежде всего себе свою мужскую состоятельность. Но, знаешь, что забавно? После женитьбы на нашей Аквадоратской львице, в интрижках тишайший Муэрто замечен не был. То есть, специально я этим не интересовалась, но за последние недели выслушала жалобы нескольких его постоянных дам на небрежение и охлаждение.

– Но Паола сохраняет надежду?

– И этого я тоже специально не узнавала, но гвардейцы, из тех ребят, что были с кузеном на его «Безмятежности» считают, что с дочерью островного губернатора у его серенити были настоящие чувства.

– Были и прошли. Я что-то не замечала хоть каких-то авансов Паоле со стороны дожа.

Карла поднялась и пошла к своей кровати:

– Погаси свет, пожалуйста. – Пока Панеттоне тянулась к ночнику, Маламоко отбросила покрывало. – Нет, погоди минуточку.

Она провела ладонью по простыне:

– Что за черт? Постель абсолютно мокрая.

– Слуги забыли прикрыть окно? – предположила Маура. – Ночной воздух за прошедшие недели пропитал все влагой. Попробуй кровать Филомены.

Карла пересекла спальню, сдернула покрывало соседней постели, чертыхнулась:

– Здесь то же самое.

– Хорошо, что я выбрала себе место подальше от окна, - обрадовалась Панеттоне. – Предусмотрительная синьорина да Риальто проведет ночь в тепле и сухости. Иди ко мне, моя несчастная подруга, разделим сон на двоих.

И, чтоб Карла не успела возразить, девушка резко задула ночник, погрузив спальню во тьму. Маламоко не осталось ничего, кроме как наощупь добраться до ее кровати.

Они и раньше иногда спали вместе, но теперь Мауру переполняло искристое как вино возбуждение. Панеттоне ещё перед ужином успела подняться в дорутуары и вылить на постели подруг по кувшину воды, и теперь довольно улыбалась в темноте, накрывая своего черноглазого лжеца одеялом. Ах, Такколо, какая беспокойная ночь тебя ожидает.

Они поболтали о Филомене, то есть, болтала в основном Маура, Карло отвечал односложно и довольно хрипло, а потом и вовсе притворился, что заснул.

Ах так? Чему и научилась дона да Риальто за прошедший месяц, так это не откладывать на потом ничего важного. А, если завтра Аквадорату накроет волна цунами? Последним ее чувством будет разочарование в упущенных возможностях.

– Жарко, – пробормотала Маура и стала расстегивать рубиновые пуговицы.

– Что ты творишь? – «проснулся» Маламоко.

– Древние хиняне... – начала девушка и зажмурилась от яркого света, озарившего спальню, Карло зажег ночник.

Пуговицы закончились и алый шелк скользнул с плеч.

– Древние хиняне знали более сотни способов возлежания.

– Зачем ты разделась? - «синьорина Маламоко» отодвинулся на край постели.

– Жарко, - пожалала Панеттоне обнаженными плечиками. - На что ты смотришь?

Черные глаза Карло жадно обшарили ее грудь, остановились на золотом колечке с синим камнем, висящим на цепочке на шее.

– Маура?

Она прыгнула на него как кошка, сомкнула руки на шее, потянула вниз, осыпая поцелуями подбородок:

– Просто заткнись, стронцо.

Карло ответил на поцелуй, они упали на постель, Маура лихорадочно дергала оборки ночной сорочки, ткань с треском порвалась, девушка уцепилась за нее, Карло повернулся, помогая. Его гладкая кожа горела под ее пальцами, острые ключицы, твердые мышцы плеч и спины, пушок на животе, длинные стройные ноги. Маура отстранилась, чтоб рассмотреть тело возлюбленного во всех подробностях. Хорошо, что ночник горит. Хинские гравюры подготовили ее к наличию мужского достоинства, но сильно приуменьшили его размеры.

– Мы, - прохрипел Карло, - не должны...

– Я же велела тебе заткнуться.

Синьорина да Риальто любила и умела командовать. И сейчас ее мало интересовало, что и кому они там должны. Он ей должен. Себя. Сейчас. Полностью.

А потом ей стало не до мыслей. Длинные руки Карло привлекли ее к себе, и губы коснулись ее, и касались, кажется, везде, и влажный жар затопил ее тело от кончиков пальцев на ногах до самой макушки.

Чезаре пропустил меня вперед. Я пересекла гардеробную и присела на резной с гобеленовой обивкой стул у камина. Супруг прикрыл дверь и скрылся за ширмой.

– Если хочешь пить, Артуро оставил где-то здесь бутылочку вина.

– Амароне?

С края ширмы свесился парчовый подол.

– Ненавижу эту приторно-горькую гадость, предпочитаю Бароло.

Бутыль в оплетке стояла на круглом столике, и я налила чуточку в пустой бокал, чтоб только ощутить вкус.

– Неплохо. Даже изысканно.

Я наполнила бокал до краев и пила небольшими глотками, смакуя свежую пряность напитка. Золоченый сапог пролетел через комнату, к нему присоединился второй.

– Плесни немного и мне. - Чезаре вышел из-за ширмы босиком, в узких черных штанах и белой сорочке, распахнутой на груди.

– Простите, ваша серенити, – я потрясла пустой бутылку в воздухе.

– Ничего не оставила? - он посмотрел на бокал.

Поворот головы, движение шеи, мышцы натягивают смуглую кожу, мой взгляд скользит вниз, по темной дорожке волос от груди к животу. Где-то неподалеку грохотнул залп фейерверка.

– Ничего! – длинным глотком я допила вино и перевернула бокал, демонстрируя его пустоту. - Кто успел, тот и съел.

Я показала супругу язык и торжествующе расхохоталась.

– Как же так, - сокрушался Чезаре, подбираясь ко мне мягкими кошачьими шагами. – Мои надежды на десерт полностью разрушены?

Сорвавшись с места, я отскочила за кресло:

– Утешьтесь тем, что мне пришлось по вкусу ваше Бароло.

Кресло отлетело в сторону, дож схватил меня за плечи:

– Так себе утешение, - сообщил он серьезно, – я требую свой десерт.

И Чезаре меня поцеловал, глубока, властно, влажно, и я ответила на поцелуй. Ладони мои прижались к его животу, не затем, чтоб оттолкнуть, а впитывая кожей новые ощущения.

– Тесоро, - простонал Чезаре, когда мои руки двинулись вниз по его телу, поглаживая и узнавая.

И в этот раз я не отстранилась, мысли о том, что он называет так всех своих девиц, меня не тревожили. Обмякнув, я позволила подхватить меня на руки, прикусила его смуглую кожу на шее, там, где под ней билась синяя кровяная жилка. Чезаре тяжело и хрипло дышал, опустил меня на диванчик у окна, встал на колени, осыпая поцелуями грудь и плечи в вырезе платья. Я запустила пальцы в его волосы и выгнулась, принимая ласку.

– Филомена, ты лучшее, что случилось в моей жизни, благословение, подарок. Я люблю...

– Чезаре! – Дверь гардеробной, распахнувшись, ударилась о стену. - Беда!

Я натянула на плечи сползшее платье. Как неприлично. Нас ждет матушка, а мы... Пойдите, беда?

Синьор Копальди был растрепан и с ног до головы покрыт копотью.

– Что еще, Артуро? – Пружинно поднявшись, дож подошел к секретарю.

– Пожар, синьора Муэрто... взрыв...

Чезаре выбежал за дверь, прокричал гвардейцам:

– Охранять дону догарессу.

Я пошла следом, не оставаясь же в гардеробной. Четверка стражников меня не останавливала, им велели охранять, вот они и семенили, подлаживаясь под женский шаг, окружив меня со всех сторон. Дверь спальни свекрови была сорвана с петель, внутри клубился дым потушенного уже пожара, пришлось посторониться, пропустив слуг с ведрами. Пробежал лекарь в белой мантии. До меня доносились отрывистые команды дожа. На меня напал ступор, я прислонилась спиной к стене коридора.

– Филомена.

Женская ручка прикоснулась к моему плечу, я повернула голову, синьорина Раффаэле расплакалась. Она уже успела переодеться ко сну, и тонкий шелк ночной сорочки места воображению не оставлял.

– Дона догаресса, извольте пройти со мной, с вами желают побеседовать.

Я мотнула головой, Голубка с нажимом проговорила:

– Приказ его серенити.

С усилием отлипнув от стены, я, пошатываясь, шла куда-то. Ковер, паркет, ступеньки, паркет, ковер, паркет, порог. Мы с босоногой Голубкой оказались в глухой квадратной комнатенке, меблировка которой состояла лишь из деревянного стола и двух стульев. Паола кивнула на ближайший:

– Присядьте, вам предстоит допрос.

– Что с матушкой? – спросила я безжизненным голосом и села.

– Дона Муэрто мертва. - Раффаэле вытерла глаза, оставляя на лице грязные разводы. – Моя добрая госпожа погибла в огне безумной саламандры!

Паола стояла, мой взгляд сфокусировался на ее пупке, видимом сквозь тонкую ткань.

– Безумной саламандры?

– Да, Филомена! И теперь ты ответишь за это. Ты за все ответишь.

Голубка шипела, угрожающе нависая надо мной, я съежилась на стуле, пытаюсь не слушать.

– Синьора Раффаэле, - спокойный мужской голос заставил Паолу вздрогнуть.

– Синьорина, – поправила она вошедшего в комнату молодого человека и расплакалась.

– Синьорина Раффаэле, – послушно повторил он, – благодарю вас за услугу. Теперь, когда вы столь быстро сопроводили ко мне дону догарессу, вынужден просить вас уйти.

– Но мне есть, что вам рассказать, господин прокурор.

– Изложите это письменно, – прокурор выглянул в коридор. - Проводите синьорину в ее покои и выдайте ей писчие принадлежности.

К кому он обращался, мне видно не было, Паола вышла, шлепая по паркету босыми пятками.

– Дона догаресса, меня зовут Витале Лакорте.– Молодой человек обошел стол и сел, упершись локтями о столешницу и сложив ладони шалашиком. - Я прокурор совета Десяти, и хочу задать вам несколько вопросов.

Ему было около тридцати, или больше, или, напротив, меньше. Внешность синьора Лакорте была столь заурядна и лишена особых примет, что уцепиться хоть за что-нибудь взглядом не представлялось возможным. Небольшие светлые глаза, серые, или голубые, нечеткий рисунок бледных губ, круглое мягкое лицо, нос уточкой, льняные волосы коротко острижены, прикрывают уши и касаются кончиками воротника черного камзола.

– Вы можете говорить?

Я молча кивнула.

– Будете плакать?

Я покачала головой.

– Хотите пить?

Я пожала плечами.

Он поднялся, вышел из кабинета, вернулся с медной кружкой, полной воды. Мои зубы отбили дробь о ее край.

– Благодарю.

Кружку прокурор мне не оставил, передал ее кому-то за дверью, вернулся за стол и принял допросную позу, с локтевым упором и

ладонями шалашиком.

– Итак?

– Синьора Муэрто действительно погибла?

– Разве вы этого не желали?

– Никогда.

– А, если бы желали, как бы действовали?

– Не с помощью саламандр, – фыркнула я. – Мне бы хватило ума избегать всего, что связало бы убийство с фамилией Саламандер-Арденте. От яда я, положим, тоже отказалась. Хотя, ядом можно было бы пропитать страницы книги о путешествиях, которую матушка любит читать. Любила...

Я почувствовала, как по щекам текут слезы, стряхнула их, мотнув головой, шмыгнула носом:

– Продолжать?

Прокурор после паузы спросил:

– Кто рассказал вам о таком способе отравления?

– Никто. Я только что его изобрела. Разве он не логичен? Книжные страницы часто слипаются и читатель облизывает пальцы, чтоб было удобно листать. Так яд проникнет через рот. Иногда острый край страницы режет пальцы, в таком случае яд попадет сразу в кровь, и, наверное, будет действовать несколько быстрее.

Синьор Лакорте опустил руку под стол. Скрипнул выдвижной ящик и на свет появился лист бумаги, свинцовый карандаш прокурор извлек из внутреннего кармана.

– Какой именно яд вы бы использовали? – Он быстро писал и задал вопрос, не прерываясь. – Название?

– Не уверена, этот вопрос я не изучала. Наверное, тот, который обладает растянутым по времени действием.

– Почему?

– Чтоб в момент смерти жертвы отсутствовать, чтоб отвести подозрения.

– Великолепно, – пробормотал прокурор себе под нос.

– Обращайтесь, – разрешила я. – Злодейские планы – мое кредо.

Он сложил исписанный лист и спрятал его в карман, достал из ящика другой.

– Если бы вы все-таки воспользовались саламандрами, дона догаресса...

– Никогда! Я Саламандер-Арденте, моя семья занимается разведением этих чудесных ящериц уже несколько поколений. Огненные саламандры – наш хлеб, наш символ, наше благосостояние. Использовать одну из них для убийства – непростительный грех.

– Ваши питомцы часто впадают в безумие?

– Это самые покладистые и дружелюбные создания во всех обитаемых мирах.

– И все же.

– Иногда. Самцы. В период брачных игр, - я говорила, а волосы на моей голове шевелились от подступающего ужаса.

Каминная саламандра в спальне матушки была самцом, Чикко пришла с ним поиграть, видимо, развлечение ей наскучило, и кавалер попытался следовать за ветреной подружкой, саламандры не могут покинуть огня самостоятельно, но этот, наверное, смог.

– Отчего они могут взорваться?

А ведь был взрыв. Я его слышала, но приняла за фейерверк. Предположим, кто-то накачал ящерицу взрывчатым веществом...

Прокурор повторил вопрос.

– Помолчите, - прикрикнула я. – Вы мешаєте думать.

Так-так... Ну хорошо, чисто теоретически, я надеваю перчатки, достаю из камина саламандру, опускаю ее в футляр, та засыпает.левой рукой я разжимаю ей челюсти, правой – сыплю в глотку... ну, например, порох. Ба-бах! Осколки футляра летят мне в лицо. Порох воспламенился от внутреннего жара саламандры.

– Это невозможно, – сообщила я прокурору. – Если был взрыв в камине, взрывчатку подложили непосредственно в него.

– Каким образом? Злоумышленник тогда подорвался бы одним из первых.

– Она могла находиться внутри полена, - предположила я. – В выдолбленном углублении. Дерево прогорело не моментально, вещество вступило в контакт с огнем, взрыв, но преступник слышит его уже с безопасного расстояния.

Карандаш быстро скрипел по бумаге, синьор Лакорте бормотал «чудесно» и «великолепно», слегка раздвоенный кончик его носа подергивался.

Болван. Устроил мне допрос, когда Чезаре нужна поддержка и помощь. Дождь раздавлен, он потерял мать. Моя скорбь, в сравнении с

его, ничтожна. Мы выясним личность преступника, осудим его и покараем.

Малышка Чикко, выжила ли при взрыве она? Спросить? Нет. Пока допрос касался лишь каминных саламандр, о том, что маджента во время взрыва была с синьорой Маддаленой, совету Десяти, кажется, неизвестно.

Прокурор продолжал спрашивать. Теперь его интересовал наш с супругом визит к тишайшей свекрови.

– То есть, дона Филомена, когда вы покидали спальню, синьора Муэрто находилась в кровати?

Я отвечала, что да, в постели, но собиралась встать, чтоб переодеться к предстоящей прогулке в компании его серенити и моей. Что мы с тишайшим Муэрто отправились в его гардеробную, и что весть об ужасном событии принес нам секретарь дожа синьор Копальди.

Лакорте серьезно кивал, но пометок не делал. По моим внутренним ощущениям, я находилась в кабинете уже более двух часов. У меня болела спина и затекли конечности, а голос стал хриплым и ломким. Мне ещё несколько раз приносили попить, но дела это не поправило. Я кашляла и сипела.

Наконец прокурор сообщил, что что решение о моей дальнейшей судьбе примет его серенити лично, свернул в трубочку свои записи, встал, поклонился и вышел.

Что? Решение о судьбе? Я не ослышалась?

Дверь оказалась заперта, мебель – приколочена к полу гвоздями, окон попросту не было. Можно было извлечь ящик письменного стола и колотить им до посинения, но я рухнула на свой стул и расплакалась.

Поздно, дурочка, рыдать нужно было при синьоре Лакорте, требовать встречи с супругом, изображать обморок и нервный припадок. А ты отчего-то решила продемонстрировать стойкость. Вот и сиди теперь, жди неизвестно чего.

Наверное, я, обессилив, задремала, или, скорее, впала в тяжелую сонную одурь. Когда повернулся ключ в замке, я испуганно вскочила.

– Дона Филомена, - церемонно проговорил появившийся на пороге синьор Копальди, - вас ждет его серенити.

Гвардейцы посторонились, пропуская нас вперед.

– Артуро, – спросила я, - что происходит? Как чувствует себя его серенити? Вы нашли преступника?

Он посмотрел через плечо на стражников и прошептал:

– Мне очень жаль, Филомена. Чезаре попытается свести ваши потери к минимуму, но вам придется покинуть дворец.

– Что?! Почему?

Синьор Копальди поморщился от моего возгласа:

– Его серенити считает, что в гибели синьоры Муэрто повинна ваша маджента.

– Какая чушь!

– Прекратите кричать, - Артуро с силой сжал мой локоть, – вы лишь усугубите свое положение. Чезаре понимает, что не вы науськали саламандру против его матушки, но факт остается фактом, ящерица принадлежала вам. Не возражайте. Вы сами рассказывали, что все качества Чикко никому неизвестны, и что она каждый раз удивляет вас новыми талантами. Его серенити не обвиняет вас в убийстве, лишь в преступной неосторожности.

– Я потребую у дожа возможности оправдаться в суде.

– Не вздумайте! Нам стоило колоссальных усилий вывести вас из-под разбирательства. О мадженте знают лишь трое – вы, я и Чезаре. Мы с его серенити будем молчать, вам советую сделать то же самое.

– Но Чикко не могла...

– Мы об этом не знаем.

Возражения мои иссякли. Действительно, никто не знает, на что была способна моя волшебная саламандра, я сама, несколько не задумываясь, использовала ее. Кто мне теперь поможет? Ученые мужи, призванные с материка для консультации? А вдруг во взрыве повинна именно Чикко? Я столь горячо отрицаю эту возможность, но мне нечем подкрепить свою позицию. Да и уверена ли я в ней? А Чезаре? Боже мой, бедный Чезаре! Как больно ему сейчас будет видеть меня, виновную, пусть косвенно, в смерти его матушки.

Дождь ждал нас в Большой зале заседаний, сидя на резном стуле, несколько не отличающемся от прочих таких же стульев, которые сейчас были пусты. Группка младших секретарей толпилась у стены, и несколько патрициев занимали кресла на полукруглой галерее. На балконе я заметила одинокую фигурку синьорины Раффаэле.

Следуя кивку синьора Копальди, я пересекла залу и остановилась перед его серенити. Глаза цвета спокойного моря смотрели на меня безо всякого выражения. Безжизненный голос, каждое слово летело в меня, подобно камню.

– Дона Филомена Муэрто изгоняется из дворца. Документы о разводе будут переданы ей...

Я оглохла, губы, которые я совсем недавно, а кажется, сто лет назад, целовала, шевелились, но до меня не доносилось ни звука.

Как же ему плохо, моему Чезаре. Как он измучен и бледен, как дрожат крылья носа и чудовищно набухли синие жилки на висках. Любимый, позволь мне взять твою боль, позволь быть рядом, обнять, прижать к себе.

– Филомена... – Артуро вел меня под руку. – Филомена, вам нехорошо?

Мы были уже не в зале, я с удивлением обнаружила под ногами мрамор ступеней. Над Аквадоратой вставало солнце нового дня.

Нехорошо? Да я только что умерла.

– Куда вы меня ведете? – пролепетала я жалко и сморгнула слезы.

– К причалу, вас отвезут в «Нобиле-колледже-рагацце», багаж уже погружен в гондолу, серениссима.

– Не называйте меня так!

– Дона догаресса.

– Только что я получила развод!

Синьор Копальди грустно улыбнулся:

– Вы получите документы не раньше осени, Чезаре продолжает защищать вас.

Мне стало так стыдно, что нашлись силы попрощаться с достоинством.

– Всего доброго, Артуро, - присела я в церемонном реверансе. - Прошу лишь об одном, храните его безмятежность, оставайтесь ему другом до самого конца.

Гондольер был в маске Гражданина, а судно его – обшарпанной городской посудинной. Я села на свой сундук и смотрела на удаляющиеся резные колонны и башенки, пока они не скрылись за изгибом канала.

– Синьор Вольто, - спросила я, – вам оплатили маршрут до «Нобиле-колледже-рагацце»?

Гондольер молча кивнул.

– Сколько мне придется доплатить, если вы доставите меня в Дорсодуро?

Мне хрипло ответили, что доплаты не потребуется, так как расстояние примерно равно заказанному

– Драгоценная донна желает посетить монастырь Санта Марии?

– Моя цель расположена неподалеку, добрый гражданин. Вы ведь поможете мне поднять багаж?

За четверть базанта он согласился. Когда сундук очутился уже на причальном порошке, я заплатила гондольеру целый базант из, непонятно каким образом очутившегося на поясе, кошель. Кажется, за деньги я должна благодарить Артуру.

Ключ лежал под треснутым цветочным горшком справа от двери, отворив ее, я затащила в дом сундук. Пахло пылью и плесенью. Здесь давно никто не останавливался. Наверное, с последнего школьного бала, когда Филиппо и Франциско посещали Аквадорату. Городской дом достался бабушке по наследству от какого-то дальнего родственника, тоже Саламандер-Арденте, именно поэтому на кирпичном фронте кое-где сохранились фигурки выложенных из мозаики ящерок.

Достав из сундука первые попавшиеся тряпки, я поднялась в спальню, бросила их на голую кровать, рухнула следом и заснула.

Вечность. Сон длился именно столько.

– Идиотка, – говорил кто-то визгливо, – она собралась умереть здесь в грязи? О боже, она воняет! Даже вампирского носа экселленсе не нужно, чтоб...

– Милая, ты была права, – отвечал мужчина. - Дорсодуро, напротив монастыря Санта Марии, дом с саламандрами.

– На повезло, что мои пышные прелести приглянулись Филиппо, или Франциско, я их абсолютно не различаю, и юный синьор Саламандер-Арденте передал мне любовную записочку на балу.

– Мне стоит ревновать?

– Дурачок.

Целовались они ещё громче, чем беседовали. Я застонала.

– Она приходит в себя. Филомена!

Меня приподняли за плечи и энергично встряхнули, я открыла глаза:

– Маура?

Панеттоне улыбалась, по щекам ее текли слезы.

– Карло, помоги ее поднять, – велела командирша худощавому черноволосому синьору, в котором с трудом, но угадывалась моя дважды бывшая фрейлина Маламоко. – В ванную. Боже, Филомена, ты что, мочилась под себя?

Меня куда-то поволокли, носки туфель зацепились за порог, Карло чертыхнулся:

– Брысь, Панеттоне. - Он подхватил меня на руки. - Разожги огонь, в гостиной я видел футляр с каминной саламандрой.

Маура, к удивлению, подчинилась. Издали до меня донесся ее голосок:

– Не вздумай раздевать Филомену, рожа твоя сластолюбивая.

Меня опустили на холодный мрамор, осторожно придерживав затылок. Я потеряла сознание.

– Филомена, – звала Маура, – наша маленькая отважная Львица.

– Холодно... – прошептала я.

– У тебя лихорадка. Лекарь сказал, что худшее уже позади.

Я повернула голову, почувствовав щекой подушку. Спальню заливал полуденный свет, новые кисейные занавески трепетали у открытого окна. Синьорина да Риальто в домашнем сером платье сидела боком на кровати и держала меня за руку.

– Сколько прошло времени? – вопрос получился тихим.

– С какого момента? – переспросила Маура. - Мы с Карло обнаружили тебя здесь двенадцать дней назад, а до этого почти неделю искали по всей Аквадорате. И, учти, спохватились мы не сразу.

– Чезаре...

Она потупилась:

– Лекарь велел ничем тебя не тревожить. Поэтому, Филомена, отложим разговоры на потом.

Маура отпустила мою руку, куда-то пошла, продолжая говорить, звякнуло стекло о стекло.

– Мы заняли вторую спальню, пришлось там все поменять, старые матрасы прогнили. – Маура вернулась с подносом, поставила его на прикроватный столик, помогла мне сесть, подложив под спину

стопку подушек и подушечек. - Ешь, набирайся сил, они тебе понадобятся.

Руки дрожали так сильно, что мне не удавалось удержать ложку. Панеттоне ее отобрала и стала кормить меня горячим бульоном с видом любящей матери:

– Из школы мы, разумеется, сбежали. Ешь, не отвлекайся. Ну как сбежали, покинули «Нобиле-колледже-рагацце» с тайного благословения директрисы. Когда до нас дошли слухи, что тишайший Муэрто прогнал от себя супругу, сестра Аннунциата встревожилась настолько, что села в гондолу и отправилась требовать объяснений. В аудиенции ей было отказано. Тогда Карло, то есть, разумеется, синьорина Маламоко... Представляешь, какой скандал получился бы, узнай наша монашка правду о своей ученице? Еще ложечку. Вот умница. В общем, директриса благословила Карло на поиски и даже вручила ему ключ от черного хода. Как будто моему Карло нужны ключи, - Маура хихикнула. - О, Филомена, мне столько нужно рассказать. Твои хиняне, то есть хинцы... Ну, помнишь тот трактат о способах возлежания? Ах, нет, это отдельная тема. Так вот, Ньяга Маламоко отправился в город, и рыскал там ночи напролет. О тебе никто ничего не знал. Дона догаресса отплыла из дворца на городской гондоле, но в школу не явилась. Князь... Да, к тому времени мы привлекли к поискам экселленсе с его Ночными господами. Лукрецио прижал синьора Копальди, тот мог сообщить лишь то, что заплатил первому попавшемуся гондольеру. Экселленсе собирался уже выжать Артуро целиком в чашу фонтана, чтоб из его жидкости экстрактировать запах этого «первого попавшегося», но передумал.

Тарелка опустела, Маура помогла мне лечь.

– Историю о том, как сиятельный князь Мадичи нюхал сотни натруженных рук работников весла, я, пожалуй, упущу. – Девушка хохотнула. - И вот, когда надежда почти совсем умерла, вспоминаю я недолгий эпистолярный флирт с твоим рыжим братцем. Помнишь, он послал мне записку, а я не ответила? Хорошо, что я, как особа романтическая, храню свидетельства всех своих побед. Там был адрес. Кстати, напомним своим родичам, при случае, что подписываться – Ф.Саламандер-Арденте, это все равно, что не подписываться вовсе. Вас всех зовут на одну букву. Вот какое имя я теперь должна называть, когда стану старой кошелкой и вздумаю хвастаться перед внуками?

– Филиппо, - ответила я, – это абсолютно точно был он.

Маура, возбужденно размахивающая руками во время своего монолога, прижала к лицу ладони и заплакала:

– Ты скоро поправишься?

– Непременно, милая, - поискав каких-нибудь ободряющих слов, я попросила, - дай мне ещё чего-нибудь поесть.

– Нельзя, - отрезала командирша, вытирая щеки платком. - Твой желудок отвык от пищи, приучать его нужно постепенно. Сейчас – бульон, потом мы посетим уборную, и в награду ты получишь сухарик.

От слова «сухарик» мой рот наполнился слюной и я запросилась в места уединения, чтоб быстрее получить награду.

Мы шли очень медленно, я опиралась на плечо Панеттоне, и успела рассмотреть всю обстановку. В доме царили уют и чистота. Пахло паркетной натиркой, крахмальной свежестью белья и занавесок, древесной смолой от горящего камина, в котором резвилась огненная саламандра. А из кухни доносился аромат тушеных со специями овощей и запеченного мяса.

Правильно расценив мои потягивания носом, Маура сообщила, что мужчины, оказывается, не дураки пожрать, и пусть меня не вводит в заблуждение худощавость ее личного мужчины.

Уже по пути обратно в спальню я спросила:

– Как у вас все это произошло?

– В первый раз довольно бестолково, – покраснела подруга, - я была столь напориста, вооруженная советами из твоих трактатов, что вполне могла бы все испортить, не прояви Карло достаточно терпения.

– Сухарик, - напомнила я, устроившись на постели, – и продолжай со всеми подробностями.

Пресное хрустящее тесто показалось мне вкуснее всего, что я ела до сих пор. Я фыркала, слушая рассказ Панеттоне об алой прозрачной накидке, сквозь которую просвечивало все ее тело, о том, как она сначала пыталась соблазнить, а потом просто заставить Карло заняться с ней любовью.

– Учти, - предупредила она, - в первый раз это больно.

Я удивилась, у рыб и дельфинов такого, кажется, не было, но решила не уточнять. Любви с Чезаре у меня теперь не получится, поэтому и боль первого раза мне не предстояла.

Итак, моя маленькая синьорина да Риальто стала взрослой. И дело было отнюдь не в том, что ее плоть дарила радость мужчине, Мауру наполняла безграничная и мудрая, как сама жизнь, любовь. Я не завидовала ее счастью, ну, разве что, самую малость.

Сообщив об этом Панеттоне, я потребовала еще один сухарик за честность, и съела его, запивая теплым и сладким травяным настоем.

– Спи, – велела командирша, забирая чашку. – У меня полно хозяйственных забот, с минуты на минуту явятся приходящие служанки. Я наняла для уборки и прочих мелочей двух приличных женщин с соседней улицы.

– И кухарку?

– Готовлю я сама, – Маура гордо выпятила подбородок.

– Синьора Маламоко, – поддразнила я ее. – И что же, синьору Маламоко нравится твоя стряпня?

– Вот сама его об этом и спросишь, когда он вернется после занятий. И, если этот стронцо недостаточно быстро выразит восторг, получит поварешкой по голове.

Заснула я с улыбкой на губах. Мне снилась аквамариновая вода лагуны Изолла-ди-кристалло, заключенная в кольцо кварцевых скал, я парила в ней, широко раскинув руки и любовалась причудливыми изгибами донных растений, разноцветными камешками и стайками пестрых рыбешек, снующих в глубине.

Когда я открыла в глаза, в окно заглядывала ноздреватая полная луна.

– Ты принес конспекты? – говорила на кухне Панеттоне. – Нам с Филоменой придется немало нагонять.

Карло жевал и отвечал невнятно.

– Директриса? – переспросила Маура удивленно. – Славно. Ее конспекты, в любом случае, гораздо подробнее и четче твоих.

– Но с тобою ей все равно не сравниться, моя рассудительная, моя деловитая, умненькая, моя...

Голоса затихли, кажется в кухне целовались. Немного подождав, я кашлянула:

– А меня кормить вы не собираетесь?

Карло вбежал в спальню первым, заключил меня в объятия и звонко чмокнул в щеку. Он был в женском платье, и от того, что в

движениях сейчас он не пытался походить на юную синьорину, выглядел нелепо.

Я его тоже поцеловала.

– Надеюсь, – произнесла Маура с притворным возмущением, – все здесь присутствующие понимают, что от того, чтоб вцепиться в некие рыжие волосы, меня удерживает лишь моя почти святость?

Расхохотавшись, я предложила ей начать с волос черных.

– Рагацце, – сказал Карло, – как же я по вам скучал.

– Или переоденься, или называй себя в женском роде, – ворчала Маура, поправляя мои подушки. – А то я чувствую себя любительницей мужеподобных дам, или женоподобных синьоров. А это неприятное чувство.

Карло послал ей с порога воздушный поцелуй и ушел.

– Какие еще конспекты? – спросила я подругу. – Разве со школой не покончено?

– Удивительно слышать эти слова из уст Аквадоратской Львицы, Филомена. Опомнись. Бросить псу под хвост три года жизни?

– За последний месяц со мной произошло больше, чем за все время учебы.

– И что? Теперь ты испытала пресыщение и собираешься погрузиться в вековой сон, подобно древнему вампиру?

Именно в этот момент до нашего слуха донесся струнный перебор, и приятный мужской голос напевно сообщил о любви и страсти.

– Кстати, о вампирах, – Маура закатила глаза. – Экселленсе в своем репертуаре.

– Лукрецио? – Поддерживаемая подругой, я поднялась с кровати и подошла к окну.

Одинокая гондола поблескивала лаковыми боками в лунном свете. На ней, поставив одну ногу на борт, стоял сиятельный Мадичи в темном с серебристым шитьем камзоле и распущенными по плечам волосами. В руках он держал инструмент.

– Моя серениссима, – пропел он, – вы прекрасны.

– Какое чудовищное преувеличение, чудовищный князь. – В зеркало я посмотреть успела, и комплимент меня не радовал. – Отчего вы не вошли в дом?

– Я вампир, моя безмятежность.

– Это всем известно.

– И не могу переступить ваш порог без приглашения.

– Так получите его, - улыбнулась я. – Добро пожаловать, Лукрецио.

Маура, уже вообразившая себя хозяйкой дома с саламандрами, пробормотала что-то о моем легкомыслии, но пошла открывать дверь.

Инструмента в руках экселленсе не было, зато был огромный букет оранжево-черных лилий. Мне он его не отдал, видимо, решив, что я слишком слаба, сунул Мауре, широко шагнул и опустился передо мною на одно колено.

– Серениссима...

Поцелуй в руку, в запястье, с сгиб локтя. Сухие гладкие губы. Представив, как мы смотримся со стороны – иссиня бледная пошатывающаяся девица в льняной сорочке до пола и расфранченный аристократ у ее ног, я чуть не расхохоталась.

– Ах, экселленсе, вы меня смущаете.

– Карло, - позвала громко Маура, – милый, принеси из гостиной ту уродливую вазу, его сиятельство подарил нам букет.

Маламоко, успевший переодеться, предложил женошке выбрать из ваз самую уродливую самостоятельно, дружески кивнул вампиру:

– Вы получили мое послание?

– Да, Карло, благодарю. Известие о том, что дона Филомена пришла в себя... – он перевел взгляд на меня и ахнул. - Вам плохо, серениссима? Присядьте.

Маура ворвалась в комнату подобно карающему вихрю. Присесть? Князь вообще в своем уме? Девушка две недели находилась между жизнью и смертью, а ее вынуждают...

Лукрецио подхватил меня на руки и уложил в постель:

– Тогда, моя драгоценная, я откланяюсь. И вернусь, когда...

– Оставайтесь, - удержала я его холодную ладонь. - Лукрецио, побудьте со мной ещё немного.

Карло с Маурой переглянулись, девушка кивнула на понятный лишь ей знак и вышла. Маламоко присел у стола. Они не собирались оставлять меня с князем наедине. Ах, меня же нельзя волновать. Мне хотелось поговорить о Чезаре, но, кажется, эта тема пока была под запретом. Вспомнив, как собиралась с дожем в палаццо Мадичи, я спросила:

– Что рассказал вам плененный Ньяга?

Экселленсе покачал головой:

– Ничего, сверх того, о чем уже знает серениссима. В то самое время, когда мы с вами беседовали у ограды палаццо, этот юноша под покровом дня бежал.

Под покровом дня? Нет такого выражения, но это у людей, мы-то совершаем побеги под покровом ночи.

– Какая досада. Вы его искали?

– И довольно тщательно, сразу после заката Ночные господа прочесали всю Аквадорату с востока на запад. Видимо, светлого времени мерзавцу хватило, чтоб отплыть из города.

Мне захотелось сказать князю что-нибудь утешительное и я поблагодарила его за помощь моим друзьям. Зря. Это только ухудшило ситуацию. Вампир, обычно безэмоциональный, явно смутился. Его помощь оказалась бесполезной.

– Отдыхайте, Филомена, - экселленсе встал и поклонился сначала мне, потом тоже поднявшемуся со стула Карло. - Надеюсь, через несколько ночей вы подарите мне прогулку под звездами.

Прогулку я пообещала. Обещать было нетрудно.

Маламоко вернулся, после того как проводил князя, и застал меня в слезах.

– Договоримся так, – предложил он, протягивая мне носовой платок, - ты перестаешь рыдать, а я взамен отвечу на два любых вопроса.

– Чезаре в порядке? Он здоров? Это считается за один вопрос!

– Девчонка, - Карло присел на постель и погладил мои волосы, – отважная глупая девчонка. Твой драгоценный муж огульно обвинил тебя в чудовищном преступлении, оставил практически умирать в одиночестве, но тебя заботит его самочувствие?

– Да.

– И правильно, потому что не обвинил и не оставил.

– Правда?

– Поверь, не такой он человек. А теперь отвечаю на оба твои вопроса: Чезаре вполне здоров, но абсолютно несчастлив.

Большого я не добила. В утешении Маура покормила меня волшебной вкусной несоленой кашей без капельки масла, или молока, и

жестоко отобрала миску, которую я собиралась вылизывать.

– Договоримся так, – сказала она с узнаваемыми маламоковскими интонациями, – ты все узнаешь, когда сможешь без посторонней помощи пройти до швартового кольца за порогом дома.

У меня появилась цель, пусть небольшая, но зато достижимая, и с нею я глубоко и спокойно уснула.

Синьорине Маламоко ее новая жизнь чрезвычайно нравилась. Кажется, именно в этом состояло ее призвание – быть любящей супругой, хозяйкой небольшого, но уютного дома. Сейчас, обессилено откинувшись на подушки, она любовалась Карло, который одевался в тусклом свете ночника.

– Ты большой молодец, милая, – сказал юноша, стягивая свои длинные волосы на затылке, – наша больная явно пошла на поправку.

– Я боялась, что мы ее потеряем. Это так ужасно, Карлитто, Филомена забила в нору как смертельно раненое животное, опоздай мы хотя бы на день...

– Не плачь, любовь моя, – он присел на краешек постели и нежно обнял девушку за плечи. – Мы нашли нашу догарессу, и теперь все будет хорошо.

– Ох, – вздохнула Маура, – мне бы твою уверенность. Мне тревожно и... Знаешь, я всячески гоню от себя мысль о бесполезности наших трепыханий, но она постоянно настигает меня. Зачем, Карло? Зачем ты продолжаешь надевать женское платье и посещать занятия, зачем уходишь по ночам в город? Нам так мало времени осталось быть вместе.

– Мы обещали директорисе выдержать экзамены и способствовать триумфу «Нобиле-колледже-рагацце». – Маламоко поцеловал Панеттоне в щеку и поднялся, застегивая черный мужской камзол.

– Нелепый фарс.

– И мы отыграем его с блеском.

– А потом? Ты уплывешь в свою Негропону, чтоб... Что ты должен там сделать?

– Принять участие в отборе невест для тамошнего губернатора, – он закрепил на поясе шпагу в ножнах, набросил на плечи плащ. – Выигрывать его я, разумеется, не намерен, но в архивах взыскательного жениха пороюсь.

– Для этого тебе нужен диплом?

– Именно, претендентка на руку и сердце провинциального патриция обязана предоставить секретарям бумаги, подтверждающие ее образование.

– А я?

– Ты, женушка, будешь меня ждать.

– Где?

– На острове Саламандер. После выпускного вы с Филоменой туда отправитесь.

– Но отец...

– Я побеседовал с ним, и командору пришла по душе эта идея. Он воображает, что таким образом запустит лису в курятник, в изоляции его Панеттоне непременно очарует одного из холостых синьоров Саламандер-Арденте. Да, милая, мне опять нужно немного времени. Если... Когда я вернусь из Догата Негропонта с победой, задание Совета десяти будет выполнено, и аквадоратским паукам придется изыскивать новый способ заинтересовать меня в продолжении сотрудничества.

– Ты настолько им нужен?

– Я лучший, – ответил юноша с достоинством. – И потребую у Совета в уплату руку синьорины да Риальто.

Маура зарделась и прижала ладошки к горящим щекам:

– Но мой батюшка не позволит нам пожениться.

– Посмотрим, любого человека можно убедить, или заставить. Для начала, неплохо бы выяснить, для чего командору нужен необитаемый атолл неподалеку от Трапанского архипелага.

– О да. И помирить Филомену с Чезаре.

– С этим спешить не стоит. Если дож прогнал ее от себя, у него на то были веские причины.

– Например, какие?

– Например, забота о безопасности своей догарессы.

– Что тебе рассказал князь? Я знаю, экселленсе допускают к его серенити.

Карло фыркнул:

– Под пристальными взглядами сотен придворных. Они общаются на древнем языке намеков и недомолвок. Однако, милая, не

специально ли ты задерживаешь меня беседой? - Его озорная улыбка
скрылась под маской Чумного Доктора

– Ступай, - разрешила Маура, - я буду спать.

– У нас будет еще часок перед рассветом.

– Не забудь меня разбудить.

Светильник погас, Карло Маламоко растворился в ночи.

ГЛАВА 7. Корона и кристалл во имя безмятежности

Сиятельный князь Мадичи вошел в залу дворца дождей лишь после того, как распорядитель торжественно перечислил все его титулования и стукнул о паркет золоченым жезлом. Ежедневные приемы возобновились, о трауре напоминало лишь отсутствие на них шумных циркачей, да темные цвета нарядов приглашенных гостей.

Его серенити широко улыбнулся:

– Экселленсе, какая приятная встреча!

Улыбка тишайшего не коснулась его глаз, они вполне равнодушно наблюдали приближение вампира. Лукрецио церемонно поклонился, дож ответил кивком:

– Вас привели сюда поиски развлечений, или неотложное дело?

Следуя едва заметному жесту его серенити, какой-то синьор освободил князю кресло. Тот сел:

– Пожалуй, первое, ваша безмятежность. Ночные господа нынче патрулируют Аквадорату без происшествий, и их начальник может себе позволить небольшое удовольствие.

За спинкой кресла дожа вампир заметил графа Тучио, изображающего восторг от живых картин, исполняемых в центре залы премилыми синьоринами в белых платьях. Представление было чинным и проходило под заунывную виольную мелодию, исполняемую одной из девушек.

– Bravo, синьорина Раффаэле, - тишайший бесшумно поаплодировал, – ваши таланты безмерны.

Паола поклонилась, держа инструмент на отлете, до Лукрецио донесся резкий запах ее пота. Экая вонючка.

– Изгнав супругу, тишайший Муэрто, вы оставили себе ее фрейлину?

Девушки готовились представить следующую картину, для чего задернули бархатный занавес, разделяющий залу на две неравные части.

– А что делать, экселленсе? - Чезаре подмигнул. - Жены нет, а должность фрейлины осталась, вместе с каким-то там жалованием,

разумеется. Как истинный аквадоратец я не могу тратить деньги попусту. Если вдруг вы случайно повстречаете дону да Риальто, не примените ей напомнить, что и ее должность осталась за ней.

– Доне Маламоко ничего не передать?

– Ей? - Дождь отхлебнул вина, прислушался к ощущениям. - Чтоб катилась к черту.

Виночерпий почтительно приблизился, чтоб опять наполнить бокал. Когда юноша отошел, экселленсе вслух удивился отсутствию подле его серенити господина Копальди.

– Артуро с матушкой, - любезно ответил тишайший. – С моей дорогой покойной матушкой, он сопровождает ее саркофаг на остров Пикколо к месту захоронения.

– Кажется, там находится некий монастырь? – после выражения соболезнования, продолжил беседу князь.

– И фамильная усыпальница Муэрто.

Виола сызнова проснулась, занавес разъехался, за ним в причудливых позах застыли синьорины, они изображали пастораль, рыжеволосая красотка стояла на носочке одной ноги, подняв над головой украшенный лентами посох, прочие будто бы танцевали, замерев во время исполнения па. Ритмичная негромкая мелодия напомнила Лукрецио биение человеческого сердца. Бедняжки, прочим гостям не было заметно, скольких усилий стоит этим юным созданиям сохранять неподвижность. Вампир же слышал натужное дыхание, видел дрожь напряженных мышц и обонял телесные испарения. Забавно, но они не были неприятны чуткому носу экселленсе.

Паола резко ударила смычком по струнам, девушки ожили, рыжеволосая высоко подпрыгнула, прочие исполнили вокруг нее хоровод.

– Bravo, - сказал Муэрто и показал виночерпию пустой бокал. – Брависсимо.

Гости похлопали. Дона Раффаэле раскланялась:

– После антракта, дамы и господа, мы покажем вам театр теней.

Бархатные половинки занавеса скрыли от зрителей приготовления. Лукрецио поправил цветок в петлице.

– Забавно, – посмотрел на него дождь. – Тигровая лилия? Вы подарили даме своего сердца букет, оставив один бутон себе? Это так мило и так старомодно.

– Моя дама не пеняет меня возрастом. – Вампир стряхнул с черного шелка камзола пыльцу. – К тому же рыжий так подходит к ее волосам.

– Кстати, о рыжих, - оживился Чезаре. – Заметили синьорину с пастушьим посохом? Это Ангела, наша горничная. Та еще штучка.

– Моя лилия гораздо красивее вашей пастушки. Вы сказали, тигровая? Скорее, львиная.

Дождь отвернулся, Лукрецио отметил это движение и растянул губы в улыбке:

– Поговаривают, его серенити любит посещать заседания тайных обществ.

– Какая нелепая ложь. Может вам еще наплели, что тишайший Муэрто сам их организовывает? И вы поверили?

– Ни на мгновение. И сообщил об этом со всей решительностью, когда некий синьор предположил, что Королевский совет, так называется одно из них, инициирован самим дождем.

– Королевский?

– Его ещё называют Совет святого Теодориха, в честь первого и единственного аквадоратского короля.

– Есть такой святой? - равнодушно переспросил Чезаре.

– Будёт, - заверил экселленсе, – почему бы и нет? Великомученик, принявший страшную смерть от рук жадных и беспринципных торгашей.

– О, так в нашем тишайшем отечестве ширятся монархические настроения?

– Людям нравятся короли, – пожал экселленсе плечами. – В сущности, какая разница, что на голове человека, сидящего на троне – корона или шапка, главное, чтоб она была золотой.

– Как любопытно, – светлые глаза рассматривали что-то на дне бокала. - Сколь многочисленен новый совет?

– Более сотни членов.

– Вы столь осведомлены.

– Грешен, – вампир улыбнулся, – дражайший кузен Дуриарти, батюшка губернаторши островов Треугольника синьоры да Риальто, пристрастил меня к этим вашим тайным человеческим обрядам. Это ведь так забавно, плыть в полной темноте по каналу к

Дорсодуро, торжественно приближаться к привратной будке монастыря и отвечать на вопросы брата Первого сенешаля.

– Непросто, наверное, подобрать для целой сотни монархические прозвища, – предположил тишайший без интереса. – То-то подвальные своды Санта Марии удивляются, отражая всех коннетаблей, маршалов, камергеров и магистров.

– Гранд дам и фрейлин, – кивнул князь. – Как вы понимаете, никто не желает называться черпальщиком королевских нужников. Это так типично, так по-человечески, хотеть величия немедленно и даром. Людской род, не примите это за оскорбление, ваша серенити, ленив и предсказуем.

– Неужели?

– Ах, вы всегда кроите все по одним и тем же лекалам, все ваши тайные советы сшиты на один манер. А эта нелепая страсть к елиледжу? Зачем поминать его при каждом удобном случае? Хоть кто-нибудь в Аквадорате видел елиледж?

– Я нет, – заверил Муэрто. – Это что?

– Бальзамическое растение.

Лукрецио повернулся к расходящемуся в стороны занавесу, за которым оказался натянутый белый экран. Синьорина Раффаэле вполголоса отдала распоряжения лакеям, и те стали тушить лампы по периметру залы. Уши вампира шевельнулись, поймав обрывок разговора.

– Дохлый урод, он фактически пригласил к нам мальчишку...

– Не важно, Муэрто и без того узнал бы обо всем, слишком много людей посвящено в тайну. Все равно этот интриган не сможет нам помешать...

Когда на белом экране появились первые тени, экселленсе покинул залу, предвкушая, как под его клыками брызнет кровь графа Тучио. Прощать патрицию «дохлого уroda» Лукрецио не собирался.

Меня разбудила Маура, раздражающе деловитая и сияющая.

– Прекрасное доброе утро, дона догаресса. Вставай, соня, время не ждет!

Поход в ванную прошел гораздо легче. Я умылась, Панеттоне помогла расчесать волосы, а, когда мы вернулись в спальню, достала из гардероба простое зеленое платье и пару башмачков. На вялые

протесты пообещала, что, если я оденусь, она покормит меня настоящим человеческим завтраком.

Разумеется, я моментально сбросила ночную сорочку. О, как это было чудесно. Ломоть свежей чабаты, лепесток пикантной прошутто поверх, сыр, фрукты. Я жевала, постанывая от удовольствия.

– Карло ушел?

– Синьорина Маламоко не пропускает уроков, - хмыкнула Панеттоне. - И нам с тобой тоже пора за учебу.

Засучив рукава, дона да Риальто принялась мыть посуду. Это было так непривычно, я любовалась ямочками у локтей подруги и изяществу ее движений.

– Возьми полотенце, – велела командирша, - вытирай, ненавижу разводы от воды на тарелках.

Сухую и чистую посуду она спрятала в шкаф, смахнула видимые только ей крошки со стола:

– Заниматься будем в кабинете. Если устанешь сидеть, скажи.

Она устроила меня в кресле с высокой спинкой, придвинула стол так, чтоб мне было удобно. Приоткрытое окно выходило на канал, до нас доносился редкий плеск волн.

– Конспекты нам подарила сестра Аннунциата.

Об этом я уже слышала вчера, но изобразила удивленное воодушевление.

– А эти? - кивнула я на лежащую отдельно стопку.

– Это мои, - ответила гордо Панеттоне. - И по ним тебя на экзамене не спросят.

Экстрактированные любовные фолианты? Меня они теперь не интересовали, но не хотелось обижать Мауру.

– Можно посмотреть?

– Позже. Почитаешь во время сиесты.

И мы зацались уроками. Кракен меня раздери! Они там в школе пытаются напоследок нашпиговать нас знаниями как утку яблоками? Астрономия. Математика! Это что? Не четверти с половинами, а сотые. Проценты. Так-так... любопытно... Если понять принцип, дальше все просто. Однако...

Время от времени Маура убегала на кухню. У нее там что-то томилось, или запекалось. Ароматы скоро наполнили весь дом.

Литературу мы решили отложить на вторую половину дня. Перед обедом мы гуляли: я ходила туда-сюда по лестнице, стараясь не держаться за перила, а Панеттоне стояла внизу и следила, чтоб я не упала.

Не упасть было трудно. По спине струился пот, колени дрожали, но я продолжала подъемы и спуски, тяжело дыша и закусив губу.

– Молодец! – Похвалила меня командирша. – Перед ужином примешь ванну, чтоб не разочаровать неуместными запахами трепетного поклонника. Он, конечно, хвастается, что его серениссима вовсе не пахнет, но не будем рисковать. И, кстати, попроси его больше не петь под окнами. Соседка утром спрашивала, что за сладкоголосый баритон волочится за моей сестренкой.

– Сестренкой?

– А как я, по-твоему, должна была представить нас? Ты – сестра моего мужа Карло, и все мы – добропорядочная семья Саламандер. Райончик не из зажиточных, двойная фамилия соседей удивит.

– На что мы живем?

– Я не придумала. Да и вряд ли тебя хоть кто-нибудь об этом спросит. Увидишь кого-нибудь снаружи, приветливо улыбнись, и довольно. В крайнем случае, я пожалею, что ты у нас дурочка. Точно. Улыбайся по-дурацки, и хихикай.

Я хихикнула:

– Шпионство передается поцелуями?

– После обеда считаешь, чем оно передается, - пообещала Маура.

И мы отправились есть. Кухарка из Панеттоне получилась отменная, даже без скидки на то, что я успела проголодаться. Она не использовала при готовке столь любимого в Аквадорате чеснока, добавляя более редкие и дорогие пряности: розмарин, базилик, душистый перец.

– Твой кавалер Мадичи, – говорила она, придвигая мне добавку, - считает, что запах любого человека складывается во многом из того, что оказывается в его желудке. Добавлять к свинине розмарин посоветовал мне именно князь. Сейчас я покупаю пряности в лавчонке на соседней улице, но, со временем, собираюсь выращивать кое-что сама.

– С каким временем, Маура? – Appetit пропал и я отложила вилку. - Мы собираемся жить здесь вдвоем до... до старости?

Девушка вздрогнула, будто только что проснувшись:

– Мечты, мечты... А, знаешь, я бы от такой жизни не отказалась.

– Врешь.

– Ни на йоту!

– Панеттоне, я, может, не самый проникательный человек во вселенной, но тебя за три года изучила. Ты – сильная, умная и властная женщина.

– И что?

– Сейчас новизна ситуации тебя забавляет. Ты восприняла ее вызовом и ринулась в бой, научилась хозяйничать сама, а не командовать слугами. Уверена, до недавнего времени ты не подозревала, с какой стороны подходить к плите. Bravo. Ты победила. Но через какое-то время, подозреваю, недолгое, всего этого тебе окажется мало.

Я резко встала, выбежала из кухни и, распахнув входную дверь, шагнула за порог.

– Филомена? - Вышедшая следом Панеттоне посмотрела на мою ладонь, лежащую поверх швартового кольца, и кивнула. - Ты победила. Bravo.

Она повторила мои слова, но сейчас они звучали безысходно.

Беседовали мы в спальне. Для начала я выяснила все о планах моих друзей.

– Ждать Карло на острове? Неплохо, если Чезаре не отозвал гвардейцев с Гаруди, мы будем в безопасности.

– Тебе это понравилось?

– Ну да, - я не понимала ее удивления. – Твой Маламоко добьется твоей руки, вы заведете детишек. Наверное, придется построить для вашего семейства отдельный дом.

– Филомена!

– Ну да, Карло придется часто отлучаться по его шпионским делам, а ты с крошками-маламоко будешь под моим присмотром.

Я замолчала, пережидая смех подруги.

– Милая моя рыжая Львица, – отдышавшись, сказала Маура. - Пришел мой черед повторять твои слова. Я сильная и властная женщина, уединенно коротать дни, ожидая, пока супруг вершит

судьбы мира – мелко. Мне это не подходит. Но, что самое забавное, это нисколько не подходит тебе. Ты – догаресса тишайшей Аквадораты, и, если власть Маламоко и Совета десяти – тайная и неявная, твоя – подтверждена титулом. Брось свои жалкие фантазии и приступай, наконец, к продумыванию самого злодейского из своих планов.

– Чезаре разводится со мной.

Плакать и рассказывать о своих злоключениях я начала одновременно. Слезы кончились раньше.

– И ты решила забиться в щель и потихоньку страдать? - Панеттоне подала мне уже не первый носовой платок. - Даже не попытавшись оправдаться?

– Что я могу? Муж меня ненавидит.

– И поэтому тщательно скрывает ото всех причину гибели синьоры Мадалены?

– Про это говорят? – Я высморкалась и решила больше не плакать.

– Как про несчастный случай. Карло опасался, что Совет бросится разыскивать тебя по всему городу, заподозрив побег, но все было тихо. И мы решили, что тишайший Муэрто вывел тебя из-под подозрений.

– Как он, Маура?

– Плохо, - ответила она в сердцах, - что бы там ни пицала эта путтана Раффаэле. Она, видишь ли, подлая лживая дрянь, осталась во дворце и ежедневно является в школу на новенькой алой с золотом гондоле.

По моему затылку пробежали ледяные мурашки.

– В каком качестве синьорина Паола находится подле его серенити?

– Тебе чью версию? Мою или этой путтана?

– Обе.

– Я подозреваю, что Чезаре все равно, что эта пигалица вытворять. Экселленсе виделся с ним на дворцовых приемах, тишайший Муэрто постоянно пьян и едва способен устоять под тяжестью парчового кафтана.

– Пьян?

– Мужчины глушат боль вином. Лживая Голубка пользуется этим на полную. Ах, Чезаре подарил мне прелестного пони! –

пронзительно пропищала Маура. – Только со мною он безмятежен!

– Пони?

Панеттоне посмотрела на меня как на дурочку:

– Дож! Безмятежен дож. С этой развратной...

– Он подарил ей пони? – перебила я горячо. – Пони с бантом? И мою лодку? Развод он тоже собирается ей подарить? Стронцо!

– Еще какой, – поддакнула Маура. – Вместо того, чтоб искать настоящего виновника гибели синьоры Маддалены, он разбрасывается подарками. И это еще не все! Помнишь свою горничную Инесс? Карло удалось встретиться с нею за пределами дворца. Инесс рассказывает, что этот стро..., то есть, тишайший Муэрто начал оказывать знаки внимания Ангеле. Каково?

Улыбнувшись, очень уж это «каково» напомнило мне тишайшего супруга, я переспросила:

– Рыженькой Ангеле?

– Ну да. Инесс теперь опасается мести этой дурочке со стороны Раффаэле.

Интересно, что там за знаки? Но Панеттоне подробностей не знала.

Итак, супруг пьянствует. Ах, как это нехорошо. Вино туманит разум, дож не может себе этого позволить. Чезаре дож слишком недавно, он не успел нарастить вокруг трона щит из верных людей. Гвардейцы, пришедшие во дворец вместе с ним, смогут защитить его безмятежность? Да почти половина этих парней охраняет от неведомой опасности остров Саламандер!

– Мне нужно встретиться с Артуро, – решила я.

– Его нет в Аквадорате. Карло пытался, более того, нам не удалось выяснить, куда именно синьор Копальди испарился. Эсселленсе собирается спросить об этом напрямую тишайшего Муэрто.

Плохо, очень плохо. Чезаре совсем один. Мне нужно вернуться во дворец. Но как?

Ответа не было. Пока не было. Филомена Саламандер-Арденте обязательно что-нибудь придумает.

– Приляг, – предложила Панеттоне, – после сестры я схожу за лекарем, чтоб он тебя осмотрел.

– После сиесты, милая, мы с тобой будем учить стихосложение и литературу, – возразила я, забираясь на кровать.

Когда в голову не приходит ничего толкового, надо отвлечься. Да. Это всегда помогает. Маура ушла к себе, я поворочалась, пытаюсь задремать. Экстракты Мауры, которые я задела локтем, зашуршали страницами. Сон не шел. Я села, подложив под спину подушку, развернула тетрадь и погрузилась в чтение.

– Филомена, – доносилось будто издалека, – синьор Афамале пришел тебя осмотреть.

Коричневое лицо лекаря с белоснежными кустистыми бровями вынырнуло из тумана, я улыбнулась:

– Приятно познакомиться, профессоре.

Старик сообщил, что он не профессоре, а, напротив, ветеринар, и что я – кобылка здоровая, и должна побольше есть и двигаться. Одарив нас с Маурой этими бесценными советами, синьор Афамале взял деньги за визит и попрощался.

– Испугалась, – оправдывалась Маура, закрыв за ним входную дверь. – Ты спала и спала, я подумала, что слишком тебя сегодня утомила, что лихорадка вернулась, и побежала за этим коновалом.

Я посмотрела за окно, луна с вечернего уже неба мне подмигнула. Сон пошел мне на пользу. Голова была свежей, а настроение прекрасным. Я не сдамся без боя, не уплыву к родителям, зализывать раны. Я найду преступника, я потребую справедливости для себя и наказания для виновных.

Когда с визитом явился сиятельный Мадичи, мои волосы еще не просохли после ванны, они торчали во все стороны мелкими пружинками. Прическу князь похвалил, как и свежий румянец, как и платье. Чтоб не заставлять вежливого патриция ломать голову, придумывая комплименты, я попросила его позаниматься с нами. Лукрецио заглянул в конспекты директрисы, узнал руку, и стал немного манерно-сентиментален.

– Ах, умненькая синьорина Аннунциата, пылкая и жадная до жизни... сколько воды утекло...

Мы приятно удивились, когда, вместо стариковских воспоминаний о нежной страсти, чудовищный князь выдал нам объемную лекцию о творчестве луарских трубадуров. Маура тщательно ее записала.

А потом домой вернулся Карло. От ужина экселленсе, по понятным причинам, отказался, но не преминул уединиться с Маламоко на кухне.

Беседа длилась минут десять от силы. Панеттоне, тем временем, уложила мои просохшие волосы в высокую прическу.

– Без Чикко на ушке ты выглядишь непривычно, - вздохнула она.

Дверь распахнулась, экселленсе исполнил на пороге прощальный поклон:

– До завтра, моя серениссима. Если пожелаете, мы могли бы возобновить наши музыкальные занятия.

Я с восторгом согласилась. Карло пошел проводить гостя, а потом мы сели ужинать в узком семейном кругу.

– Что рассказал тебе князь? – спросила я, развернув на коленях салфетку.

– Экселленсе собирается завтра пригласить тебя на прогулку и спрашивал моего дозволения.

– А ты мне...кто?

– Опекун и старший мужчина в семье, – отрезал Такколо. – Дозволение он получил.

– Не пойду! Вот назло теперь никуда не пойду, тоже мне, заговор патриархов.

– Пойдешь, - Карло отрезал кусочек ароматного мяса, прожевал его, прикрыв от восторга глаза. – Чудовищный князь сулит нам приоткрыть завесу тайны кристального атолла.

– На словах эти завесы не приоткрыть? – Я тоже жевала, и тоже наслаждалась, поэтому необходимую толику недовольства добавить в голос не получалось.

– Филомена, брось капризничать, - предложила Маура, - и дай мальчикам шанс покрасоваться.

– Лукрецио был мальчиком несколько сотен лет назад.

– А мужчины до старости ими остаются. Правда, милый?

«Милый» посмотрел на «женушку», потом на кушанья, догадался, что в случае отрицательного ответа, его вполне могут попросить из-за стола, и кивнул.

– Может, интерес нашей львицы вызовет то, что во время прогулки высоки шансы повстречать его серенити, прогуливающегося

там же и в то же самое время?

О, меня это действительно заинтересовало.

– Ты сочинила злодейский пан, дона догаресса? – обратилась ко мне победительница в супружеском споре.

– Злодейский? Скорее, план добра и света. Надеюсь, после завтрашней встречи с Чезаре, он оформится окончательно.

– Если тебе не удастся поговорить с ним завтра, следующий шанс предоставиться тебе на экзамене, – сказал Маламоко. – Среди учениц ходят слухи, что в день выпуска дону Паолу будет сопровождать лично тишайший Муэрто.

– Ну вот, - я поморщилась. - Великолепная Голубка под руку с дожем. Они приплывут на Бучинторо? Нет, галера не пролезет в наш узкий каналец. Они прибудут на алой гондоле. Можно было бы за оставшееся время пошить себе самые богатые и яркие наряды, украсить цветами и фонариками наемную лодку...

– Денег нет, - перебила Панеттоне, – планируй что-нибудь менее затратное.

– Ты хочешь поговорить Чезаре, или уязвить Раффаэле?

Я пожала плечами:

– Сколько у нас осталось времени до экзамена? Меньше недели?

Друзья переглянулись.

– Три дня, - ответила Маура с сочувствием. - Всего ничего. Ты права, Филомена, по сравнению с соперницей, мы будем смотреться довольно бледно.

– Блеснем умом, - решила я. – Ну и пусть эта путтана наслаждается своим триумфом, уверена, она будет столь в него погружена, что мне предоставиться момент поговорить с моим пока ещё супругом. А сейчас, рагацце, давайте уберем со стола и займемся танцами, этой дисциплиной мы пока пренебрегали.

И до ночи мы репетировали.

Экселленсе явился с визитом после заката следующего дня.

– Серениссима, – спросил он, настраивая инструмент, семиструнную гитару, – вы не боитесь, что с минуты на минуту в этот дом явится все семейство Саламандер-Арденте? Что вы скажете своим родителям?

– Что придется потесниться, – улыбнулась я. - Нет, Лукрецио, они не приплывут.

В этом я была почти уверена.

После урока, к слову, пела я великолепно, Маура помогла мне одеться для прогулки. Судя по ее торопливости, синьора Маламоко ожидал небольшой сюрприз, сразу после того, как за мной с экселленсе закроется дверь.

– Куда мы поплывем? – спросила я спутника.

Мое исполнение древней вампирской песни привело князя в восторг, в котором он прибывал и теперь.

– Поплывем? Ах, серениссима, плыть не придется. Цель нашей прогулки находится меньше чем в квартале от этого порога.

– С которого шагнуть можно только в канал.

– Если вас не сопровождает чудовищный князь Мадичи!

И этот древний мальчишка заключил меня в объятия, приподнял, и мы взвились в ночное небо, подобно шаловливой парочке дельфинов, выпрыгивающих из волн.

Это не был полет, князь не махал руками, или полами плаща, он отталкивался подошвами от скатов крыш, башенок, черепичных козырьков. Мы скакали. Как... Как блохи! Точно. Как огромная беловолосая блоха, сжимающая передними лапками, ну положим, рыжую хлебную крошку. Это сравнение мне так понравилось, что я расхохоталась.

– Вам дурно, серениссима? – спросил экселленсе, ставя меня на брусчатку какой-то крошечной площади.

– Это от восторга, – соврала я. - Где мы находимся?

– Во дворе монастыря Санта Мария.

– Мне расскажут о моих семейных вггаииз тайнах сестры-монахини?

– Нет, – князь подошел к гранитной глыбе, в которой угадывались очертания разрушенного теперь фонтана. - Монастырь давно заброшен, и используется отнюдь не для молитв.

– А для чего? - Приподняв брови, я смотрела на пару мешковатых балахонов, которые экселленсе извлек из-под обломков гранита, и сейчас встряхивал, поднимая клубы пыли.

– Разумеется, для тайн, – он протянул мне одно из одеяний. – Наденьте. серениссима.

Я повиновалась, Лукрецио затянул на моем поясе веревку, набросил на голову капюшон.

– Маску.

Это была Служанка, Немая служанка, алебастрово-белая круглая личина с отверстиями для глаз, жирно обведенными черными линиями. Держать ее подле лица предполагалось, зажав зубами прикрепленную изнутри ручку. Понадеявшись, что ручку до меня никто не облизывал, или, что ее, хотя бы, помыли, я приоткрыла рот.

– Простите, тишайшая, – шепнул спутник, - мы отправляемся с вами в такое место, где любое неосторожное слово может стоить вам жизни, я не хочу рисковать.

Сам он закрепил на лице маску Гражданина, что я., по понятным причинам, вслух не прокомментировала. Было интересно, и несколько не страшно.

Экселленсе повел меня под руку, мы обогнули развалины какой-то пристройки, выйдя в обширный двор, ступени которого спускались к воде причалом. Там покачивались на волнах с десятков одинаковых неприметных гондол.

В приватной башенке мигнул свет, кто-то водил из стороны в сторону фонарем. Мы приблизились с размеренной торжественностью.

– Что там с елиледжем? - спросил князь фонарщика. Тот был в таком же, как наши, балахоце, только маска его оказалась снабжена длинным птичьим клювом.

Я хмыкнула, не разжимая губ.

– Его засевают в сердцах верных, - фонарь качнулся. - И не только его.

– Престол и наследие? Слово и дело?

Огонек дергался уже раздраженно. Экселленсе, кажется, подбирал в пары первые пришедшие на ум слова.

– Море и солнце? Корона и кристалл?

С последним он угадал, ему ответили:

– Во имя безмятежности.

Экселленсе издал душераздирающий вздох, приглушенный скрипом старых деревянных петель. Стена башенки опустилась, подобно замковому мосту, открывая темный зев входа.

– Проходите, братья и сестры, – предложил фонарщик.

– Благодарю, брат Первый сенешаль.

– Никогда ничего не меняется, - ругался шепотом экселленсе, придерживал меня под локоть, когда мы спускались по каменной винтовой лестнице. - Сеятели тупоумные. Сначала они сеют, потом покушаются на символы власти.

Выразив ему сочувствие мычанием, я сосредоточилась на спуске, который, к счастью, скоро закончился. Мы оказались в огромном, действительно огромном, настолько, что противоположный его конец не был виден в свете потолочных частых светильников, зале. Потолок его походил на пчелиные соты, а пол, в трещинах и выбоинах, на бесконечную старую столешницу. Здесь было очень многолюдно, около сотни фигур в балахонах толпились шагах в тридцати от входа. Мы подошли к ним.

– Брат Четвертый канцлер, - шепнул кто-то экселленсе, - вы сегодня припозднились.

– Вербовал новую адептку нашей великой цели, брат Восьмой канцлер, – ответил князь любезно, но шепотом. – Позвольте представить вам сестру... Двадцатую гранд-даму.

– При всем уважении, брат, эта должность уже закреплена за графиней Грандебоко.

– Это немыслимо! Я же просил оставить двадцатую за мной.

– Не горячитесь, брат. Женские имена в нашем великом деле представлены несколько однообразно, графиня заняла его раньше.

– Двадцать первая?

– Синьорина Окопиколи.

Экселленсе ругнулся, его собеседник продолжал перечислять патрицианские фамилии, они поспорили, в результате чего я оказалась сестрой Третьей кастеляншей.

Это мне понравилось. Князь был только четвертым, а синьор Пассерото, которого я без труда узнала под маской, всего лишь Восьмым.

– Говорят, - шепнул вампиру дворцовый управляющий, - что о нас прознал тишайший Чезаре и теперь, вполне вероятно, скрывается под одним из капюшонов.

– Кто говорит?

– Брат Девятый магистр.

– О, – прошептал экселленсе недоверчиво, - он может говорить?

– До вас дошли страшные известия о его болезни? Говорит граф... то есть, брат Девятый, с трудом, я навещал его нынче вечером в портовой резиденции, прежде чем явиться сюда.

– Болезни?

– Ужасная инфлюэнца, брат охрип, ему приходится кутать шею шарфом и питаться лишь бульоном.

Князь сокрушенно прищелкнул языком, и я готова была поклясться, что клыки его, сейчас скрытые маской, не помещаются во рту.

Чезаре! Он здесь! Именно эту встречу пообещал мне князь через Карло. Разумеется, наше серенити не мог оставить без внимание столь многочисленное тайное общество.

Глаза мои шарили по толпе, пытаюсь выхватить из нее знакомые очертания. Я ведь его узнаю, правда? Но балахоны были отвратительно похожи один на другой, маски разнообразием тоже не отличались. Это были, в основном, простые личины Вольто и Лекарей. Лишь одна рослая дама щеголяла золоченой маской Аквадораты, которая нелепо контрастировала с мешковиной капюшона.

Шум разговоров стих, с потолка, истошно скрипя и дергаясь, спускалась на веревках дощатая платформа, видимо, в прошлой жизни служившая грузовым лифтом. На ней, горделиво скрестив руки, стоял мужчина. Как только его голова оказалась в помещении, он стал говорить.

– Братья и сестры... скрип... в эту лихую годину... скрип... мы собрались здесь... скри-и-ип... чтоб...

Платформа дернулась, остановилась, опасно накренившись, одна из веревок, видимо, застряла в блоке. Оратор пошатнулся, посмотрел вниз и прыгнул, шлепнув об пол подошвами туфель.

Все зааплодировали:

– Браво, брат Первый тайный канцлер! Какое чудесное появление.

– Вы спустились с небес, подобно древнему богу...

– Древнему богу спасителю...

– Спасителю отечества...

Хорошо, что рот мой был занят, потому что я уже азартно придумывала фразу, начинающуюся на «отечество».

Какой, однако, балаган. Ему не стыдно? Я имею в виду командора? Лицо его скрыто под маской, но голос-то узнаваем. Первый тайный канцлер? Шут! Клоун!

Синьор да Риальто меж тем, раскланявшись публике, поприветствовал новых адептов. Нас, новичков, оказалось более десятка, и тайные имена по очереди выкрикивались самими адептами.

– Сестра Третья кастелянша, – сказал за меня князь, и дама-Аквадората повернула в мою сторону золоченое лицо.

Видимо, тоже кастелянша, может даже Первая, конкуренция у нас, кастелянш, кажется, небольшая.

Командор продолжал вещать. Лихая година в нашем тишайшем отечестве должна была наступить со дня на день, и в это нелегкое время мы, сплотившись плечом к плечу, должны были...

Что? Мне даже показалось, что я ослышалась. Предполагалось, что на наших сплоченных плечах на престол взойдет его величество Теодорих. Король?

– Драгоценный брат Первый тайный канцлер, – протянула дама-Аквадората несколько нетрезвым мужским голосом, – собирается оживить покойника?

– Простите? – Да Риальто медленно повернулся к вопрошающему. – Как вас зовут, любезная сестра? Или брат?

– Первый и единственный черпальщик при королевских нужниках, – хихикнул дож, приседая в дамском реверансе.

Это был Чезаре, и он был чертовски пьян. Командор его, разумеется, тоже узнал.

– Брат Первый черпальщик, – сообщил он с фальшивой любезностью, – вам будет интересно узнать, что наше королевское величество Теодорих получит при восшествии на престол второй номер. Аквадоратой будет править Теодорих Второй!

Князь сжал мой локоть, но я и без того перестала таращиться на Чезаре и отвернулась.

– И где мы его найдем, спросите вы меня, о неосведомленные, невинные души? – Белая маска командора двигалась из стороны в сторону, он осматривал паству с размеренной торжественностью. – И я отвечу! Не нужно искать. Я...

– Вы? – расхохотался Чезаре.

– Я уже нашел нашего короля, – уточнил Первый тайный канцлер.

Публика заплодировала, я тоже хлопнула пару раз, чтоб не выделяться. Нет, разумеется, я была признательна дорогому Лукрецио за прогулку, прыжки по крышам, цирковое представление в подвале монастыря, и за возможность увидеть, пусть в маске, тишайшего супруга, но обещали-то мне совсем другое. Что там мой атолл?

– Прошу простить меня, – прокашлялся один из адептов, - но хотелось бы уточнить, наш новый король... он сможет чем-то подтвердить свои притязания? Нет-нет, господа, то есть, братья и сестры, я всячески за монархию, это прекрасный древний институт... И все же?

– Разумеется, - ответил командор.

Адепт опять покашлялся и попросил уточнить, так, для интереса, потому что он наследственный монархист, впитавший с молоком матери...

– Все вы знаете, – сказал да Риальто, - что первый и единственный король Аквадораты, коварно лишенный жизни алчными беспринципными людьми, носил прозвище Безземельный?

Многие не знали, это было понятно по приглушенному ропоту. Я высокомерно осмотрелась. Неучи! О том, что мне самой королевское прозвище недавно сообщил экселленсе, как-то подзабылось.

– А почему он был Безземельный? - спросил оратор.

– Потому что у него не было земли? – донеслось из задних рядов.

Предположение показалось мне логичным, но со всех сторон раздалось шиканье.

Командор переждал унижение выскочки и продолжил:

– Древняя аквадоратская легенда гласит, что владения Теодориха ушли под воду после договора, заключенного с морем. Теперь же, именно теперь, когда лихая година на пороге, королевский остров воспрям, чтоб служить доказательством...

– Минуточку, - перебил гнусаво какой-то брат из первых рядов, - остров, это прекрасно, подразумевается, что тот, кто владеет им, является наследником покойного величества по прямой линии? Тогда это море? Ведь остров, по договору, перешел ему.

– Море это вода, – сказал командор.

Это тоже показалось мне логичным, и никто не посмел шикать.

– Море – вода, остров, суша. Остров показался из воды, значит, морю принадлежать перестал.

– Значит, - гнусавил вопрошающий, - быстрый и ловкий нотариус может оформить права владения тому...

– Нет! У острова есть владелец и он станет королем!

Кто-то спрашивал координаты, кто-то имя владельца, шум многих голосов дробился под сводами.

– Зачем ты пришла? - зашипели мне на ухою – Теодориха Безземельная!

– Уймись, брат Черпальщик. – Князь приобнял меня за плечи.
– Моя дама не может вам ответить.

Я очень даже могла, могла выплюнуть идиотскую держалку, и сообщить этому стронцо, зачем. Но экселленсе прижал мою маску ладонью.

– Не может ответить вам, и не должна показывать лица прочим.

– Где она шаталась?

– Она была больна и несколько недель находилась между жизнью и смертью.

Чезаре выругался, я грызла держалку, ладонь вампира оставалась на моем лице поверх маски. С одной стороны меня прижимало к мраморно-холодному боку Лукрецио, с другой – обжигал разгоряченный Чезаре. Между жизнью и смертью? До сих пор, кажется там нахожусь.

– С меня довольно, – сообщил дож в пространство. – Просто довольно. Я по горло сыт этими мелочными, убогими мышинными войнами.

И, расталкивая толпу локтями, удалился. Рослые братья, военную выправку которых не могла скрыть мешковатость балахонов, следовали в его фарватере.

– Он сыт? - прошелестел едва слышно экселленсе. – Тогда каково мне?

– У вашей дамы инфлюэнца? – встревоженно спросил Пассерото. – Вы сказали тишайшему... брату Черпальщику, что ваша дама больна.

– Это, действительно, может быть заразно, брат Восьмой канцлер. Мне, по понятным причинам, болезнь не страшна, но вы...

И синьор дворцовый управляющий тоже заработал локтями, расталкивая соратников.

А потом начались хоровые песнопения. Про лихую годину на пороге и про дивный новый мир. Меня мутило от отвращения, от обиды на Чезаре, от жалости к нему, и я едва дождалась благословенного мига, когда собрание закончилось, и братья-сестры небольшими группками стали расходиться.

– Ни в чем более нелепом мне участвовать доселе не приходилось, - сказала я, отплевываясь, когда мы с князем выбрались на поверхность. – Нелепом и постыдным. Какая, кракен всех раздери, лихая година?

– Война.

– С кем?

– Да с кем угодно, вокруг бушуют конфликты, страны, континенты и империи сражаются за территории, лишь в Аквадорате десятилетиями царит бѣзмятежность.

– Потому что мы предпочитаем договариваться!

– И можем себе позволить самую сильную армию.

– И поэтому, - вздохнула я. – Лукрецио, вы старый и мудрый, объясните мне, зачем нам король?

– Во-первых, – вампир предложил мне руку и мы принялись прогуливаться по пятакчу брусчатки, – это красиво.

– Вас укусить? - предложила я с улыбкой.

– Во-вторых, – улыбнулся он, – король нам не нужен, нам нужно взобраться на вершину, столкнув в пропасть гадкого выскочку Муэрто. Вы поняли о каком острове шла речь, Филомена?

– Разумеется! Изолла-ди-Кристалло.

– Это значит, что вы по прямой линии происходите от Теодориха Безземельного.

– По волнистой! Как это нелепо. Изолла-ди-Кристалло – всего лишь символ, который командор использует в своей внутригосударственной политической борьбе, сам по себе, без да Риальто, он ничего не стоит, просто красивый отдаленный от морских путей атолл. Ну, хорошо, они возведут на трон младенца... О, младенца! Конечно! Сам он править по-малолетству способен не будет, при нем будет состоять консорт, к примеру, любящий дедушка да Риальто.

– Я уже восхищался вашим светлым умом, серениссима?

– Сегодня? Не припомню. Вы хвалили мои волосы, и манеру исполнять вампирскую любовную балладу с аутентичным фрикативным «г».

– Я вас обожаю.

– Вы меня к чему-то подталкиваете.

Он подхватил меня на руки и запрыгнул на крышу:

– К вашей судьбе, серениссима. Вы нужны Аквадорате.

– Ей нужен дож. Не обязательно Чезаре, но человек, который будет договариваться, примирять, и разгребать кучи мусора. Черпальщик, подброшенный наверх столкновением интересов, а не спустившийся на дощатом помосте, чтоб служить символом.

– Аквадорате нужен дож, а дожу нужна догаресса. - Экселленсе поставил меня на порог дома с саламандрами. - Оставайтесь с нами, Филомена, не бегите от своей судьбы.

Я попросила его выразаться яснее.

– Синьор Маламоко сообщил мне, что вы решили вернуться на родину.

– Это он так решил.

– А вы, драгоценная?

Я посмотрела прямо в бледное спокойное лицо:

– Дознание о взрыве во дворце дожей закончилось?

– Прекратилось под давлением Совета десяти.

– Не дожа?

– Предполагаю, тишайший Муэрто что-то им пообещал.

– Куда он отправил Артуро?

– Синьор Копальди, по официальной версии, сопровождает тело синьоры Муэрто на остров Пикколо.

– Прекрасно, его серенити избавился от последнего абсолютно верного человека.

Я зябко поежилась, и движение это от собеседника не укрылось:

– Вам холодно, серениссима? Проводить вас домой?

– Ни в коем случае! Панеттоне примется укладывать меня в постель, а вас изгонит, чтоб не волновали. Лукрецио, у вас есть деньги?

– Простите?

– Пригласите даму на ужин, – кокетливо предложила я. – Дама ваша прожорлива и с удовольствием закусит жареной рыбой и кислым вином в любом портовом кабачке.

Экселленсе кашлянул, что заменяло ему смех, и мы опять запрыгали по крышам. В платежеспособности своего кавалера я уверена не была, возможно, он зачаровывал своим алым взглядом торговца пыльной платяной лавчонки, где мы разжились теплым плащом с меховой подкладкой и маской Аквадораты для меня, и костюмом Чумного доктора, в который облачился мой спутник.

Мы смешались с толпой портовой площади.

– Разве его серенити не объявил в городе траур? - спросила я, наблюдая представление обнаженного по пояс чернокожего шпагоглотателя.

– Он действует лишь в пределах дворца, – ответил князь, бросая монетку циркачу, значит, деньги у него все-таки были. - Аквадората не умеет грустить.

Название таверны я не увидела, вывеска не освещалась. Лукрецио пропустил меня вперед, в душную, пахнущую чесноком жаркую полутьму, кивнул хозяину за стойкой, и мы проследовали к столику у стены. Он был занят группкой Чумных докторов, которые при нашем появлении, дружно поднялись со своих мест.

– Экселленсе, – донесся шепот, - какая прекрасная ночь...Ваша дама не пахнет...Это серениссима...

Голоса были столь одинаковы, что определить, из-под какой именно маски они доносятся, было затруднительно.

– Садитесь, Филомена, - кивнул князь.

Я присела, посмотрела на пустую столешницу:

– Кажется, мое появление помешало совещанию Ночных господ?

Мне возразили, что, напротив, счастливы видеть меня в здравии, и утратили ко мне интерес. Я сидела, вампиры продолжали стоять, переговариваясь над моей головой.

Ночные господа жаловались, им было скучно, патрулирование города перестало их развлекать, горожане не шалили, и не давали ни малейшего повода призвать их к порядку. Когда гнездо Мадичи пожелало вернуть себе былое уважение в Аквадорате, вампиры и не подозревали, какой скукой это обернется. Теперь они обвиняли в этом

Лукрецио. Где, спрашивали они,то, ради чего они пробудились? Покажите им эту страшную опасность.

Я испытала сочувствие к чудовищному князю. Положение, в котором он очутился, я назвала бы «кризис власти». Подчиненных нужно постоянно чем-то занимать, иначе они начинают задумываться, а это ни к чему хорошему не приводит. Возьмем, к примеру, мой тесный школьный кружок, я и фрейлины – Таккола с Панеттоне. Мы учились, цель получения дипломов стояла перед нами по умолчанию. Но, кроме этого, у нас были постоянные стычки с соперницами, маленькие победоносные войны,и мы шли к большой цели от победы к победе.

– Простите, что перебиваю,– запрокинула я голову. -Но наша безмятежность действительно находится под угрозой.

– Дона догаресса, наверное, шутит?

– Нисколько,и буквально умоляет вас о помощи.

– Что, простите? – Одна из масок сдвинулась, открывая бледное тонкогубое лицо.

– Присядьте, – велела я. - Возьмите еще один табурет из-за соседнего столика. И, кстати, хозяин уже довольно долго поглядывает в нашу сторону, видимо, ожидая, пока мы сделаем заказ.

– Но мы не хотим есть.

– А я хочу.

Экселленсе, до этого молчавший, кашлянул:

– Командуйте, дорогая, эти господа в вашем полном распоряжении. Я же,исполнив роль вашего мужчины и добытчика, отправлюсь добывать вам пропитание.

И он отошел к стойке, погрузившись в переговоры с хозяином. Его провожал недовольный шепот.

Я сняла маску:

– Откройте лица, синьоры, и давайте познакомимся.

Август, Комодий, Юлий, Иуст, Пупий. Лица их были столь похожи, что запоминать, кому именно принадлежит какое имя, получилось с трудом. Август выглядел старше прочих, от его римского носа к губам спускались морщинки, правый клык Пупия был немного сколот, подбородок Юлия украшала ямочка, Комодий слегка косил, Иуст – самый говорливый,именно ему принадлежала львиная доля недовольных шепотков.

Я разрешила звать себя просто Филомена. Меня немедленно попросили объясниться.

– Вы сказали, что просите нас о помощи.

– Именно, - я сложила руки в молитвенном жесте. – Догаресса безмятежной Аквадораты дона Филомена Муэрто взывает к древней клятве, данной вашим гнездом нашему государству.

Прозвучало довольно торжественно, мне понравилось. Правда, что говорить дальше, я не представляла. Экселленсе любовался моей растерянностью издали, маску он тоже снял, и его губы сейчас украшала ободряющая улыбка. Я держала многозначительную паузу, лихорадочно размышляя.

– Символом нашего благоденствия, - начала я осторожно, и в этот миг меня озарило, - является дож, тишайший Муэрто. И именно он сейчас в опасности.

Меня попросили уточнить, но это уже было плевое дело.

– Вот уже несколько недель дож находится в своем дворце буквально в осадном положении.

– Что подтолкнула вас к этим выводам? – спросил Иуст.

– Последовательность событий. Сначала его серенити пытались отравить на балу командора да Риальто...

– Отравление власть предержащих, ваша национальна аквадоратская забава! – оскалился вампир.

– Не перебивайте! – оскалилась я в ответ. - Каждый развлекается в меру своих сил и воспитания. Но забава перестала быть невинной, когда погибла дона Муэрто, моя тишайшая свекровь. Это второе событие тревожной цепочки. Третье – мое изгнание из дворца. Я просила не перебивать! Вы скажете, что Чезаре попросту охладел к своей супруге и отослал ее от себя. Наверное, со стороны, это так и выглядит, но дож не тот человек, что поставил бы семейную размолвку выше политических резонов. И, наконец, четвертое, отбытие синьора Копальди, правой руки его серенити. В результате тишайший Муэрто остался один, подле него нет ни единого верного ему человека.

– Похоже на осаду, – согласился Август.

– А еще похоже, - прошептал Юлий, - что дож уводит из-под ожидаемого удара всех, кто ему дорог.

– Он самый хитрый из теперешних аквадоратских политиков, – сообщил Комодий, - по крайней мере, экселленсе считает именно так.

Не знаю, чего хотите от нас вы, Филомена, вы ещё этого нам не поведали, но, боюсь, вступи мы в игру, планы вашего супруга могут пострадать.

– С каких пор на заботят планы дожа? – равнодушно возмутился Иуст.

– Ну, он же символ нашей безмятежности?

– Дона Филомена сильна в риторике, именно это она тебе и попыталась внушить. На самом деле, этот дож, или другой, главное, чтоб эти людишки продолжали испытывать благоговение перед вампирами.

– Это скучно. Ты сам предлагал погрузиться в вековой сон, не дожидаясь разрешения экселленсе.

– Между прочим, - медово процедила я, – в лихую годину «эти людишки» вполне могут захотеть разыскать ваши «вековые спальни», и отнюдь не для исполнения хором колыбельных песен. Уверена, кроме справедливой мести гадким кровососам, ими будет руководить желание овладеть сокровищницей клана Мадичи. Она ведь существует?

– Нет! – ответил мне стройный хор лжецов.

– Для того, чтоб привлекать, достанет слухов.

Я их убедила.

– Итак, синьоры, – мой взгляд остановился на каждом собеседнике по очереди, – перед нами стоит великая и тайная миссия: помочь его серенити в реализации его плана.

– О котором мы не знаем.

– О котором, – с нажимом проговорила я, – вам, синьоры, предстоит узнать. Вы, к счастью, вампиры, и ваши способности во много раз превосходят человеческие, направьте их во благо Аквадораты.

– У доны Филомены есть план?

– Для начала вам предстоит выяснить, куда именно направился синьор Копальди. Допросите, тайно и не оставляя воспоминаний, дворцовых слуг.

– Во дворец дожей может войти лишь экселленсе.

– Неужели? – я широко улыбнулась. - Приглашаю вас, Комодий, Юлий, Август, Пупий, Иуст посетить свои апартаменты во дворце. И, учтите, если после вашего посещения хотя бы кто-нибудь из

работников начнет кутаться в шарф, сославшись на инфлюэнцу, я сожгу всех пятерых птенцов гнезда Мадичи на площади Льва.

– Это нас не убьет.

– И развею прах над лагуной.

– Это...

– Хватит, Иуст, – прошептал Юлий, – прекрати спорить. Достаточно заверить Филомену, что мы не будем пить ее слуг.

– И служанок, - уточнила я. – И, разумеется, шея его серенити тоже под запретом.

Мне пообещали не шалить. В дополнение к заданию я попросила присматривать до рассвета за спальней Чезаре.

– Дону Филомену интересуется, с кем тишайший проводит ночи?

– Да, - тяжело вздохнула я, – даже, если он проводит их с другой женщиной, я хочу знать ее имя, и все подробности, которые вам удастся выяснить.

Ночные господа зашелестели плащами, их маски скрыли лица, и вампиры покинули таверну.

– Однако! – Лукрецио с видом официанта поставил передо мной на стол огромное блюдо с жареной рыбой. - Браво, дорогая, моим подчиненным не доставало крепкой руки.

Вооружившись столовыми приборами, я приступила к позднему ужину:

– Вы все слышали?

– И изнемогал от невозможности выразить восхищение немедленно. Руководить вампирским гнездом – дело непростое и вы с ним справились.

– Только не вздумайте предлагать мне эту должность на постоянной основе, - рассмеялась я. - Меня вообще, чисто теоретически, можно обратить?

– Нет, серениссима, вампиром вам не стать, впрочем, - Лукрецио сделал вид, что озирается. Не подслушиваю ли нас, - большинству ваших соплеменников тоже. Способность вампиров превращать людей в себе подобных – ничем не подкрепленная сказочка.

– Неужели? – Я тоже посмотрела на соседние столики, абсолютно пустые, одинокий хозяин полировал стойку, больше в таверне никого не было. – А как вы тогда появляетесь?

– Размножением.

– В смысле? Вы точно также занимаетесь любовью?

– Да.

– С другими вампирами?

– Не обязательно, но, честно говоря, от межвидовых браков чаще появляются отнюдь не люди, а мать... Она умирает.

– Какой кошмар! То есть, не то, что вы размножаетесь, а то, что кто-то от этого гибнет.

– Это происходит нечасто, – успокоил меня князь. – Природа мудра, Филомена, и, подарив нам бессмертие, позаботилась о том, чтоб желание размножаться посещало нас как можно реже.

– Совсем-совсем бессмертны? Мне говорили, что даже горстка праха вампира способна превратиться в целого от капельки человеческой крови.

– Так говорят, – пожал плечами экселленсе, – лично я не встречал вампиров, возродившихся из праха, и ни одного безголового, и... Как вы там предпочитаете нас умерщвлять?

– Саламандрами, – напомнила я и посмотрела на его щеку, на которой не осталось и следа ожога. – Или купанием в святой воде.

– Все прекрасно подействует. Иногда, знаете, вечная жизнь провоцирует странные фантазии, мы сами ищем смерти. Мой батюшка, к примеру, закончил свои ночи в пасти огнедышащего дракона. Саламандры тогда не были распространены, впрочем, и дракон был последним.

Я выразила соболезнование, на которое князь закашлялся:

– Это была красивая смерть, Филомена. Сгинуть в пасти чудовища, для которого эта трапеза тоже стала последней.

– У вас, наверное, наследственная страсть к красивым самоубийствам, – предположила я. – Ничем иным я ваше дружелюбие по отношению ко мне пояснить не берусь.

– Дружелюбие? Да я же люблю вас, серениссима.

– Нет, Лукрецио, – оставив опустевшую тарелку, я оперлась локтями на стол. – Женщины чувствуют любовь примерно так же, как вы, экселленсе, запахи, нас не проведешь. В моих глазах вы ловите свое отражение. Вы любуетесь собой, своей смелостью, своей красотой, которая только подле меня не бессмертна.

Он встретил мой взгляд:

– Как вы неправы...

– Вам скучно, – не отводить глаз стоило мне усилий. – Невероятно скучно, вы старательно делаете вид, что аквадоратские интриги поглотили вас, может, пытаетесь что-то почувствовать, но внутри вас пустота и грусть.

Он моргнул, я опустила руку на его локоть:

– Простите, дружище.

– Дружище... – Лукрецио смотрел на мои бледные, по контрасту с его рукавом, пальцы. – Дона догаресса хитроумна, только что она очертила разделяющую нас границу. Bravo.

– Закажем вина? – предложила я весело и громко. – Любезный хозяин, мы желаем выпить за дружбу.

Князь вернул меня на порог дома с саламандрами за час до рассвета:

– Велите Такколо во время сиесты прийти ко мне в палаццо Мадичи, я передам с ним все, о чем разузнали Ночные господа.

– Велите им и следующую ночь провести во дворце дождей, Чезаре нужна охрана.

– Ах, ваш Чезаре...

– Наш Чезаре, – согласилась я. – Мой, ваш, всей Аквадораты.

Дверь распахнулась, в проеме стояла Маура, угрожающе потряхивающая зажженной лампой. Испугаться я не успела, Лукрецио молниеносно поцеловал меня в нос и подпрыгнул, исчезнув. Черепица наверху загрохотала, нам с Маурой на головы посыпалась какая-то труха.

– Филомена! Ты в своем уме? Мы с Карло...

– Я все объясню, – пообещала я, увлекая подругу внутрь дома, – все по порядку.

Тишайший Муэрто был безмятежен. Как обычно. Пустая бутылка полетела в камин, портные вздрогнули от резкого звука, но продолжили работу.

Чезаре с отвращением посмотрел на горничную Ангелу, стоящую на табурете:

– Наденьте на нее маску.

Девушку придержав за руки, спустили на пол, ее алое с черным платье зашелестело. Маска Аквадораты тоже была золотой, отделанной сверху рыжими страусовыми перьями, каскадом спускающимися на ее рыжие же волосы.

– Ваша серенити, – сказала сладко Паола, – мне кажется...

– Перекреститесь, – предложил дож, - это старинный рыбацкий обычай, если кому-то что-то кажется, нужно креститься.

Синьорина Раффаэле поморщилась:

– Уже довольно поздно, а его серенити ждет с утра заседание совета.

– Какое точное замечание, - Чезаре повертел в руках опечатанную бутылку и резким жестом выбил пробку. – А фрейлину доны догарессы – уроки.

Паола вздохнула:

– Позвольте отпустить слуг и проводить вас ко сну?

Дождь кивнул портным:

– Ступайте, вы хорошо поработали, завтра получите у казначея по пятьдесят базантов.

Те поклонились и пробормотали благодарности. Паола направилась к горничной, но тишайший ее остановил:

– Вы, донна Раффаэле, тоже ступайте. Милая Ангела в состоянии взбить мои подушки без вашего руководства.

Голубка закусил губу и приготовилась заплакать. Горничная затравленно смотрела на нее сквозь прорези маски.

Грохотнуло. В камин влетела только что распечатанная и ещё полная бутылка, в беснующихся клубах пламени парила саламандра.

– Пошли. - Дождь взял Ангелу под руку. - Его серенити пора баиньки.

Дверной проем на несколько мгновений превратился в раму чудесной картины: дож в парчовом кафтане и подле него – рыжеволосая изящная догаресса.

ГЛАВА 8. Львица на арене

Маура кормила «супруга» завтраком. Карло был в женском платье, ему предстояло отправляться на уроки, после бессонной ночи он поминутно зевал и потирал глаза. Филомена спала в своей комнате.

– Разбужу ее после полудня, – пообещала Панеттоне.

Карло вернулся в дом с саламандрами часом позже хозяйки, и поговорить с ней не успел. Маура передала юноше извинения догарессы, и постаралась смягчить его раздражение. Из-за последнего поспать им так и не удалось.

– А ещё она просит тебя заскочить между уроками к князю Мадичи, – вспомнила девушка. – Экселленсе должен рассказать нам о том, что узнали его вампиры.

– Филомена озадачила Ночных господ?

– С благословения князя.

– Ну, разумеется. Жаль, что мне не пришло это в голову раньше, когда Мадичи жаловался на невозможность уединения с его серенити.

– Филомена считает, что в основе характера чудовищного князя – чудовищное равнодушие, что-де он и сам мог бы проявить инициативу, но ему было скучно и лень.

Карло, закончивший завтрак, кивнул:

– С заводным ключиком в руке нашей догарессы ему приходится шевелиться.

– А ещё она боится, что своими действиями может помешать Цезаре.

– У нее не будет на это времени, – уверенно сообщил Маламоко, закалывая волосы у настенного зеркальца, локон спустился у щеки, придавая молодому человеку девичий вид. – Если продолжить метафору с заводной игрушкой, пружина тишайшего Муэрто будет отпущена уже завтра.

– На экзамене?

– Большое событие, масса сановных гостей, любопытные горожане. Идеальные декорации для спектакля.

– А как он распорядится наследием Теодориха?

– Ума не приложу. Может, взорвет к чертям?

– Ты шутишь?!

– Разумеется, шучу, моя встревоженная булочка. - Карло поцеловал супругу. - Он сначала дождетя первого ребенка в третьем поколении Саламандер-Арденте, а потом будет действовать по обстоятельствам.

– Думаешь, Бьянка уже...

– Не пытайся удержать меня интересной беседой, - улыбнувшись, Маламоко толкнул дверь, и закончил уже на пороге, обернув голову, – сестра Аннунциата позволяет мне сбегать при условии, что в школу возвращаюсь я до синьорины Раффаэле.

Маура, машущая на прощание, в очередной раз обрадовалась, что на этот канал не выходит ни единого соседского окна, и что придумывать очередную сестру ей не придется.

Панеттоне да Риальто – сатрап и мучительница. Об этом я сообщила ей лично, отбиваясь ногами, а руками, вцепившись в изголовье кровати. На что мне предложили не капризничать, а, напротив испытать вину перед несчастным Карло, после бессонной ночи корпящим над конспектами.

– Да кто ему мешал спать? Вы сами придумали всполошиться и искать меня по городу.

– Ты не предупредила, что собираешься любезничать с вампиром до утра.

– Вот до утра бы и сохраняли спокойствие. А после пришлось бы тревожиться лишь за Лукрецио, не переносящего солнца.

В споре я, положим, победила, но Панеттоне достигла своей цели. Я встала с постели.

Быстро перекусив, мы сели за конспекты, а потом я опять стала тренироваться в спусках и подъемах.

– И этот стронцо, - рассказывала я пыхтя, - обозвал меня Теодорихой.

– Какой кошмар. Теперь вниз.

– И даже не захотел говорить...

– Чудовищно. Поживее!

– Послушай, – я замерла на ступеньках, подняв ногу, - а не лучше ли будет поплавать?

– Что?

– Это даст мышцам больше сил, и гораздо интереснее топтания на одном месте.

Маура подумала:

– Обещай не заплывать за пределы нашей улицы.

– Обещаю не выныривать на поверхность за ее пределами.

– И каждые четверть часа изволь показываться мне на глаза. Филомена, я не шучу. Не увижу твоей макушки хоть на пару минут дольше, сигану в воду сама. А ты знаешь, что тогда произойдет.

– Обещаю, - хихикнула я. – А также обещаю научить тебя плавать при первой возможности. Кстати, она появилась. Раздевайся.

– И не подумаю.

– При Карло ты так не ломаешься, – я уже распускала шнуровку ее платья. - Давай, Панеттоне, не робей.

Спрыгнула первой, я оттолкнулась ногами от илистого дна и, вынырнув, помахала подруге:

– Иди сюда.

Она осталась в сорочке, и, поправив подол. Села на край парапета, свесив ножки:

– Холодная и грязная?

– И то и другое, – подтвердила я и сдернула Мауру за щиколотку. - Не трепыхайся. Первое правило – расслабление рук и ног, голову тоже расслабь. Да, вода немного зальет уши, но вглубь не попадет. Не бойся, ну.

Придержав девушку за поясницу, я заставила ее распластаться на поверхности, раскинув в стороны руки и ноги.

– Сейчас, – предупредила я, – отпущу, попытайся сохранить эту позу. Как только пойдешь на дно, я успею тебя подхватить, не бойся.

Она послушно лежала, сначала зажмурившись, а потом, распахнула глаза и посмотрела в голубое небо.

– Это похоже на полет.

– Птицы не летают спиной вниз. Продолжим?

Панеттоне была послушной ученицей, она не боялась, абсолютно мне доверяя, и довольно скоро смогла сама держаться на поверхности и преодолела первые самостоятельные футы до порогового бортика.

– Забирайся наверх, – предложила я ей. – На первый раз тебе хватит.

– Подогрею воду для ванны, от этой грязи придется отмываться
– Маура подтянулась на руках, перебросила колено, но мне пришлось ее подтолкнуть, чтоб подъем завершился. – Четверть часа, Филомена.

Я прикинула расстояние:

– Десять минут.

Дно улицы было однообразным. Но все равно гораздо интереснее привычных ступенек. Времени я не засекала, но вряд ли у меня ушло больше восьми минут, чтоб пересечь ее из конца в конец. Я помахала Мауре, выпрыгнув по-дельфиньи, и погребла по второму кругу, его я чуть удлинила, выскочив в более широкий транспортный канал. Там сновали гондолы, так что пришлось ретироваться, и при третьем круге быть осторожнее.

– Ванна готова, – сообщила Панеттоне, голова которой была обернута банным полотенцем.

– Еще пару раз.

– Не устала?

– Разве можно устать от плавания?

Через час я сидела на кухне с таким же как у Панеттоне тюрбаном на голове, пила горячий сладкий отвар с хрустящим печеньем и чувствовала как приятно ноют натруженные мышцы.

– Значит, экзамен уже завтра?

– Да, – Маура вздохнула, - мне так жаль, что все заканчивается.

– А мне, что я украла наше время нелепой лихорадкой.

– Как будто ты властна над болезнью.

– Не прояви я слабости, не жалея себя, а отправься сразу в школу...

– Какие пустые сожаления! Хватит расслаиваться, нам нужно заниматься.

– В последний день? – я сдернула с волос полотенце и запустила его под потолок. – Надо пошалить напоследок.

Рассудительная Панеттоне уточнила, что именно я подразумеваю под шалостями.

– Мы пойдем гулять. В Аквадорате вечный праздник, и нынче мы откусим от него свой кусочек. Ах, милая, как там весело, какие там нарядные люди, громкая музыка, ловкие циркачи. Я покажу тебе чернокожего синьора, который глотает вот-такенную, - я показала

руками размер, – шпагу и вытягивает ее изо рта без малейших усилий, а другой мавр плюется огнем.

– Я видела такое представление на балу. Если бы меня удосужились спросить, я бы предпочла отправиться посмотреть на путтана.

– Оливия! Точно. Мы можем посетить ее «Райское местечко» на Рива дельи Скьявони.

– Карло нас не отпустит.

– Мы ему не жена! То есть, ты и пока, - поправились я быстро. – И, к тому же, Такколо нужно выспаться перед экзаменом. Давай оставим ему записку. Чтоб не волновался и уйдем потихоньку ещё до того как он вернется домой.

– Пиши ты, - велела Маура. – И наври, что мы идем гулять под присмотром князя Мадичи, Карлитто ему доверяет.

Я побежала в кабинет за пером и бумагой. Панеттоне тщательно обернула кастрюлю с ужином, чтоб она не остыла.

Оделись мы быстро и опомнились только на пороге. Гондолы у нас не было.

– Где твои служанки, когда они так нужны? - сварливо спросила я, поправляя потертую маску Арлекина.

– А где гондола твоего чудовищного князя?

– Гондола ему требовалась только для ночных серенад, и кое-кто, на кого мы не будем указывать пальцами, - я ткнула пальцем в пышную грудь Мауры, – запретил ему мне петь.

– Как приятно, когда твои женщины ждут твоего возвращения на пороге, - сообщил Карло Маламоко, орудуя веслом.

– Такколо!

– Карлитто!

Воскликнули мы одновременно, но дальше я успела первая:

– Это все она придумала!

– Нет, она. Милый, мне не пришло бы в голову тебя обмануть...

– Договоримся так, - строго проговорил Маламоко, закрепляя конец в швартовом кольце, – сначала вы меня кормите, а потом я решаю, кого из вас и в каком порядке прощать.

Мои бормотания о том, что в вымаливании прощения у некоей пышногрудой блондинки есть передо мною преимущества, обращены были к небесам. Маура уже хлопотала, накрывая на стол, а

непреклонный Карло выражал непреклонность раздраженным передвиганием мебели наверху. Он поднялся переодеться.

– Ну что ж, рагацце, - сказал он после ужина, - шалости, так шалости. Как говорит мой батюшка, перед смертью не надышишься. Выучить что-то сверх того, что мы уже успели, нам до завтра вряд ли удастся.

– Мы поплывем в город? - ахнула я.

– Не в этих нарядах, – улыбнулся Карло. – Помогите. Я привез вам кое-какие подарки.

Втроем мы затащили с его гондолы довольно большой сундук.

– Какая знакомая резьба, – протянула Маура, проводя по его крышке пальчиком.

– Экселленсе велел Ночным господам прихватить его из гардеробной во дворце дожей.

– Милый Лукрецио! – Я отбросила крышку. – Он о нас позаботился.

Там были десятки платьев, и маски, украшенные перьями и драгоценностями, и туфельки с пряжками, и вышитые золотой канителью башмачки. Одежды хватило на всех с избытком. Карло, оставшись в мужском костюме, набросил поверх плащ и надел кошачью маску Ньяга, мы с Маурой оделись Дамами, я – алой с золотым, она черно-белой, кажется, у этой дамы было отдельное имя – Домино.

– А что экселленсе просил передать мне на словах? – спросила я уже в гондоле.

Маска Кошки блеснула в лунном свете, из-под нее донесся вздох:

– Ты уверена, что хочешь об этом знать?

– Чезаре мне изменяет? С кем? С Паолой?

– С Ангелой. Он велит одевать ее в наряды догарессы и каждую ночь запирается с нею в вашей спальне.

– Какой кошмар! – ахнула Маура.

– Слуги уверены, что таким образом Чезаре пытается утолить тоску по доне Филомене.

– Небольшое утешение, – сказала я зло. – Что вампирам удалось прознать о прочем? Артуро?

– С этим все чисто, то есть, похоже на правду, отходные молитвы над телом синьоры Муэрто прочел лично кардинал, гроб отправили в портшезе на пристань. Коппальди взошел на борт... Черт, князь не сказал мне названия борта.

– Это важно?

– Не знаю! Но я должен был уточнить. Эта Лукреция...

– С этого места, – тонким голосом, о который можно было порезаться, попросила Маура, – поподробнее. Нашего Маламоко принимала сестра его сиятельства?

Наш Маламоко глухо ответил «да». Его тоненько спросили, хороша ли княгиня. Я решила прийти на помощь другу:

– Лукрецио говорил, что они близнецы. Представь себе женскую ипостась чудовищного князя и прекрати ревновать.

– Князь красавчик! – начала Панеттоне в запальчивости, но осеклась под тяжелым взглядом «супруга».

Я подумала, что им поскорее надо пожениться и завести малышей, потому что от их бесконечных сцен мне впору выть.

Однако, видимо, загадочная Лукреция все же не оставила Карло равнодушным, потому что против посещения Рива дельи Скьявони, с веселыми местечками на ней, он ни словом не возразил.

Мы оставили гондолу в длинном ряду таких же глянцево-черных лодок у городского причала. Маура взяла под руку меня, чтоб кое-кто помучался небрежением. И мы медленно пошли вдоль пристани, дивясь нарядному многолюдью, вычурной отделке зданий, и тому, насколько здешнее веселье было гуще и крикливее, чем на пристойных центральных площадях Акводораты. Карло брел за нами следом.

– Путтана! – вдруг вскрикнула Маура, резко остановившись.

– Тише, – я испуганно осмотрелась. – Разумеется, путтана, их здесь довольно много, не собираешься же ты каждой сообщать, кем именно она является?

– Путтана Раффаэле, – уже тише пробормотала Панеттоне и кивнула на лодки. – Сама посмотри.

Я проследила жест. На волнах внизу покачивалась алая с золотом гондола. Та самая. Маламоко нам это подтвердил.

«Ах, будь с нами малышка-маджента, – подумалось мне, – эта посудина уже полыхала бы, подняв столб пламени до неба».

Маура не думала, подобрала с мостовой кирпич и, перегнувшись через парапет, отпустила его. Раздался треск.

– Бежим!

Расхохотавшись, мы взяли за руки и припустили, куда глаза глядят.

Наша крошечная месть наполнила меня беззаботной радостью. Карло нагнал нас в переплетении переулков, мы как раз вполне успешно отбивались от ухаживаний двух нетрезвых синьоров самой материковой наружности. По-аквадоратски поклонники не разумели, поэтому переспрашивали, куда именно предложили им проследовать прелестные синьорины. Мы хохотали как ненормальные. Маламоко пообещал нас отшлепать, потом перешел на гортанную чужеземную речь, и что-то пообещал синьорам. Мы с Маурой решили, что Такколо только все портит, провожая две понурые фигуры взглядами.

Панеттоне захотела копченых мидий, я – танцевать. Торговец насыпал лакомство в бумажный пакетик, и я потащила друзей туда, откуда доносилась музыка. Здесь терзал виолу уличный музыкант, терзал истово, но ритмично, я влилась в хоровод, подпрыгивала, крутилась на месте, поднимала локти, чтоб исполнить парную фигуру с тем, кто оказывался под рукой.

Когда я, раскрасневшаяся и удовлетворенная, вернулась к друзьям, Маура, уже расправившись с мидиями, любовалась разноцветными сахарными леденцами на лотке разносчика.

Карло заплатил за зеленую лошадь с непропорционально большой головой, и Панеттоне, приподняв маску, обезглавила несчастное создание с первого укуса.

– Мы хотели навестить Олимпию, – вспомнила я. – Она говорила, что обитает в «Райском местечке». Такколо, только не начинай стонать о приличиях и прочем в таком роде.

– Он не начнет, – успокоила меня Панеттоне, разворачивая фунтик с жареными креветками. – Карлитто уже с четверть часа наблюдает вон за тем домом и всячески сдерживается, чтоб не устремиться туда. Вывеску такого расстояния мне не прочесть, но первая буква явно «Р».

Маламоко вздохнул:

– Просить вас подождать снаружи – безнадежное дело?

– Мне послышалась вопросительная интонация? Правильно так : просить нас подождать снаружи – безнадежное дело. - Взяв обоих друзей под руки, я зашагала к «Р»,и тихонько шепнула Мауре. - Притормози, милая, тебя скоро вырвет от этой мусорной еды.

У входа в «Райское местечко» стояли на страже обнаженные по пояс мавры с золотыми алебардами. Я ощутила робость,и сделала вид, что вовсе глазею не на чернокожих красавцев, а на финиковую пальму в кадке. На пальме почему-то висело яблоко, явно из воска, а ствол обвивала зеленая плюшевая змея. Рай! Точно. Значит, это у нас древо познания добра и зла, на нем – запретный плод, и змей-искуситель тоже. Так себе решение. Потому что тогда нужно идти дальше,и вместо пары алебардщиков ставить святого Петра с ключами. А это уже пахивает святотатством.

Что говорил страже Маламоко, я не слышала, но алебарды разошлись в стороны,и мы ступили на красную дорожку. Маура шелестела своим фунтиком, а я радовалась тому, что на мне маска и окружающие не видят мою отвисшую от удивления челюсть. «Райское местечко» изнутри было полностью отделано белоснежным карерским мрамором, здесь журчали мраморные фонтаны, на второй этаж возносились мраморные лестницы, мраморные скамьи и столы стояли у стен, короткие туники синьорин тоже сверкали белизной, и их белоснежные волосы (парики, абсолютно точно, парики) возвышались подобно мраморным башенкам.

Одна из таких синьорин проводила нас к стенному алькову, мрамор которого прикрывали расшитые парчовые подушки. Карло шепнул ей что-то на ухо и обратился к нам:

– Развлекайтесь, рагацце, я ненадолго отлучусь.

И он ушел. Нам принесли вина, сушеных фиников и засахаренных орехов в золоченой вазе. Мауру отсутствие супруга не опечалило. Она сняла маску:

– Дож здесь!

– Да ну?

– Ну да. Если бы ты меньше на голых мужчин засматривалась, заметила бы вон тех мужчин, - подбородок с ямочкой указал направление, - одетых.

Повернув голову, я внимательно осмотрела четверку синьоров в соседнем алькове, даже не одетых, а переодетых. Переодетых

гвардейцев. Это была дворцовая стража.

– Моя драгоценная Львица, – Олимпия появилась из-за альковных занавесей подобно дивному видению.

Ее туника была длинной, волосы свободно спадали на спину, и были обычного человеческого цвета.

Мы с Маурой поздоровались, и хозяйка уселась на лавку между нами:

– Синьоринам не нравится вино?

– У синьорин завтра экзамен, поэтому нынче они блюдут трезвость, – пояснила я.

Маура задумчиво жевала, чередуя соленые креветки с засахаренными орехами. Пить ей явно хотелось.

Олимпия подозвала девицу-служанку, и нам принесли хрустальный кувшин, в котором среди обломков льда плавали дольки фруктов, лиловые ягоды и звездочки бадьяна.

– Сангрия, – улыбнулась хозяйка, – ее готовят у меня на родине. Да, милые, я не из ваших мест.

По цвету напиток походил на вино, на вкус же был сладким и пряным.

– Иногда, – шепнула Олимпия с видом заговорщицы, – даже не иногда, а довольно часто, мои девушки пьют Сангрию, чтоб не терять головы за работой.

– Очень предусмотрительно, – похвалила я. – И вкусно.

– Тебегодились мои советы?

Я кивнула на Панеттоне:

– Дона да Риальто изучила рекомендованные вами книги.

– О да, драгоценная хозяйка, если бы вы соизволили уделить мне немного времени...

Путтана видом своим выражала внимание и добродушную готовность к беседе. Поэтому я позволила себе встать со скамьи:

– Вынуждена ненадолго отлучиться, дамы.

– Туалетные комнаты наверху, – сообщила Олимпия. – Если начнешь плутать, спроси любую из свободных девиц, тебя проведут.

– Благодарю. – Поправив маску, я поднялась по мраморным ступеням, преодолевая довольно плотную толпу гостей.

Второй этаж планировкой походил на первый, с тем лишь различием, что здесь по центру был установлен фонтан, струи

которого цветом на воду не походили. Некоторые гости наполняли под ними свои бокалы. Я подумала, что решение остроумное, и, что, если мне когда-нибудь предстоит заниматься подготовкой торжества, я тоже могла бы установить в обеденной зале похожий фонтан. И даже не винный, а, например, шоколадный.

Альковы здесь тоже были заняты, и за некоторыми плотно задернутыми занавесями происходили уже отнюдь не беседы. Меня это не интересовало, впрочем, как и поиски туалетных.

Чувствуя себя невидимкой, я осмотрела зал.

Альков дожа был отделан золотисто-алым бархатом, на круглом столике стояла батарея оплетенных бутылей и такое громадное блюдо с фруктами, что походило скорее на таз. Его серенити был в неофициальном черном камзоле, расстегнутом на груди, кружево сорочки выплескивалось поверх шелка пенными волнами. При доже была свита, с десятков синьоров разной степени опьянения, несколько дам приличных, в строгих темных платьях и полумасках, путтана числом три, с обнаженными грудями и подведенными кармином сосками, и рыжеволосая дона, в которой я без труда узнала Ангелу. Горничная сидела прямая как мачта, сжимала на коленях руки и, кажется, стремилась ало-золотым роскошным платьем слиться с отделкой алькова.

– Выпьем, рыженькая? - Нетрезвый шепот над ухом заставил меня вздрогнуть.

Я посмотрела на бокал у своего носа:

– В фонтане набрал, блондинчик?

Синьор расхохотался и зазвенел бубенчиками, густо нашитыми на его костюм:

– Не хочешь, не надо, – он сдвинул маску и стал хлебать вино, заливая подбородок.

Какая гадость. Я перевела взгляд в сторону компании дожа. Чезаре беседовал с сидящим подле себя синьором, Ангела скучала. Забавно, но ее платье с точности походило на то, что было сейчас на мне. Маска тоже изображала Аквадорату, но была более вычурной и украшена перьями. Именно в этой личине синьор первый и единственный Черпальщик посещал тайное общество «Корона и кристалл», ну или как оно там называлось. Я подумала, что, умудрись я обменяться с горничной масками, дож не заметил бы подмены.

– Рыженькая, – мокро и горячо шепнул позвякивающий синьор,
– может уединимся?

– Зачем? - отодвинулась я.

Обменяться масками. Какая нелепая идея. Ангела скромна и молчалива, я вполне смогу ею притвориться. Мы с дожем вернемся во дворец, он, по привычке, запрется со мною в спальне, и тогда... Что-нибудь произойдет. Я потребую объяснений, или развода. Он извиниться или станет гневаться. Но что-нибудь произойдет. Потому что стоять и смотреть на тишайшего Муэрто издали, страдать от неопределенности, от ревности, от бессилия я больше не могла.

– Познакомимся поближе...

– Что? - я посмотрела на собеседника и расхохоталась. – Твоя рачительность обязательно войдет с легенды, синьор скареда. Ты пришел в веселый дом, пьешь, не заплатив за вино, и теперь хочешь получить заодно и бесплатную страсть?

– Ну и ладно, – решил он. - Попробовать все же стоило.

И жадина, звеня бубенчиками, направился к фонтану.

Ангела поднялась с места, поклонилась. Что она говорила Чезаре, и что он ответил, слышно не было. Девушка ещё раз поклонилась и, выйдя из-за стола, направилась в коридорчик, отделенный от залы занавесью из стеклянных мураецких бусин.

Это был шанс. Я пошла следом. Путтана, встреченная мною за занавеской, сообщила, что да, дальше и налево будут туалетные комнаты. Алый подол как раз скрылся за поворотом, я поблагодарила путтана и ускорила шаг.

Ангела стояла перед зеркалом и плакала.

– Простите, – она всхлипнула, уступая мне дорогу к уголку с фаянсовой вазой для неотложных нужд.

– За что? – сдернув с лица маску, требовательно спросила я. - За что я должна тебя простить?

Девушка рухнула на колени, ее плечи сотрясались от рыданий:

– Дона догаресса! Тишайшая! Серениссима!

Она не была виновата передо мной. Это все Чезаре. То есть, Ангела так его не смела называть. Это его серенити приблизил ее к себе, возвысив над товарками. Она сама этого не желала. И теперь Ангела – пария, ненавидимая прочими горничными, и доной Раффаэле.

– Тишайший тоскует без вас, серениссима, а мои волосы немного напоминают ваши.

– Не реви, – подняла я ее, дернув под мышками. – Кто, тот господин, что сидит сейчас подле его серенити? И, кстати, отдай мне свою маску.

Она подчинилась:

– Синьор Хуан Антонио Гомес Гонсалес.

– Однако, сколько имен.

Я протерла от слез ее Аквадорату и примерила перед зеркалом, сходство казалось полным. Горничная продолжала объяснять:

– Форпост острова Николло прислал сообщение, что на горизонте появилась пиратская эскадра, и его серенити решил побеседовать на эту тему с гостящим у нас карибским корсаром, с этим вот синьором Хуаном.

– Чудесно. Ты в разговоре участие принимала?

– Нет, серениссима, я молчала, и меня никак не представляли.

– Хорошо, - я протянула ей свою старую маску. – Спустись вниз как можно более незаметно. Там ты найдешь дону да Риальто, на ней костюм Домино, так что ошибки исключены.

– Как прикажет серениссима.

– Скажешь Мауре, что я заняла твое место подле дожа.

– Но...

– Не смей возражать! И постарайся убедить синьорину да Риальто не бежать мне на помощь. Ничего страшного не произойдет в любом случае, в крайнем – мой маскарад будет раскрыт и меня с позором изгонят. Я к этому уже привыкла – и к изгнанию, и к позору. Завтра я встречу с Маурой и Карлой в «Нобиле-колледже-рагацце». Кстати, пусть они заберут тебя с собой и обеспечат ночлегом. Сегодня возвращаться во дворец не смей.

– Меня накажут.

– Кто, милая? - переспросила я со звенящей злобой в голосе. – Кто посмеет обвинить тебя в следовании приказам серениссимы?

Клянусь, упомяни она в этот момент Голубку Раффаэле, я бы ее ударила, но девушка всхлипнула и пробормотала:

– Никто.

– То-то же! А теперь, ступай. Нас не должны видеть вместе.

Она ушла, а я посчитала до тысячи, прежде чем пойти следом.

За столом дождя ничего не изменилось, Чезаре продолжал беседу с корсаром, и мне даже не кивнул, когда я уселась подле него на место Ангелы.

– Хуан, дружище, - говорил он, поигрывая ножкой бокала, – эти сплетни абсолютно нелепы. Аквадората уже многие десятилетия не принимает участия в войнах, по крайней мере, бесплатно.

– При дворе султана Селима к этим, как ты выражаешься, сплетням, относятся со вниманием. – Голос синьора Хуана Антонио Гомеса Гонсалеса был хрипл, а тон дружелюбно-подначлив. – Мои ребяташки, вернувшиеся в город буквально на днях, говорят, Селим готовится отражать совместные атаки рыцарей большой земли и аквадоратских полков.

– Эх, - вздохнул дож печально, - успевай мы обменяться посольствами с султанатом, этих недопониманий удалось бы избежать, а сейчас всем не до дипломатии. Артуро... Черт, я хотел предложить секретарю записать, чтоб мы назначили послов ко двору Селима после окончания военных действий.

– Ты потерял Копальди?

– Надеюсь, временно, я без него как без рук. Кстати, это его невеста.

Я пискнула от неожиданности, и от того, что его серенити пихнул меня в бок.

– Невеста? - переспросил корсар.

– Синьорина Ангела Инкудине, дочь главы кузнечной гильдии.

Фамилию своей горничной я услышала впервые, но молча кивнула.

– И ты притащил невесту друга в веселый дом? – хрипло расхохотался корсар. – Артуро будет счастлив.

– Главное, чтоб осталась довольна эта синьорина, - его серенити рассмеялся в ответ и потрепал меня по колену.

– Дождь безмятежной Аквадораты решил, по примеру своих материковых коллег, ввести право первой ночи для подданных? - не унимался Хуан.

Я терпела, но сдерживалась уже с трудом. Стронцо Чезаре, дай мне только остаться с тобой наедине...

Время тянулось, у фонтана показывали представление циркачи, рачительный блондин им несколько мешал, заснув прямо на полу.

Собеседники погрузились в какие-то совместные воспоминания, но беседа явно подходила к концу. Дождь отвлекался, бросая реплики прочим своим клеветам. Корсар посматривал плотоядно на путтана, сидящую напротив него. Девушке внимание льстило, она облизывала призывно губы и выпячивала грудь с карминными точками. Вертлявый юноша в короткой тоге склонился к столу, исполняя томную мелодию на золоченной лире.

– Пойдем, милая, – сказал Чезаре негромко, и взял меня за локоть, – его серенити желает отойти ко сну.

Я с готовностью встала. Скоро мы окажемся во дворце. Но у дождя были другие планы. Он втокнул меня за бусинную завесу, и, крепко держа, повел по коридору.

Мы свернули, не налево, к туалетной, а в противоположную сторону, где оказалась деревянная винтовая лестница, ведущая на третий этаж.

Итак, право первой ночи? И даже совсем уже не первой, мой супруг собирался прелюбодейничать в помещении, для этих целей предназначенных. Как рачительно, привезти свою даму с собой, а не платить профессионалке. Как экономно. Как противно!

Отвращения я, на самом деле, не испытывала. Меня снедало любопытство и нерешительность. Признаться сейчас, или подождать? Чего? Того самого, Филомена. Исполнить супружеский долг, а потом – опа! – огорошить стронцо Чезаре правдой.

Этот этаж не был обширен. Лестница вывела нас в узкий коридор с двумя рядами одинаковых дверей. Его серенити дорогу знал, мы прошли коридор почти до конца, прежде чем он уверенно толкнул створку, другой рукой заталкивая меня в комнату.

Спальня с неширокой кроватью, стол у окошка, похожего на чердачное, обилие зеркал. Запрокинув голову, я посмотрела на зеркальный потолок. Чезаре стоял у стола, наливая в бокал воду из кувшина.

– Ну что, застыла? – пробормотал он недовольно. – Стели постель.

Порывшись во внутреннем кармане, дождь извлек пузырек темного стекла и накапал из него в бокал что-то невероятно противное. По крайней мере, когда его серенити помешал в бокале пальцем и

выпил содержимое, его смуглое лицо исказилось гримасой отвращения.

«Афродизиак?» – подумала я равнодушно и сдернула с кровати покрывало.

– Во дворец возвращаться опасно, - сообщил Чезаре, пересекая комнату и ложась на постель, – утром мне доставят сюда церемониальное облачение, и ты, моя временная супруга, будешь сопровождать меня в «Нобиле-колледже-рагацце».

Я посмотрела на покрывало на полу, на его серенити, пожала плечами. Он и не думал раздеваться. Предполагалось, что Ангела должна его обнажить?

– Погаси свет, - Чезаре смотрел на меня, закинув руки за голову, носки его туфель смотрели в потолок. - Тебе, наверное, нужна подушка?

Она полетела вниз:

– Обещаю, милая Ангела, эта ночь – последняя, которую тебе придется провести на полу. Завтра все закончится, и ты сможешь вернуться к своим привычным обязанностям, или к родителям. Синьор Инкудине назначил свадьбу на середину осени, после ты войдешь во дворец замужней доной Копальди, и займешь пост фрейлины.

Это было любопытно. Они не спали вместе? И про невесту Артуро дож не соврал? Но зачем тогда этот маскарад? Чезаре устроил для себя щит из моей рыженькой Ангелы?

Сколько вопросов. И я немедленно их все задам. Погашу свет, и подам голос.

– Ты хорошо со всем справилась, милая, не болтала, не капризничала. В приданое я передам тебе права на разработку серебряного рудника...

Ламп было две : на столе и настенный рожок над резной деревянной панелью. Пока я выбирала, с которой начать, в дверь постучали.

– Открой, - велел дож, приподнявшись.

Я потянула створку. За дверью стоял синьор в костюме Чумного доктора:

– Ваша серенити? – раздался равнодушный шепот. - Ах, простите...

Клюв маски шатнулся в сторону, дож отодвинул меня от порога. Быстрая беседа моих ушей почти не достигла. «...Опасность... набережная...незнакомец...»

– Оставайся здесь, – обернулся ко мне Чезаре, – запишись, никому, кроме меня не открывай. Я скоро вернусь.

И их быстрые шаги удалились. Дверь я заперла.

Итак? Что мне предстоит? Разумеется, брачная ночь, и, к слову, не омраченная супружескими изменами. О, я буду терпелива и вооружена теоретическими знаниями. Как чудесно, что конспекты Мауры были мною прочитаны, и что запомнила я их хорошо.

Задув лампы, я стала растягивать шнуровку платья.

Маску я, пожалуй оставлю, и нижнюю сорочку. Хотя, нет, она слишком строга для планируемой авантюры. Чулки и туфли, и маска, все прочее – долой. Я наброшусь на супруга сразу, как он пересечет порог. Шаг, другой, третий. Разворот, как в танце. Дверь я захлопну ногой, одновременно толкнув стронцо Чезаре на постель. Будет темно. Он ощутит обнаженную плоть, я хрипло шепну «тесоро» и поцелую... Маска помешает. Снять? Успеется. Сначала я скользну пальцами под шелк мужской сорочки, проведу подушечками по груди...

Переполненная воодушевлением и предвкушением, я плюхнулась на кровать, любясь огоньками Рива дельи Скьявони, отражающимися от зеркального потолка.

«Опасность... набережная... незнакомец...» Чезаре скоро вернется. Сначала я услышу его шаги в коридоре, и узнаю их, потом...

Скрипнула, поднимаясь, оконная створка, о подоконник что-то звякнуло, клубы густого дыма закрыли от меня окно, воздух наполнился густой вонью. Я успела вскочить и сделать два шага к двери, прежде чем в голове помутилось, и сознание меня покинуло.

Говорили двое. Слов я не понимала, гортанный язык был мне незнаком. Мужчина и женщина. Я открыла глаза. Темно. На голове, кажется, мешок. Руки связаны за спиной, щиколотки перетянуты веревкой. Животу больно, он упирается во что-то твердое. Меня несут, перекинув через плечо, костлявое и узкое, несут вниз головой.

Вдалеке пробили часы. Движение ускорилось. Я опознала слово «гондола», произнесенное мужчиной. Спина больно ушиблась о палубу, плеск весла.

– Не бойся, девка, – прощепетала по-аквадоратски Голубка Раффаэле. – Ты не умрешь, мне не хочется проблем с гильдией кузнецов. Полежишь на причале до рассвета, тебя освободят первые прохожие.

– Но зачем? – всхлипнула я, попытавшись изменить голос.

Паола фыркнула:

– Ты мне мешаешь, идиотка, вот зачем. Чезаре сейчас вдоволь побегает по улицам, преследуя свою идиотку Филомену, не настигнет ее, разумеется, и вернется в «Райское местечко», привычно утешаться в твоих объятиях. Только вот утешу его я. А наутро... О, я подготовила его серенити такой подарок, после которого он побежит вприпрыжку к кардиналу, чтоб подтверждать развод со своей рыжей бестией и немедленно венчаться со мной.

Пока она говорила, я изо всех сил пыталась перетереть веревку о лежащую подо мной швартовую цепь. От влаги веревка набухла, но понемногу поддавалась. Вода? В борту течь?

– Не желай ты, Ангела, этой нелепой близости, откажи Чезаре в первый же вечер, когда он предложил тебе разделить постель...

Вода достигала уже плеч. Мы с Раффаэле находились в той самой алой гондоле, в которую швырнула камень Панеттоне.

– Правь к берегу, – прокричала я, – идиотка! Мы идем ко дну?

– Филомена?

Соленая вода заливала мое лицо, я задержала дыхание и поэтому не ответила.

– Я не умею плавать! – кричала Паола.

И этот вопль я услышала последним. Море приняло мое тело с нежностью. Я потянула руки вперед, натягивая веревку. Рывок, я дергалась, как рыба в сетях. Рывок! Да!

Теперь, спокойно, Филомена, береги воздух. Бесконечно долго я опускалась, в груди уже горело. Наконец, ноги коснулись дна, я резко оттолкнулась и, загребая, понеслась к поверхности. Ошибка исключалась, не прояви я терпения, металась бы сейчас из стороны в сторону, пытаясь избавиться от закрывающего лицо мешка. Вынырнув, я отдышалась, развязала несложный узел на шее, легла на спину, отдыхая. Ноги! Нет, нижние узлы не поддавались. Городские огни мелькали в отдалении. Раффаэле собиралась оставить меня на корабельной пристани, и мы на половину успели преодолеть

расстояние отделяющее ее от Рива дельи Скьявони. Мне все равно, куда плыть, даже со связанными ногами я достигну берега минут за двадцать. А вон той лодки, что плывет в нашем направлении, ещё скорее.

– Сюда! – взмахнула я рукой. - Человек за бортом! Два человека!

Тут я, наконец, вспомнила, о чем кричала Паола. Она не умеет плавать.

Нырнула я сразу глубоко, ночью под водой не так темно, как может предположить сухопутный обыватель. Сюда просачивается мягкий лунный свет, мерцают водоросли, снуют морские светлячки. Голубка стояла свечой, на дно ее тянула швартовая цепь, обернувшаяся вокруг ног, гондола дна пока не достигла, но шансы на встречу с ним все увеличивались.

Цепной захлест растянуть не удалось, пришлось выдергивать Паолу из петли за голени, оставив в глубине туфельки. Синьорина Раффаэле была без чувств и смотрела на меня ничего не выражающими рыбьими глазами. Я зажала в кулаке ее волосы, и потащила к свету луны. Казалось, что лун две, второй притворился фонарь спасательной гондолы.

– Сюда! – прокричали хрипло. - Брось ей конец, Салато.

– Девоч две, Венето, которую вытаскивать?

– Тащи обеих.

Эти фразочки в проброс мне не понравились. Но пришлось хватать свободной рукой конец, и подталкивать тяжелое тело Паолы, переваливая ее за борт гондолы, а потом и самой в нее забираться.

Раффаэле не дышала. Я, стоя на коленях, произвела все положенные в таких случаях манипуляции, массаж груди, очищение рта.

Тот, которого звали Венето, сосредоточенно греб, его напарник наблюдал за моими действиями. Оба синьора, то есть, типа, выглядели престранно. Рыбаки? В городской гондоле и с кривыми саблями у пояса? И где, позвольте узнать, в моде носить сапоги с отворотами? К тому же, щеку гребца пересекал глубокий шрам, а Салато был одноглаз, и теперь его глаз полнился чем-то похожим на вождление. Кракен! Я же голая! Для транспортировки Паола завернула меня в покрывало, но море решило оставить вышитое полотно себе, как, впрочем, и маску Аквадораты. Последнее выглядело символично.

Сабля Венето оказалась ближе, я сдернула ее, просто протянув руку,и, под угрозой покачивающимся клинком Салато, разрешила веревку на своих щиколотках.

– Благодарю, – вернула я оружие владельцу. - Моя благодарность станет безмерной, если один из синьоров одолжит мне свою сорочку.

Не дожидаясь ответа, я склонилась на Паолой, намереваясь накрыть ее рот своим и выполнить искусственное дыхание. Карие глаза дрогнули, моргнули,и над лагуной разнесся истошный женский визг.

Жива! Я приняла у одноглазого рубаху, оказавшуюся почти пристойно длинной, сам Салато на мое «спасибо» фыркнул и застегнул на две, оставшиеся из десятка, пуговицы, кожаный камзол.

– Кто вы? – вопила Раффаэле. – Куда вы меня везете?

– Заткнись, – предложил Венето.– Капитаном было велено тебя доставить, живой, или мертвой, не уточнялось.

– Может не эту, - Салато вращал глазом, - а, наоборот, эту, рыжую. Масти мы не знаем, нам сообщили лишь цвет гондолы.

– Рыжая умней, не визжит.

Первую часть фразы я сочла комплиментом.

– Любезные пираты позволят мне узнать имя капитана? – спросила я спокойно.

Гондола направлялась не к Рива дельи Скьявони, и не в гавань, напротив, мы довольно быстро плыли по направлению из лагуны, оставляя чуть в стороне остров Николло. Гребец у нас был отменный. Городские лодки предназначены для узких аквадоратских каналов, их слегка изогнутая форма не позволяет развить скорость на открытой воде, поэтому я невольно преисполнилась уважением к нашему кормчему.

Мне не ответили, может, обидевшись на «пиратов». Я повторила попытку:

– Любезные корсары, вы, наверное, не осведомлены, что на вашем судне оказалась догаресса нашей безмятежной республики?

– Ты, или другая? – спросил Венето.

– Да какая разница? – бросил Салато. - Привезем обеих. Пусть капитан с ними разбирается.

И больше с нами не говорили. Очень скоро я заскучала, и даже попробовала перекинуться парой слов с Голубкой, но на нас

прикрикнули и пригрозили заткнуть рты кляпами.

Корабль назывался с окончанием на «нэра», часть резных букв на его борту была скрыта натянутой парусиной, и, если бы не неожиданный порыв ветра, мне бы не удалось рассмотреть даже этой малости. Нас ждали, сбросили веревочную лестницу, по которой я взобралась пыхтя, а Голубка взлетела, как на крыльях.

На палубе толпилось человек двадцать команды, потрепанные abordжами и рукопашными, просоленные морем и ветром, самые настоящие карибские пираты. Они приветствовали наших похитителей, похлопывали их по плечам, нас же с Паолой погнали в трюм.

Когда люк над нашими головами захлопнулся, синьорина Раффаэле выругалась по-иностранному и села на устилающую пол солому.

– Какой забавный язык, – произнесла я светски. - Любопытно, как губернаторской дочери удалось его изучить?

– Идиотка.

– Ну, ну, - покачала я головой, - прояви хоть немного признательности своей спасительнице.

– Ты меня вытащила?

– Иначе ты дрейфовала бы у самого дна, удерживаемая швартовой цепью, пока волны не перетерли твою прелестную алую гондолу в щепки.

– Лучше бы ты, идиотка, оставила все как есть! – отрезала неблагодарная и отвернулась.

– Скоро рассвет, - сообщила я после продолжительного молчания. – И как мы успеем оказаться в «Нобиле-колледже-рагацце» до начала экзаменов? Они ведь начнутся в полдень.

Плечи Раффаэле задрожали, но не от рыданий, она смеялась.

– Филомена! Ты удивительное создание! Сидя здесь, в трюме корсарского судна, ты все еще хочешь уделать меня по всем дисциплинам, от математики до танцев?

– Почему бы и нет? – присела я рядом. - Или твой азарт пропал?

– У меня пропало все, – спокойно ответила Паола.

Сейчас она не притворялась, не трепетала ресницами, не округляла глаза, готовясь заплакать, не дрожала в притворном испуге.

– Ты шпионка, Раффаэле? - спросила я. - И теперь твой сложный план разрушен?

– Шпионка? Да что ты знаешь о шпионах, малявка? Я тень, я шепот, я последний вздох, лучше меня нет никого во всем подлунном мире.

– А настоящая Паола Раффаэле, ты ее убила?

– Эту размазную? - девушка расхохоталась. – Помо-комская роза нашего драгоценного Чезаре прозябает на своем захолустном острове. О, дож ее сейчас вряд ли бы узнал, в такую дородную матрону превратилась любовь всей его жизни.

– В матрону?

– Разумеется. Она замужем за каким-то мутным графом, рождает ему исправно каждый год, и столь стеснена в средствах, что с готовностью продала мне памятный перстень бывшего возлюбленного и свою метрику с девичьей фамилией.

– Ловко.

– Не люблю проливать кровь, - вздохнула Паола. – Иногда это играет со мною злые шутки. Останься я в «Райском местечке», доверив перевозку Ангелы этому маньяку Мехмету, дож Аквадораты был бы уже моим.

– Мехмету?

– Это один из спутников, навязанных мне работодателем.

– Ты работаешь на султана?

Девушка пожала плечами:

– До рассвета я не доживу, так что скрываться дальше смысла нет. Мое имя Зара. И Селим Великолепный нанял меня, чтоб я вошла в гарем аквадоратского правителя и склонила его принять сторону султаната в войне с рыцарями большой земли.

– Какой еще гарем?

– Ах, Филомена, брось. Тишайший Муэрто привык окружать себя женщинами, с той стороны моря это очень похоже именно на гарем. Я стала бы любовницей дожа, лучше женой, и через пару лет удалилась бы якобы в монастырь.

– Пару лет туда, пару лет сюда, для тебе не особо важно, не так ли? – спросила я риторически. – Постой, а что за подарок ты приготовила Чезаре после страстной ночи?

Из рукава Зара извлекла мокрый лоскут, это была небольшая картина, с которой (пришлось повернуть ее к настенному светильничку) на меня глазами цвета спокойного моря смотрел черноволосый скуластый мальчик.

– Я сообщила бы тишайшему, что наши с ним помо-комские ночи принесли желанный плод, и, что его сын, наследник, прибудет в Аквадорату по первому зову.

– Сильный ход, - я разжала пальцы, картина спланировала на пол, – но привел бы он к противоположному результату.

– Почему?

– Потому что построен на факте, что форколские сирены прокляли его серенити бесплодием. Это ложь. Русалки столь чадолюбивы, что скорее излечили бы Чезаре от его досадной особенности.

– Тогда...

– Думаю, бесплодие – следствие какой-нибудь детской болезни, дона Мадалена говорила... – вспомнив о свекрови я запнулась, почти заплакала, и устыдилась дружеской беседы с ее убийцей.

– Ты уверена?

– Я была на Форколе, Зара, и видела тамошних пленников, разномастных моряков, которые за какие-то чародейские услуги соглашались развлекать старушек-сирен игрой в карты и подробными рассказами о своих приключениях. Ты показала бы Чезаре портрет, и он, уверена, моментально все понял бы.

– Теперь это все неважно.

– Скажи, - я повернулась к собеседнице. – Кто именно из вас лишил жизни синьору Муэрто?

Зара опустила сухие глаза:

– Я. Идея принадлежала не мне, но именно мои руки подложили в камин начиненное порохом полено. Старуха мешала. Ты ведь наслышана, наверное, о ее боевой юности? Она раскрыла бы меня довольно скоро.

– Но ты переносишь солнечный свет!

– Зато слабо реагирую на запахи, иначе поняла бы, что под маской не Ангела.

– Твой сонный дым преотвратно вонял.

– И подействовал только на тебя. Знаешь, скольких усилий стоило мне изображать перед твоим идиотским Лукрецио человеческое амбре? Сотни притирок и примочек, чужое белье, - она сморщила нос.

Я заметила, что черты Голубки Раффаэле чуть изменились, кажется, она успела избавиться от валиков за щеками, теперь ее лицо формой не походило на сердечко, и зубы стали нечеловечески острыми, раньше нижние резцы были кривоваты. Она лепила на них гипс? Крошки на губах, это ведь он?

– Ну, ты провела чудовищного князя, значит, усилия не были напрасны.

У меня уже довольно давно чесалось ухо, и настроение становилось все безмятежнее.

– Не важно, – махнула рукой Зара. – Мы в лапах свирепых карибских корсаров, на шхуне под названием «Морте Нера» – «Черная Смерть».

– Ты обладаешь способностью видеть сквозь предметы?

– Мне хватило половины названия. Ах, не утони я столь нелепо, справиться даже с двумя дюжинами человечков, не составило бы особого труда.

– Ничего, – успокоила я, – у тебя впереди вечность, чтоб вернуть форму.

– Меня казнят. Ты-то выкрутишься, дона догаресса, тебя приберегут, чтоб иметь козырь в переговорах.

– Я выкручу нас обеих, – ладонь моя была у уха, пальцы гладили мягкую прохладу чешуйчатой шкурки. – Поверь своей догарессе, синьорина Раффаэле.

Дощатый люк откинулся, по сходням грохотали тяжелые неритмичные шаги. Некто спускался в трюм, и одна нога у этого «некто» была деревянной. Синьор капитан «Морте Нера». Синьора капитан.

– Матушка, – присела я в поклоне, для которого, впрочем, пришлось сначала встать. – Счастлива видеть вас в добром здравии.

Чикко пощекотала хвостом мою щеку. Свекровь, в мужском костюме и треугольной кожаной шляпе на голове, оперлась на трость:

– Так, так...

– Синьор Копальди с вами, или суровый Чезаре отправил его плавать с вашим пустым гробом до самого Пикколо?

Искоса я посмотрела на Паолу, то есть на Зару, ах, все равно, на кого. Девушка так и осталась сидеть. Сейчас, когда ей не требовалось притворяться живой, лицо ее было неподвижным как у мраморной статуи.

– Зачем вы притащили сюда дону догарессу, болваны? - зычно прокричала дона Мадалена.

– Которая из них ваша невестка, капитан? - свесил голову в люк Салато.

– Рыжая? - спросил Венето, высовываясь. - Капитан, рыжая спасла эту, другую, когда их гондола пошла ко дну, мы не могли просто бросить ее там.

– Ты поняла? – шепнула я Заре. - Дожд с матерью всех провели, воспользовались взрывом, чтоб...

– Филомена! – перебила меня свекровь. – Изволь немедленно объясниться.

– Если пообещаете не убивать мою подругу.

– Подругу? Эта тварь – вампир.

Я изобразила оскорбленную добродетель:

– Дона Мадалена, матушка, при всем уважении, не стоит использовать такие гадкие слова в отношении существ, чей грех лишь в том, что они не похожи на нас.

– Какие слова?

– Например, тварь. Это гадкое слово. Впрочем, прошу прощения. Кто я такая, чтоб вам указывать? Синьора Муэрто, капитан, умоляю, уделите мне несколько минут наедине.

Мы помолчали, свекровь смотрела на меня каким-то оценивающим взглядом, наконец, она повернулась и стала подниматься по лестнице.

– Ступай за мной. Твоя «подруга» пусть ждет здесь. - Синьора Муэрто издала короткий гортанный звук, и малышка-маджента, привычно сидящая на моем ухе, сбежала по руке, подпрыгнула и свернулась внутри настенного светильника. - И, если эта тварь попытается бежать, саламандра сожжет ее ко всем чертям.

Ох! Чикко подвергли дрессировке? Натаскали на вампиров? И она на это согласилась? Сменила хозяйку?

Поднимаясь следом за свекровью, я бросила через плечо целых два взгляда: ободряющий – Заре, и полный укора – предательнице-

мадженте.

Тишайший Муэрто встретил рассвет на причальных ступенях Рива дельи Скьявони.

– Грустишь? - синьор Копальди присел рядом и тоже посмотрел на море.

– Зелье, которое ты впарил мне, плохо действует на желудок.

– Что значит, впарил? Ты сам велел мне купить на улице Алхимиков самое действенное снадобье, прогоняющее хмель.

– Оно отвратительно на вкус.

Дождь достал из кармана стеклянный флакончик и продемонстрировал его секретарю.

– Поверю тебе на слово, – хмыкнул Артуро. - И в оправдание сообщу, что стряпня кока на «Мортэ Нэра» мне тоже по вкусу не пришлась.

– Матушка в порядке?

– Более чем. Она устроила своей команде такой скандал за небрежение обязанностями, что мне самому пришлось подавить порыв хвататься за швабру и ведро. Шхуна на ходу, нынче ночью она курсирует у входа в лагуну, скрыв опознавательные знаки.

– С какой целью?

– С целью сдерживания корсарской эскадры.

– Разве нас собрались штурмовать? Я велел батарее острова Николло не палить почему зря. Думаешь, зря?

– Пока непонятно. Совет пиратских капитанов был назначен на вчерашний вечер, но мне пришлось лететь на твой зов, так что результаты переговоров мы узнаем не раньше полудня.

– Подождем. На всякий случай я вступил в альянс с герцогом Альмадивой, и этот... достойный гражданин одолжил нам три сотни бойцов своей личной дружины. Они разместились в новых казармах. Кстати, как бы так изящно отправить герцога с его армией подальше от Аквадораты? Предложим ему тучные луга Амазонии? Там, конечно, лугов пока нет, зато есть орды агрессивных дикарей...

– Чезаре! – перебил дождь Копальди.

– Что Чезаре?

– Что тебя гложет? Изящная операция завершена, мы выловили четверку шпионов Селима Великолепного, и теперь у нас есть прекрасный повод начать дипломатические переговоры.

– Но Паоле, или как там ее, на самом деле зовут, удалось скрыться.

– Досадно, – согласился секретарь. – Когда именно ты понял, что это не твоя помо-комская роза?

– Да почти сразу. Артуро, я, может, способен позабыть имя любовницы, но все прочее... – Чезаре криво усмехнулся. – Она бросилась ко мне с поцелуями, и я в тот же миг понял, что этих губ ещё не целовал.

– Но ты решил поддержать игру.

– Нè обижать же хорошенькую синьорину. #288522262 / 16-окт-2020 И было любопытно, кто исполнит роль папеньки-губернатора, и я рассудил, что пусть она играет дальше, являя мне всех своих подельников. Если бы все пошло по моей задумке, сейчас с Аквадорате полным ходом шел бы выбор тишайшей невесты, а мы бы с тобой, посмеиваясь, мешали воплощению самых чудовищных планов правителей прочих держав. Но море послало мне Филомену.

– Вот! – торжесвующе воскликнул Артуро. – Причина твоей хандры именно в синьорине Саламандер-Арденте.

– Да, – вздохнул дож. – В синьоре Муэрто, в моей супруге. Сегодня она получит развод и исчезнет из моей жизни навсегда. Надеюсь, капитан Филомен не теряет времени зря и подарит миру первенца в третьем поколении. Сражаться с его младшей сестрой за аквадоратский престол мне бы не хотелось. Как думаешь, она хоть пол года переждет, прежде чем вновь бежать под венец?

– Мне любопытно, как фамилии Саламандер-Арденте достался королевский атолл.

– А мне нет, – отрезал дож. – Кстати, дружище! Ангела! Твоя рыженькая невеста до сих пор сидит в спальне веселого дома.

– Когда, ваша серенити, – протянул Копальди, – я соглашался на брак с синьориной Инкудине, даже вообразить не мог, что моей невесте придется проводить ночь в столь неприличном месте.

– Можешь всем жаловаться, что я потребовал этого по праву первой ночи.

– Скажут, что я женитьбой благородно прикрываю грех правителя.

– Ну и что?

– И синьоры из гильдий начнут подсовывать тебе в постель своих дочурок, чтоб ты потом выдал их замуж за дворян.

Перспектива дожа не обрадовала:

– Теперь, Артуро, из-за тебя и мне придется жениться, чтоб догаресса стерегла супружеское ложе.

– То есть, я еще и виноват? Кстати, на ком?

– Без разницы. Хоть на доне да Риальто, пусть Маламоко утрется.

– Маламоко?

– Господи, Артуро, ты единственный. Наверное, в Аквадорате, кто не выяснил еще пол синьорины Карлы.

– А это уже обидно.

– Что именно? Что ты мой друг, а я скрывал от тебя правду?

– Что твоя проклятая кузина, то есть кузен, напропалую со мною флиртовал, о ужас, даже подарил однажды лобзание. - Артуро сплюнул. – Какая гадость!

Дож расхохотался:

– Вот за это я и люблю тебя, дружище. Ты верен мне безусловно.

– Чезаре, это ведь отвратительно!

– Один раз не считается. Видимо, ты бросал слишком пламенные взгляды на белокурую Паолу, Карло ревновал, и решил переключить твое внимание на брюнетку.

– Но твой дядюшка Фаусто...

– Слишком хотел произвести на свет девочку, и, когда ему этого не удалось, назначил дочерью младшего сына. Помнишь, в его доме были одни мальчишки?

– Я даже помню лохматого черноглазого сорванца в холщовых штанах, который обувал туфли на каблуках, и топал в них по доскам пирса из конца в конец.

– Ну видишь, ты и сам мог бы догадаться, если бы захотел.

– И что теперь?

– Будем жить дальше, Артуро, разгребать королевские сортиры и стараться, чтоб в нашей безмятежной Аквадорате все работало как надо. Сегодня мы выпустим из «Нобиле-колледже-рагацце» дипломированных благородных девиц, подпишем Карле Маламоко разрешение на отплытие, чуть обидим командора да Риальто, чтоб не расслаблялся, сплаваем на корсарский флагман... Нет, погоди, туда мы

не поплывем, отправим гонцов с приглашением. Не хватало еще, чтоб его серенити, как какой-то материковый феодал, спешил поздороваться с пиратами. Да, гонец, так будет лучше. Что там экселленсе? Он присматривает за нашими нукерами, или янычарами?

– Все, как приказал его серенити. Пленников поместили в свинцовые камеры Пьомби, и днем на стражу заступят гвардейцы. Объясни мне, почему ты сам решил принять участие в погоне?

– Да ерунда, - смутился Чезаре. – Ко мне в комнату явился один из Ночных господ и сообщил, что в переулке неподалеку от Рива дельи Скьявони какой-то неизвестный досаждаёт девушке, похожей на дону догарессу.

– И куда он потом делся?

– Неизвестный?

– Вампир?

Дождь пожал плечами:

– Довел меня до места и растворился во тьме, как ему и положено. Мне было не до того. Рыжеволосая синьорина как раз убежала, я побежал следом, заблудился, пошел назад, услышал женский вскрик... Короче, я где-то с час бродил по переулкам, пока наши гвардейцы меня не разыскали.

– Понятно теперь, отчего шпионы Селима были обряжены в дамские платья. Они тебя и морочили. Но почему ты после не вернулся к Ангеле?

– Не хотелось. Ночь была так прекрасна... – Чезаре ахнул и пружинно встал. – какой же я болван!

– Уточни, - попросил Артуро уже на бегу, они мчались к «Райскому местечку».

– Меня нарочно удалили из комнаты, и я, болван, ушел... Синьора Олимпия! Какое чудесное утро.

– Да уж, – пьяно хихикнула путтана, стоящая у дерева с плюшевой змеей, матрону поддерживали нубийцы, ибо она стояла матрона с трудом. – Доброе утро после доброй ночи. Ваша львица, тишайший, продемонстрировала все почерпнутые от меня знания?

Чезаре, успевший уже вбежать в дом, заложил вираж, столкнулся с секретарем, и замер у порога:

– Львица?

– Ваша тишайшая супруга? Или вы до сих пор не поняли, кто был с вами в спальне под маской Аквадораты?

Лежавший на полу синьор возмутился тем, что нога его серенити стоит на его руке, но, получив пинок, затих.

– Расскажите подробности Артуро, - Чезаре толкнул приятеля к путтана и побежал наверх.

Секретарь присоединился к дожу несколько минут спустя. Последний стоял в центре разоренной спальни и сохранял безмятежность, то есть пинал мебель и сыпал проклятиями.

– Ангела отдала серениссиме свою маску и покинула веселый дом в сопровождении фрейлин Маламоко и да Риальто.

– Филомена была здесь!

– Да.

– Здесь, со мной, и я ее не узнал.

– Да.

– Здесь была драка. Смотри, это футляр от дымовой бомбы, - дож пнул башмаком металлический сосуд, тот отлетел, ударил в зеркальную стену, стекло пошло трещинами. – Филомену похитили.

– Похоже на то.

– Это Паола, больше некому. Но как? Я оставил наблюдателя у причала, он должен был следить за алой гондолой. Как она умудрилась ускользнуть? Где этот стронцо?

– Один из гвардейцев жаловался, что не помнит ничего о прошедшей ночи. Он здоров, но на шее следы вампирского укуса. Видимо, это и есть твой наблюдатель.

– Однако, господа, – князь Мадичи в своем глухом дневном костюме переступил через порог, - что здесь произошло?

– Экселленсе! – обрадовался дож. – Вы очень кстати. Можете взять след синьорины Раффаэле?

– Я вам кто, ваша серенити, собачка?

– Собачка унюхала бы Паолу с полувздоха.

Под черной маской засопели, вампир то-ли приняхивался, то ли возмущался.

– Мы думаем, - сказал Артуро извиняющимся тоном, – что синьорина Раффаэле похитила дону Филомену.

– Ваша, тишайший, фаворитка, пахнет всегда по-разному, но одинаково неприятно.

– Я ее зажарю, – пообещал дож. – и лично сожру под чесночным соусом.

– Не забудьте облачиться для трапезы в парчовый кафтан и шапку, канибал, – фыркнул Лукрецио. - Идемте.

Среди начавших пробуждаться к новому дню гостей веселого дома, синьор Копальди безошибочно высмотрел гвардейцев, и поотстал от дожа, что отдать распоряжения.

Князь уверенно прошествовал к пристани, свернул под ограждения парапета и повел рукой в сторону пришвартованных гондол.

– Здесь след теряется.

Алой лодки среди вереницы черных лаковых не наблюдалось.

– Мы упустили время, – пробормотал дож, – все пропало.

– Ваши гвардейцы сплеховали, – укоризненно прошелестел князь, – и упустили шпионку.

– Ей помогали вампиры.

– Нонсенс!

– Артуро! Немедленно сообщи экселленсе, что нашего парня покусали и заморочили в самой вампирской манере.

Синьор Копальди промолчал, все, что он должен был сообщить, уже прозвучало.

– В вашем гнезде, дражайший князь, – Чезаре изобразил сочувствие, – завелась крыса.

– Ну конечно, - огрызнулся вампир, – тишайший Муэрто – известный крысолов. В своем дворце всех переловили?

– Представьте себе всех, и даже крысиную королеву – синьора Пассерото, нашего управляющего. Кстати, спасибо за приглашение на монархическую вечеринку, она мне в этом поспособствовала.

Принял ли экселленсе благодарность, осталось неизвестным, черная маска сохраняла неподвижность.

– Гвардейца покусали? - прошелестел князь. - Это крайне любопытно, синьоры. Уверяю, клыки Ночных господ в этом неповинны.

– Иноземные вампиры? – предположил дож.

– Невозможно, я почуял бы соплеменника... – Экселленсе вздрогнул, запнулся. – Тысяча адских чертей!

– Да? - усмехнулся Чезаре. - То есть, если ваш соплеменник, а точнее, соплеменница не предприняла никаких попыток замаскировать свой обычный запах, вы бы ее определили в тот же миг?

И дож зло рассмеялся:

– Артуро, можешь меня поздравить, я целовал вампира. Какая женщина! Или мне стоит называть ее вампиресса? Лукрецио! Вас провели, как мальчишку. Разумеется, она, изголодавшись, притащила в ваш палаццо стайку подружек-учениц, чтоб укусы на их белоснежных шейках отнесли на ваш счет. Во дворце наша Паола попивала маркизету Сальваторе. Теперь мне понятна причина покушения на матушку, Голубка опасалась, что грозная истребительница вампиров раскроет ее сущность.

– Получается, - вклинился синьор Копальди, - султан нанял себе вампиров?

– Одну, - сказал Чезаре с сомнением. - Или двух? Ваш, князь, сбежавший пленник, кажется, тоже пах как-то неправильно? Но, погодите, они оба не боялись дневного света, и вода... Вы же не можете пересекать большую воду?

– Можем, – смущенно пояснил экселленсе, - хотя это и довольно для нас неприятно. Что же до солнца, способность его переносить редка, но не удивительна. Но женщина, Чезаре! Наши дамы почти не участвуют в жизни, они тихи и безмятежны в своих снах.

– Но ваша сестра, кажется, вполне активна?

– Только ради меня, чтоб не я не скучал в одиночестве. Вы правы, тишайший, какая женщина эта Паола!

– Надеюсь, - протянул дож с мечтательной кровожадностью, – эта «какая женщина» цапнет мою супругу и подохнет в муках.

– Кусать не обязательно, знаете ли, - в шелесте вампира тоже слышались мечтательные нотки. - Достаточно простого поцелуя. Знаете, Чезаре, скольких усилий стоило мне удержаться от того, чтоб не прикинуть к устам доны Филомены и принять прекрасную смерть от любви?

– Тогда, ваше сиятельство, я сплясал бы на вашем прахе и отправился мстить.

– Каким образом?

– Приставая с лобзаниями к вашей сестре!

Артуро не сдержал смеха:

– Однако, если дона Раффаэле для нашей серениссимы опасности не представляет, мы можем не волноваться.

ГЛАВА 9. Экзамен доны догарессы

Синьорина да Риальто пребывала в раздражении. Ангела, прорывавшая почти до рассвета в подушку Филомены, этого раздражения опасалась.

– Завтрак, - Маура пододвинула к горничной тарелку. – Никто тебя насильно под венец не потащит. Скажи ей, Карло. Карла!

Синьорина Маламоко, кивнула, оправляя оборки на плечах. Фрейлины привезли Ангелу в домик с саламандрами вскоре после полуночи, и выслушав ее сбивчивый рассказ, велели спать. Дон да Риальто и Маламоко наутро ждал экзамен, им требовался отдых.

– За завтраком решим, что делать дальше, – успокаивала горничную Маура, закрывая дверь.

Сейчас настало время решать.

– Но батюшка уже обо всем договорился, – всхлипнула Ангела, и большая слеза упала на фарфор, – синьор Копальди – дворянин и секретарь его серенити, дож даст мне приданое, и я стану фрейлиной во дворце.

– А что говорит на это твой парень?

– Джеронимо уговаривает меня бежать.

– А ты?

– Я не могу послушаться родительского приказа.

– Значит, не любишь.

– Люблю.

– Значит, недостаточно.

– Больше жизни.

– Погодите, рагацце, – сказала синьорина Маламоко, прожевав. - Твой Джузеппе – кузнец и правая рука синьора Инкудине? И титул главы кузнечной гильдии перейдет к нему уже в начале следующего года?

– Джеронимо, – поправила Ангела. - Он станет главой после батюшки, мастера кузнечной гильдии отдадут голоса ему.

– Так зачем вам бежать?

– Это так мило, – вздохнула Маура, – синьор Джузеппе хочет бросить все ради любви.

– Джеронимо, - всхлипнула Ангела. – Из за меня он превратится в изгнанника, бродячего мастерового. Все чего я хочу, побыть с ним еще немного. Его серенити обещал, что сегодня я стану свободной, нужда во мне отпадет, и я смогу вернуться к родителям до свадьбы.

– Ну так ступай домой, - разрешила Карла.

– И предложи своему Джузеппе тайное венчание, – улыбнулась Маура.

– Джеронимо.

– Не важно. Поженитесь, и поставьте синьора Инкудине перед фактом. Подозреваю, он предпочтет зятя главу гильдии зятю беглому бродяжке.

– Но синьор Копальди...

– Ему перестанет светить в качестве родственника при любом раскладе. Именно поэтому твоя свадьба должна быть тайной.

– Есть ещё должность фрейлины, - напомнила Карла. - Может, наша Ангела не желает ее терять?

– Фрейлина? - фыркнула девушка. - Да лучше бегать босиком на раскаленной сковороде, чем жить во дворце.

– Ну вот мы все и решили, - подытожила Маура. – Мы с доной Маламоко подвезем тебя до площади Льва, там ты наймешь гондолу.

На скатерти появился бархатный кошель.

– Желаем тебе счастья с твоим, Джеронимо, синьорина Инкудине.

Ангела уже открыла рот, чтоб поправить, и тут же его закрыла, осознав, что имя ее возлюбленного названо верно.

С тишайшей моей свекровью мы беседовали в капитанской каюте. Босые ноги ласкал ворс длинного ковра, зад награждал занозами дурно сколоченный деревянный табурет. Сама синьора Маддалена расположилась напротив меня в удобном кресле.

– Я по–настоящему рада, что вы оказались живы, - начала я, наплевав на протокол. – Знаете, Голубка начала мне нравится, а подружиться с нею, зная, что она повинна в смерти матери Чезаре, я бы точно не смогла.

– Она вампир.

– Матушка, это как раз меня в ней невероятно привлекает. Познакомившись поближе с чудовищным князем Мадичи, я убедилась

в вампирской верности данному слову. Гнездо экселленсе стоит на страже Аквадораты уже не одно людское поколение.

– Князь, – фыркнула свекровь, – твой трепетный возлюбленный.

– Видите? – Моей улыбкой можно было сахарить фрукты. – Вы ненавидите вампиров, но основываетесь на мнение, которое попыталась внушить вам одна из них. Паола... На самом деле ее зовут Зара. Умнейшая из знакомых мне женщин, хитрая, смелая. Я хочу, чтоб она была на нашей стороне.

– Шпионка султаната.

– Наемная. Понимаете? С Селимом Великолепным ее связывает контракт. Его можно разорвать, выплатить неустойку, договориться.

– Опять интриги?

– Политика состоит из низ чуть менее, чем полностью. Остальное – искусство окружать себя правильными людьми. Давайте попробуем привлечь к себе Зару? Разумеется, я не забыла, что она покушалась на вашу жизнь, но тогда давайте вспомним о тех ее соплеменниках, которых лишили их мертвых жизней вы.

– Вампира нельзя убить полностью.

– Вы об этом упоминали.

– Я еще ничего не решила.

– Ожидаю с почтением. До рассвета? Просто, понимаете, у меня сегодня выпускные экзамены, и мне не хотелось бы на них опаздывать.

– А ты бойкая.

Я хихикнула:

– И сильная, и плаваю как рыба, а еще не глупа, и, если дело обстоит так, как я предполагаю, смогу подарить вам нескольких рыжих либо черноволосых внуков с глазами цвета спокойного моря.

Синьора Муэрто помолчала, глядя на меня с недоверием. Наконец велела:

– Подай мне вина, там в шкафчике у стены бутылка и бокалы.

С табурета я поднялась, испытываю облегчение.

– Позволите составить компанию?

– Какое вино, Филомена? У тебя же сегодня экзамен.

– Жажда, – я наполнила бокал до краев и с поклоном протянула тишайшей свекрови.

Она приняла:

– Посмотри там же, в глубине стоит кувшин с лимонадом. Жажду он утоляет превосходно. И возьми нормальный стул, табурет я использую в качестве подпорки, когда отстегиваю деревянную ногу.

Я пододвинула поближе к собеседнице кресло с мягкой бархатной обивкой, и села в него, предварительно расставив на столе емкости с напитками.

– Матушка превосходно держится, если бы не мужской наряд, я не заметила бы вашу... кхм... недостатку.

– Время и тренировки. Ногу мне оторвало пушечным ядром во время жаркой баталии. Это же ядро сделало меня капитаном, лишив жизни моего предшественника.

– Какой кошмар! А я о воображала, что матушка Чезаре – скромная монашка на острове Пикколо.

– Чезаре решил, что такая именно родительница лучше подойдет амбициозному политику.

– Он был прав?

– А я знаю? – фыркнула тишайшая свекровь. – В любом случае завтра ему придется показать меня Аквадорате. Слышала об эскадре караибских пиратов в ваших водах?

– Без подробностей. Зачем она приплыла?

– Карайбы, я сейчас имею в виду не острова, а море, иногда дарит своим детям видения. Мне подарило кошмар про увлекаемого в пучину кракеном сына, прочим... О, их видения были разнообразны. Я вдоволь о них наслушалась сегодня вечером на Совете капитанов. Но все видения недвусмысленно требовали сниматься с якорей и следовать в тишайшую лагуну.

– С войной?

– А я знаю? Эти болваны приплыли и легли в дрейф, ожидая велений моря.

– А вы?

– Велела им отправляться на боковую и видеть вещие сны, напутствуя описанием количества и качества аквадоратской боевой эскадры и описанием артиллерийской батареи, от залпов которой отделяет лишь приказ тишайшего Муэрто. Но полно об этом. Ты сказала, что родишь мне внуков.

– При исполнении некоторых условий, непременно.

– И что я должна для этого сделать?

– Вы? – я хихикнула. – Матушка, дети появляются, когда мужчина и женщина... Простите. В лимонаде точно нет алкоголя? Может он забродил?

Трость свекрови приподнялась и оглушительно грохнула об пол.

– Простите, – ещё раз пролепетала я. – Позвольте только сперва уточнить. История про форколских сирен, проклявших вашего сына, вранье?

– Да, - вздохнула матрона. – Есть такая детская болезнь, когда щеки распухают до абсолютно свиного подобия. Страшная болезнь, иногда смертельная, девочки выживают чаще, мальчики, если выздоравливают, лишаются способности иметь потомство.

– Какой кошмар!

– Я была счастлива, что Чезаре выжил, потом уговаривала себя, что все к добру, и именно последствия этой треклятой хворобы не позволяют наводнить наш остров бастардами.

– Это же чудесно!

– То, что твой супруг бабник?

– Что его не заклили сирены. Если прочие условия совпадут, мы с Чезаре отправимся на Форколу и будем умолять тамошнюю главу об излечении. Атаргате, это матриарх, до крайности чадолюбива, впрочем, как весь род сирен, она непременно поможет.

– О каких условиях ты постоянно твердишь?

– Желание его серенити, - я ощутила на щеках предательскую влагу. - Хотя, знаете, это не обязательно. Даже после развода, я обещаю уговорить Атаргате. Вы получите внуков, синьора Муэрто, а дож – наследника. Только... Нет, я не торгуюсь, честное слово. Пообещайте мне, пожалуйста, отпустить Паолу, то есть Зару. Я ее сегодня спасла, а у спасителя перед спасенным есть обязательства чести. Ну, вы знаете?

– Почему ты реवेशь? – спросила строго Матрона.

– Не знаю. Все так запутано! Мы поженились с Чезаре потому, что этого требовала политика. Я не хотела. Но потом...

– Тебе понравилось быть догарессой?

– Да. Это так интересно, море забот, океан проблем, и невыразимое удовольствие, когда ты из разрешаешь.

– Политика?

– Кажется, я для нее рождена. - Я знала, что синьора Маддалена ненавидит политику, знала, но продолжала говорить правду. – Это как быть частью сложного механизма, но лежать до поры до времени на столе мастера. И вот он ставит на место эту деталь, зубчики со щелчком входят в предназначенные для них пазы, и механизм приходит в движение. Понимаете? Я эта деталь и оказалась на своем месте.

– Чезаре, – вздохнула матрона.

– Он тоже деталь! Самая главная. Без него все рухнет.

– Глупые дети, играете в свою политику, будто в салочки. Этот «главный винтик» погряз в интригах, отправил меня из города в гробу, только бы не разрушать своей конструкции.

– Чезаре разве не включил в нее вас?

– Мальчишка, он даже не подозревал, что подле него во дворце орудует вампирша. Он искал шпионов султаната.

– Но вы не пожелали оставаться в стороне.

– Старая дура! Я ведь поняла, что Паола вампир буквально сегодня. Мы с Чикко провожали синьора Копальди... Кстати, спасибо тебе за мадженту. Это удивительно, но она каким-то волшебным образом умеет притуплять мои боли.

– Чудесно, – ревниво процедила я, сразу же этого устыдившись.

- Нет. Это и правда замечательно. Вы провожали Артуро?

– Он болтал что-то о саламандрах в связи с вампирами. О том, как крошка Чикко приводит в трепет чудовищного князя, и мне вдруг пришло в голову, что не только его. Я вспомнила ненависть синьорины Раффаэле к огненным ящерам, то, как она двигалась, стараясь огибать по большой дуге замковые камни, как опасно косилась на огонь, когда приходилось быть рядом. Синьор Копальди отчалил, а я позвала двух матросов, чтоб они прочесали пристани и привезли мне девицу с алой гондолы.

– Вы знали о лодке?

– От Артуро. Он несколько раз до этого отлучался в город и приносил сплетни.

Мне показалось, освещение каюты несколько изменилось. Я выглянула наружу, там разгорался рассвет.

– Вы что-то решили, матушка? Вампирша в обмен на внуков.

– Все-таки торгуешься?

– Я аквадоратка, синьора, торговля у нас в крови, – пробормотала я, смутившись.

– Внуки, вампирша. Что ты собираешься ей сказать?

– Предложу сдать подельников и подружиться со мной.

– Она согласится?

– Я бы согласилась. Прочие типы из ее команды навязаны Заре султаном, они не семья, не любовники и, подозреваю, даже не приятели. Я слышала ее разговор с одним из этих инородцев и, хотя слов не понимала, дружелюбием там даже не пахло.

Матрона помолчала, отпила вина, задумчиво посмотрела на стол, на табурет, в сторону двери.

– Ты ведь не любишь своего мужа?

– Как можно?

– Не юли!

– Как можно его не любить?

Свекровь недоверчиво хмыкнула:

– Такого красавчика?

– Такого его, – вздохнула я. – Чезаре как море, как солнце, как ветер.

– И как винтик?

– Да! – я начала горячиться. – Он как все это, и как что-то большее. Он самый умный, хитрый и справедливый из всех синьоров тишайшей Аквадораты, всего мира. Он тащит на своих плечах всю эту рассыпающуюся махину нашей благословенной республики, но умудряется сохранить в себе человечность. И да, он самый красивый, и самый желанный, и даже уродливая золотая шапка не может испортить его красоты.

– Шапка! – расхохоталась синьора Муэрто. – О чем бы кто не говорил, этой шапкой все заканчивается. Ладно, тишайшая невестка, забирай свою вампиршу, свою саламандру и ворох своих политических интриг.

– Матушка, – потупилась я, – Чикко я забрать не смогу, кажется, она сама выбирает с кем быть, поэтому, если она решит остаться с вами, вы же ее не прогоните?

– Не прогоню.

Обрадованная, я потопала к выходу, но на пороге остановилась:

– А давайте я приглашу вас с собой?

– В школу?

– На выпускные экзамены. Это торжественное событие, оно нисколько не запятнает вашего величия. Еще там обещал присутствовать его серенити, и толпа местных патрициев придет поддержать своих дочерей.

– И князь Мадичи, наверное, прилетит лицезреть свою серениссиму?

– Очень на это надеюсь. Лукрецио мой друг и я буду рада его видеть.

– Хитрая рыжая бестия.

– Ни капельки не обидно.

– Признайся, ты просто хочешь пустить всем пыль в глаза, явившись в школу со свекровью.

– Чутьочку, – призналась я. – А еще надеюсь, что, если после моих любовных признаний тишайший Чезаре все-таки захочет со мной разводиться, вы стукнете его своей тростью по золотой шапке.

Свекровь расхохоталась.

– Почти уговорила. Давай только уточним один вопрос : ты хочешь плыть в «Нобиле-колледже-рагацце» именно в мужской сорочке до середины бедер и с колтуном вместо волос на голове?

– Что? Здесь есть зеркало?

Синьора Муэрто махнула в сторону, я подбежала к стене, на которой висела пластина полированной меди. Кракен меня раздери! Мне нужна ванна и фрейлины и тысяча горничных. Немедленно.

Ванну я получила. Не сразу. Сначала свекровь хохотала, потом велела мне спуститься за Чикко с Паолой, потом принимала многословные извинения и покаяние последней. И только после этого позвала двоих матросов наполнить горячей водой лохань, стоящую здесь же, в каюте.

– Девицы, - командовала она, поглаживая Чикко, свернувшуюся на ее колене, - под койкой сундук, тащите его сюда.

Вампирша подцепила кованую ручку мизинцем и дубовая махина оказалась в центре каюты прежде чем я успела ахнуть. В сундуке были платья и туфли, и десяток разнообразных масок. Меня загнали в лохань,и пока я там практически варилась заживо, Паола (все-таки мне привычнее было называть ее именно так) разделась без тени смущения и стала обтирать тело влажной тканью. Голых

вампиров мне раньше видеть не приходилось, поэтому я сквозь облако пара пялилась на нее во все глаза. На ней не было нательных волос, то есть там, где у обычных женщин что-то там курчавится, у Паолы мраморно белело. А еще она стерла с лица и головы краску. И щеки тоже оказались бледными, а волосы – пепельными. По контрасту с черными бровями я яркими карими глазами, это смотрелось ошеломительно. В ней узнавалась та, старая, Паола, но как будто прошлая была всего лишь заготовкой, и теперь ее наконец довел до совершенства резец талантливого мастера.

– Это несправедливо, – громко сказала я. – Почему вампиры такие красавцы?

Свекровь фыркнула. Переодеваться она не захотела, поэтому ждала нас за письменным столом, изучая какие-то карты.

– Красавцы? – Паола подняла руки и покрутилась. – Никогда не замечала.

Алое с золотом платье пришлось мне в пору, вампирша выбрала себе черное с серебром, декольте открывало ключицы и ложбинку груди. Однако, с такими данными на ее фоне я попросту могу потеряться. Ну ничего, будем брать умом.

– Филомена, – она протянула мне маску Аквадораты. – Ты уверена, что мое присутствие в школе так уж необходимо?

– Разумеется. Доигрывать нужно до конца. Мы убедим дожа тебя простить.

– Я почти убила его мать.

– Ну не убила же.

– Между прочим, – напомнила свекровь, – я все слышу. Могу тебя разочаровать, лживая Голубка, но до «почти» там было ещё довольно далеко. Основная сила взрыва направилась в дымоход, так что кроме копоти и сбитой каминной полки никаких повреждений не нанесла.

– Но Артуро сказал, вы погибли, – возразила я.

– Он болван, этот Артуро. В постели я была без протеза, и, разумеется, не желала в этом признаваться, когда в спальню набежала толпа слуг. Поэтому я просто лежала, закрыв глаза, и ждала, пока мой сыночек примчится на помощь. Думала, он выгонит посторонних, я найду под кроватью треклятую деревяшку и мы отправимся в палатцу

Мадичи. Кстати, Паола. Этот твой сообщник, которому удалось бежать от князя, тоже вампир?

– Ах, нет, - Зара показала в улыбке ряд острых зубов. - Я предпочитаю не привлекать сородичей для работы. Доне Муэрто наверняка известно, что вампиры обитают гнездами, и связи внутри гнезда невероятно сильны. Обустроить свое я не намерена.

– Погоди, - припомнила я. – Но Лукрецио мне говорил, что Ньяга странно пах.

– Разумеется, – хмыкнула вампирша, - на нем был мой незамаскированный запах. И предвосхищая твои следующие вопросы, к допросу всех своих поделщиков готовила я лично.

– Завораживала?

– Именно. Уверена, этой древней развалине, вообразившей себя юным влюбленным, не удастся у них узнать ровным счетом ничего.

– А Ньяга? Что с ним?

– Барух? Переплывает море, спеша к владыке. Экселленсе удалось нагнать на него такого ужаса, что, уверена, новости о мощи аквадоратского гнезда немало расстроят султана. Спасать мальчишку, может и не стоило, рассказать он ничего не мог, но меня так разозлило ваше полуденное свидание с чудовищным князем, что, пока вы флиртовали, я пробралась в палатку и освободила Баруха.

– Флиртовали? – переспросила свекровь.

– И премило, - скривилась голубка. – Через прутья решетки, как влюбленные подростки.

Какая чудовищная ложь! Да несчастному Лукрецио пришлось с головой накрываться плащом, чтоб избежать губительного солнечного света. Где там этой шпионке примерещился флирт?

Я посмотрела на синьору Маддалену, ожидая упрека, но та мне подмигнула. Кажется, она расценила горячность султанской шпионки определенным образом.

Тем временем Зара, сменив тему, рассказывала, как на балу вступила в альянс с командором да Риальто, и он провел в служебные помещения палатку Риальто ее человека, того самого Ньяга.

– Афродизиак в тот день рассыпался щедро и всем подряд, – говорила она. – Его должна была получить Филомена, чтоб не сопротивляться страсти Эдуардо, сам наследник да Риальто, его дочурка и капитан Саламандер-Арденте. Я велела Баруху добавить

снадобье и тишайшему Муэрто, уже в личных целях, рассчитывая, что пока означенные парочки будут претворять в жизнь планы командора, я смогу уединиться с Чезаре. В моей беседе с командором участвовала ещё одна особа.

Карие глаза вампирши остановились на мне:

– Твоя, Филомена, подруга Маламоко. Ты знала?

– Могла предполагать.

– Подруга, – свекровь налила себе вина, – именно подруга.

– Ах, матушка, – проговорила я со вздохом. – Не насмехайтесь над бедным влюбленным юношей. Он всего лишь пытался защитить свою Мауру.

– Я повеселилась, когда, появившись в «Нобиле-колледже-рагацце» поняла, что не все живущие там благородные девицы – девицы, – Зара поправляла перед зеркалом прическу. – На балу твой Маламоко тоже предложил свои услуги командору, и должен был подсыпать афродизиак толстушке, сопроводив ее после в указанную спальню дожидаться кавалера. Представь себе мое удивление, когда через несколько часов этот шпион в танце принялся рассказывать старому Дино о встречной интриге тишайшего Муэрто.

– И ты отправилась с докладом к дожу.

– Мне показалось забавным лишить тебя фрейлины, если уж в этот вечер я своей цели все равно не достигну. К тому же, не проникшись симпатией к командору да Риальто, я решила не мешать гнезду Мадичи подкладывать свою куклу в постель Эдуардо.

– Это благородно, – решила я. – То есть, с твоей стороны. Блю имела свои резоны поступить именно так как поступила.

– Благородно? – фыркнула свекровь. – Резоны?

– Ах, матушка, она же гомункул, – пояснила я. – Этот вид граждан не особо популярен в Аквалорате, и ей пришлось решиться на брак с синьором да Риальто, чтоб увезти с острова свою семью. Может быть, лет через пятьдесят, или сто, наше общество станет более терпимо к существам иных рас и видов. Я этого, скорее всего, не застаю, но буду стараться изо всех сил это время приблизить.

– И начнешь с ассимиляции вампиров?

Значение слова я пока не знала, но уверенно кивнула:

– Это лишь первый шаг. К счастью, клан Мадичи богат и пользуется определенным уважением, скоро их перестанут бояться,

особенно, если они не заснут опять на столетия. Знаете, мы с экселленсе придумали ввести в городе плату за кровь, чтоб... Зара, голубушка, составь пожалуйста список всех, кого ты успела здесь покусать.

– Зачем?

– Ты им заплатишь за еду.

– Из каких денег? Задание я провалила и от султана ничего не получу. Более того, моя репутация уничтожена, и больше ни один из нынешних владык не наймет меня.

– Люди смертны, даже владыки, - утешила я. - Селиму мы оплатим твою неустойку и вернем в качестве подарка всех его шпионов, неплохо было бы их для этого изловить.

– Нам ещё не пора? - перебила свекровь.

– Еще минуточку, матушка. – Я повернулась к Паоле. - Составь список, дорогая, твою еду оплатит догаресса, это важно.

– Исполню, - вампирша присела в реверансе. - Сдержит ли дона догаресса свое обещание, если я одержу победу на экзамене? Потому что поддаваться тебе я не намерена.

– Она будет злиться, – пообещала я, - но быстро остынет. И да, дражайшая синьорина да Риальто, если ты собираешься у меня выиграть, не выдавай на экзамене по литературе юношеские стихи сестры Аннунциаты за свои, ее это расстраивает.

Зара рассмеялась:

– Так вот в чем причина ее ко мне небрежения! Наша монашка творила под мужским псевдонимом? А ваша Аквадората довольно забавное местечко.

– Рада, что тебе нравится, - сообщила я и предложила, - пойдемте, дамы, нас ждут великие дела.

В гондолу мы сели втроем, то есть, вчетвером, Чикко сновала между мной и свекровью, будто выбирая, с кем именно останется, наконец устроилась на входе мужского камзола синьоры капитана.

Ну и ладно, доне Маддалене она нужней, снимает ее постоянные боли. Только надо будет не забыть попросить для себя парочку детишек саламандр, если Чикко понесет.

К веслу встала Зара. Солнце не было ей приятно, но она не прикрыла лица. Мне казалось, что под кожей вампирши мерцают

серебристые блески. Через четверть часа свекровь одобрительно хмыкнула:

– Если тебе наскучит играть в интриги, Паола, моя шхуна ждет такого мощного гребца.

– Мы боимся воды, дона Муэрто, при первом же шторме я пойду на дно.

– И подождешь там, пока тебя вытащат.

Я улыбнулась, вспомнив, как спасала синьорину Раффаэле несколько часов назад. Она не дышала, но не была мертва. А к смерти оказалась близка, когда я собиралась делать ей искусственное дыхание. Смерть от поцелуя. Экселленсе это бы понравилось. Ах Лукрецио, какой подарочек я тебе приготовила! Влюбленную женщину твоего вида. Зара пока сама не понимает своих чувств, но нам со свекровью это прекрасно видно. Лукрецио и Зара? Почему бы и нет? По крайней мере, чудовищный князь перестанет на время искать смерти.

Хорошо. С этим я решила. Парочка намеков, недомолвки, устрою им неожиданное свидание в месте, которое им некоторое время не удастся покинуть. Светлый день, вода. Остров! И ни единой лодки. Я мысленно развернула перед собой карту лагуны. Остров «Башмачок», милое название. Сплаваю туда при случае, чтоб осмотреть мизансцену.

Опомнись, Филомена. Куда ты сплаваешь? В городе тебя ждет дож, обмахиваясь разводными бумагами как веером.

Не буду думать об этом. За что развод? Дона Муэрто жива, и я специально везу ее к тебе, стронцо Чезаре, чтоб выбить из твоих рук оружие. А ещё я брошусь тебе на шею и скажу, что люблю, и что согласна ждать, пока и ты меня полюбишь. Заметь, я сделаю это при десятках свидетелей.

Прижав ладони к горящим щекам. Я решила, что духу у меня на это представление хватит. Надо отвлечься. Паола. Ей нужен официальный статус. Тоже мне проблема. Он у нее есть : настоящая метрика. Потом она возьмет фамилию титул мужа...

Задумчивым взглядом я посмотрела на нашу кормчую.

Княгиня Паола Мадичи? Неплохо. Нет, мы добавим ещё имя. Паола Зара Мадичи. После одной из частей можно пренебречь.

Голубка расценила мой взгляд превратно, она сняла с пальца бриллиантовое кольцо Чезаре:

– Хочешь? Как плату за спасение.

– Мне не нужна плата, – вздернула я подбородок. - Тем более такая, навевающая неприятные воспоминания.

– О да, - подпустила свекровь привычную шпильку, взяв кольцо и внимательно его рассматривая, - первая любовь тишайшего супруга, Чезаре страдал довольно долго, неделю или даже дней десять. Помомская роза, сильная, смелая, страстная.

– Ах, синьора Муэрто, – протянула вампирша, не прекращая орудовать веслом, - в отличие от вас, я с этой дамой лично знакома. Ничего там не было, ни смелости, ни страсти, лишь жадность и распущенность. Его серенити напустил ей пыли в глаза, поднес перстень с огромным камнем. Она хвасталась мне, что одаривала кавалеров страстью, лишь в обмен на драгоценности.

– Но Чезаре ее полюбил. – возразила я.

– За ужимки и кривляния. Думаешь, почему я носила в школе ужасные платья и изображала скромность? Я притворялась этой притворой.

– Это могло сработать. Контрастом. Скромница, в груди которой бушуют чувства.

– Примерно как ты.

– Я скромница?

Мой громкий смех спугнул чайку, присевшую на ферро, железном набалдашнике носа гондолы. Появление прибрежных чаек говорило о близости города.

– Разумеется, - сказала вампирша. - Ты – скромный островной цветочек, вытворяющий черт знает что лишь вследствие невинности, а не по расчету. И в тебе, Филомена, океан страсти, и именно за этот чудовищный контраст тишайший Муэрто любит тебя.

– Это неправда.

О, как мне хотелось ей верить.

– Правда. Он не находит себе места, когда ты не рядом, ставит на кон все, если тебе угрожает опасность и ревнует к каждому, кто смеет одарить серениссиму хотя бы взглядом. Рыжая догаресса, лишь тоскуя по ней, тишайший приблизил к себе...

– Ангелу? - перебила я и похвасталась. - С горничной у него ничего не было. Она вообще обещана в жены синьору Копальди.

– Я могла догадаться, – пробормотала Паола. – Его серенити хранил свою безмятежность от моих попыток сблизиться.

– Все вы друг друга стоите! – громко сообщила дона Муэрто. – И ты, и Чезаре, и твоя кровососущая подружка, и Карло Маламоко, и толстушка Маура.

Размахнувшись, свекровь швырнула в волны кольцо синьорины Раффаэле:

– Значит, так тому и быть. Играйте, детишки, храните вашу общую безмятежность.

– Матушка, – мои глаза увлажнились слезами восторга, – это так символично, вы принесли морю драгоценную жертву.

– Что это с ней? – спросила синьора Маддалена вампиршу.

– Экстаз, – пояснила та. – Дона догаресса ощущает неразрывную связь с Аквадоратой.

– Ну и куда им разводиться, таким дуракам?

– Да никуда эту плаксу ваш сын от себя не отпустит.

И они синхронно вздохнули, с видом умудренным, но шутивным.

Для того, чтоб войти в канал «Нобиле-колледже-рагацце» нам пришлось миновать городской причал, и парапеты площади Льва. Зара умело лавировала меж гондол, я отвечала на поклоны и приветствия.

– Дона догаресса плывет в школу?

– Точно так, добрый гражданин.

– Ваша фрейлина, кажется, похорошела?

– Дона Раффаэле благодарна вам за комплимент, любезный Арлекин.

– Что за корсарка с вами, дона Филомена?

– Моя тишайшая свекровь синьора Муэрто, любопытный Вольто.

– Разве она не умерла? Догаресса может возвращать с того света?

– Умерла? Вы это слышали, матушка? – разводила я руками. – Или в Аквадорате был объявлен траур?

– Вон в той гондоле, – шепнула вампирша, – припоминают, что слухи о том, что матушка его серенити пират ходили довольно давно.

– Значит, наши новости никого не удивят?

– Люди обожают быть умными задним числом, – пояснила вампирша. – Они видят дону Муэрто, это вступает в противоречие с тем, что они знали, поэтому сразу начинают сочинять, что да, что-то такое уже давно подозревали.

У Нобиле канала был затор, гондолы, сталкиваясь бортами, толпились у узкого входа. Я поприветствовала родителей Мауры, свекровь окликнул черноволосый господин с сединой на висках:

– Маддалена, лопни мои глаза, ты решилась выйти в свет?

– Закрой рот, Фаустино, – любезно ответила та, и вполголоса сказала нам. – Дон Маламоко, батюшка Карло, тот ещё балагур.

– В стороны! – разнесся громкий клич. – Пропустите гондолу его серенити.

– Можно подумать, Аквадората не республика, – возразил кто-то неподалеку. – Ну дож, и что, не король ведь, пусть ждет со всеми.

– Тем более, дона догаресса никакой исключительности к себе не требует.

– И проявляет скромность, присущую великим правителям.

Граждане довольно громко роптали, и продолжали меня превозносить, но весла уже стучали в медных форколах, гондолы расступались, освобождая дожу дорогу.

Я обернулась, Чезаре стоял на палубе в своем золотом кафтане, у ног его сидела четверка гвардейцев, синьор Копальди правил, опершись ногой о борт.

Граждане, резко изменив настроение, приветствовали тишайшего Муэрто восторженными криками. Я молчала, язык прирос к небу. Ну же, Филомена, расстояние между вашими гондолами уменьшается, прыгай, бросайся на шею. Зрителей довольно.

Глаза мои встретились с глазами цвета спокойного моря, время растянулось в бесконечную рыбацкую сеть, и я попала в нее, ощущая, как она сворачивается вокруг моего неподвижного тела.

Никуда я не прыгну, не посмею. Потому что, если он мне откажет, умру в тот же миг.

Гондолу тряхнуло, подошвы золотых сапог стукнули о нашу палубу. Чезаре!

– Молчи! – приказал дож. – Матушка, рад видеть тебя в добром здравии. Дона... Раффаэле, тебя не рад, но поговорим после. Теперь ты.

Он взял меня за плечи и посмотрел прямо в глаза:

– Запомни раз и навсегда, капризная рыжая саламандра, никакого развода я тебе не дам, до самой своей смерти. Поняла?

Я попыталась открыть рот, но Чезаре заорал:

– Молчи. Ни слова.

Я смотрела на супруга и часто моргала. Он тяжело дышал, и, кажется, потерял нить разговора:

– Развода не дам, – пробормотал он негромко. – Да! И после моей смерти, Филомена, ты свободы не получишь. Так что о жизни веселой вдовушки забудь мечтать сразу. Дворцовые юристы об этом позаботятся.

– Чезаре запер этих крючкотворов в Пьомби перед отплытием, - сказал с соседней гондолы Артуро, обращаясь к синьоре Муэрто, - разумеется, они напишут все, что он им приказал.

Дож посмотрел на секретаря сурово, и вернул взгляд ко мне:

– И не воображай, что наш брак будет фиктивным. Ты станешь моей женщиной немедленно.

Подумав о зрителях вокруг, я вздрогнула. Немедленно? Прямо здесь?

– Да, я мерзавец, - кивнул дож, – тиран и чудовище, привяжу к себе любимую женщину, вопреки ее желанию, не смогу подарить ей детей...

– Это мы ещё посмотрим, - пискнула я, плечи болели от крепкой хватки, - стронцо Чезаре.

– Грязный рот.

– Так целуй, ты задолжал мне сотни поцелуев за эти «стронцо».

Глаза тишайшего дрогнули.

– Ну? - подначила я. - Или слухи о женолюбии его серенити ложь?

– У меня не было женщины с того дня, как я подобрал в водах лагуны рыжую куклу в коротком платьице.

– Похвально. Но я, представь, тоже тебе не изменяла.

– Они будут целоваться? - спросил кто-то нетрезвым басом. - Время-то не ждет, в полдень начнется экзамен. Что скажешь, Мария, плывем в Нобиле, пока тишайший скандалит с доной догаресой?

Не видная мне Мария визгливо отругала спутника:

– Все самое интересное пропустим. Его серенити собирается здесь не только целоваться.

Вокруг загоготали. Вампирша, поймав мой взгляд, оттолкнулась веслом от ближайшего борта и направила гондолу в Нобиле канал.

– Можно поговорить в другом месте? – спросила я шепотом супруга.

Чезаре меня поцеловал. Я слышала аплодисменты и крики, кто-то вопил:

– Супруги помирились!

– Стронцо Чезаре, – бормотала я, уткнувшись лбом в парчовую грудь, - чего тебе стоило исполнить свой великий супружеский долг на острове Николло?

– Тогда я думал, что смогу отпустить свою догарессу, что тебе без меня будет лучше.

Ответ звучал глухо, подбородок Чезаре упирался в мою макушку.

– Передумал?

– Да. Без тебя все бессмысленно. Ты уверена, Филомена? Ты сможешь меня полюбить? На острове ты сказала...

– Болван. Я люблю тебя.

– Что?

– И влюблена, и вождедею, и мучаюсь ревностью... Если ты, стронцо, хотя подумаешь о том, что бы мне изменить... Где, ты говоришь, твои юристы?

– Любишь? - спросил он громко. – Все слышали? Супруга только что призналась его серенити в нежной страсти!

Позер. И я растворилась в поцелуе, прерванный строгим голосом свекрови:

– «Нобиле-колледже-рагацце». Решайтесь, детишки, или сбегайте, чтоб резвиться без помех, либо, Чезаре, отпуская женушку держать экзамены.

– Сбежим? - шепнул Чезаре.

Я радостно кивнула.

– Филомена!

Обернувшись, я увидела на причальном пороге директрису в самой легкомысленной из ее сутан и невысокого рыжеволосого господина в зеленом камзоле.

– Батюшка...

Отец протянул мне руку, и буквально вздернул на площадку:

– Отправляя тебя в столицу, Филомена, я не ожидал, что на третьем году учебы, ты пристрастишься к авантюрам.

– Синьор Саламандер-Арденте, - Чезаре поздоровался первым, я любезность оценила, – прошу вас, не будьте слишком строги к доне догарессе.

А это уже походило на угрозу, не «к дочери», он упомянул титул.

Отец смутился:

– Простите, ваша серенити. Для Саламандер-Арденте невероятная честь породниться с тишайшим Муэрто.

Чезаре рассыпался в комплиментах моим манерам, которые мог привить мне лишь самый лучший из родителей, уму, и красоте, которую я, абсолютно точно унаследовала... Тут супруг запнулся, из двери школы, пригнувшись, чтоб не ушибить голову о косяк, показалась моя матушка.

Я приближение ее почуяла гораздо раньше, в ушах зашумело, и мыслеформы, толпясь и накладываясь друг на друга, сложились в картину тревоги, облегчения и радости встречи. Они прибыли в Аквадорату вдвоем – супруги Саламандер-Арденте. Братья остались на острове, Бьянка, она матушке не особо нравилась, была там же. Малышка Филомена вышла замуж. Какое важное событие, как жаль, что она не поделила его с матерью. Что за нелепица с форколскими сиренами? Атаргате возмущена наветом, и грозит... Тут мама мысленно рассмеялась. Не грозит, ты же знаешь Атаргате. Сирена лишь удивлена, что дож не рассказал ей о своей беде. Хотя, может, к слову не пришлось. Она вспоминает твоего супруга с теплотой, говорит, лучшего карточного шулера в своей жизни не встречала.

– Синьора Саламандер-Арденте? – поклонился дож. - Филомена не предупредила меня, что вы... русалка.

Мама посмотрела в его глаза цвета спокойного моря. Общаться мыслеформами получалось у нее не со всеми, но, кажется, Чезаре ее понимал. Подслушать не удавалось. Куда там мне, полукровке, до способностей настоящей дочери моря.

– Мне теперь понятна твоя любовь к нелюдям, – сообщила над ухом свекровь, и стукнула деревянной ногой о плитку, шагнув к моим родителям.

– Русалка? - шепнула Паола. - Настоящая русалка? Чезаре знал?

– Думаешь, он обидится? - встревожилась я. - На то, что не призналась сразу? Просто к слову не пришлось. К тому же, это не страшно. Русалки – одни из самых почитаемых существ во всех морских державах.

– Красавица, – сказала вампирша. – Волосами ты пошла в нее, папенька тоже рыжий, но оттенок совсем другой. Она отдала свой голос за возможность ходить по суше?

– Сирене Атаргате, форколские старушки специализируются на таких превращениях.

Паола вдруг схватила мой локоть:

– Изолла-ди-Кристалло? Послушай, я ведь знаю эту историю. Морской владыка пожелал отдать одну из своих дочерей за дожа Аквадораты, и в приданое положил волшебный хрустальный атолл. Но русалка влюбилась в простого моряка, и владыка, рассердившись, скрыл остров от людских глаз.

– Наверное, – пожала я плечами. - Разве это сейчас важно? Да и батюшка вовсе не моряк, а разводит огненных саламандр.

– Ученицам предписано занять свои места, – прокричала зычно сестра Аннунциата, свешиваясь из окна. - Драгоценные гости, родственники, друзья, к сожалению, скромные размеры нашей школы не позволяют нам пригласить всех внутрь, располагайтесь здесь, под окнами, я самолично буду оглашать вам результаты после каждого тура. Ваша серенити, мы просим вас занять место главы экзаменационной коллегии.

Дождь оторвался от беседы с любимой тещей, рог его золотой шапки едва достигал тещино плеча, и, запрокинув голову, сообщил сестре Аннунциате, что невероятно польщен приглашением, но вынужден отказаться, так как является лицом заинтересованным, попросил, чтоб к его супруге проявили строгость, невзирая на титул, пообещал предоставить «Нобиле-колледже-рагацце» более просторные помещения.

А потом повернулся ко мне:

– А тебя, Филомена, отшлепаю, если провалишь хотя бы один из предметов.

В причал ткнулся нос новой гондолы.

– Карла, Маура! – помогла я подругам подняться.

– Я беременна, – сообщила Панеттоне и уставилась на Зару. – Паола? Что с тобой случилось?

– Она вампирша, – Маламоко задвинула блондинку себе за спину.

– Потом, все потом, - я погнала всех в класс. - Голубку зовут Зара, но это не важно, мы теперь друзья. Панеттоне! Ты времени не теряла. Карла, поздравляю, и ума не приложу, как ты выкрутишься.

Экзамены оказались полной ерундой. То есть, для меня. Разумеется, веселье за окнами могло отвлечь, гостей там было столько, что гондолы покрыли канал подобно осенним листьям. При желании можно было пересечь улицу из конца в конец, не замочив ног. Публика ходила друг к другу в гости, выпивала и закусывала. Не было только музыки и фейерверков, но пробки хлопали поминутно, покидая бутылочные горлышки, и беседы, поначалу приглушенные, становились все громче.

Во время оглашения результатов первого тура, я выглянула через плечо директрисы. Супруг, услышав, что дона Филомена Муэрто стала первой по математике, заплотировал. К нему присоединились мои родители и свекровь, сидящие подле дожа в его гондоле, и все прочие граждане Аквадораты.

Вторым была литература. Нам дали тему «Женские добродетели» и час времени на ее воплощение. Перья заскрипели по бумаге. Я обернулась к Мауре, она рисовала рожицы, Карла, то есть Карло, сейчас с нами был абсолютно точно он, смотрел на белый лист остановившимся взглядом. Да уж, Панеттоне его знатно ошеломила. Мне стали понятны ее забавные пищевые эксперименты накануне.

Зара сочиняла стихи, это было заметно по коротким строчкам. Что же писать?

Когда время вышло, комиссия, из членов которой я знала только нашего учителя музыки маэстро Калявани, собрала работы и уединилась в кабинете директрисы для их изучения.

Я села на подоконник.

– Кажется, Чезаре понравился твоей матушке? – прислонилась рядом Маура.

– Она русалка.

– Ну да.

– Ты знала?

– Филомена, - Панеттоне вздохнула и обняла меня за плечи, – ты говорила, что синьора Саламандер-Арденте немая, рассказывала, как вы плавали с нею за многие мили без всяких лодок, чтоб поиграть с морскими коньками, и пыталась научить нас с Карлой общаться с тобой мыслеформами. Разумеется, мы знали, что твоя мать русалка.

– Замечательно, - выдохнула я. - Если Чезаре вздумает меня попрекать скрытностью, я скажу ему, что и сам бы мог понять.

– Не станет, - Маура посмотрела на дождь. – Кажется, он счастлив такой родней.

– Где твой «муженек»?

– Отправился сдаваться на милость своего батюшки.

– А твои родители так и не появились?

Девушка пожала плечами:

– Я нелюбимая дочь.

– Зато моя любимая подруга, - я крепко обняла свою фрейлину. – Мне так жаль тебя отпускать.

– Куда отпускать?

– Ты же в положении. Дворец вовсе не лучшее место для ребенка. Там попросту опасно.

– Какими мы будем родителями, если не сможем защитить своих детей?

Паола появилась у окна абсолютно бесшумно, прочие ученицы ее сторонились, не вполне привыкнув к новому облику.

– Филомена, тебя зовут к директрисе.

– Зачем?

– Кажется, твое эссе оставляет желать лучшего.

В крайнем раздражении я поднялась по лестнице, и уже намеревалась толкнуть кабинетную дверь, когда чьи-то сильные руки обняли меня, прижали к стене и Чезаре, жарко дыша, шепнул:

– Не могу больше терпеть.

– У меня экзамен!

– Плевать.

– Ты дож!

– Плевать.

– Кстати, где твоя шапка?

Супруг не ответил, потащил за собой к лестнице черного хода, наружу, по дощатой галерее, мимо палатки Мадичи. Чезаре успел не

только избавиться от шапки, но и снять парчовый камзол, оставшись в штанах и рубаше самого обычного вида, золотые сапоги смотрелись сейчас на нем престранно.

– Куда мы идем?

Мне не ответили.

– Лодка, здесь должна быть лодка...

– Поплывем во дворец?

Это была не гондола, а двухвесельный быстроходный ялик, Чезаре греб, я любовалась его лицом. Мой драгоценный супруг, мой красавчик дож, мой стронцо Чезаре.

– Не уверен, что смогу подобрать правильные слова, Филомена.

Я оживилась:

– Слова? Тебе помочь оправдаться в грядущем скандале? Скажем, что мне стало нехорошо.

– Тесоро, – Чезаре грустно улыбнулся, – ты всегда готова к бою, и всегда на моей стороне. Я тебя недостоин.

– Его серенити, – грусть в словах мне абсолютно не понравилась, – желает, чтоб я поиграла за соперников?

– Избави боже!

– Тогда объяснись.

– Я хочу просить у тебя прощения и не знаю, с чего начать.

– Начни с начала. Когда ты влюбился в меня?

– А ты?

– Влюбилась? Пожалуй, с первого взгляда.

– На палубе Бучинторо?

Я хихикнула:

– Гораздо раньше, синьор Муэрто. Дело было так : примерная ученица «Нобиле-колледже-рагацце» узрела в гондоле у окон школы некоего мужчину с глазами самого необычного цвета, и пропала.

– Врешь?

– Нисколько, мы же говорим о влюбленности, это абсолютно точно была она – интерес, желание, острая как кинжал страсть. Полюбила я тебя гораздо позднее, и не в один миг. Сначала меня восхитил твой острый ум, хитрость и простота, с которой ты умудряешься проворачивать самые фантастичные дела. Как это произошло с тобой? И куда, кракен тебя раздери, мы направляемся?

На второй вопрос мне не ответили.

– Когда я увидел твои колени.

– На отмели?

– Да! Нелепая рыжая куколка с самыми стройными ножками во всех обитаемых мирах. Не представляешь, скольких усилий мне стоило удержаться и не предьявлять телесных прав на свою супругу. И да, пожалуй, это была еще не любовь. Но со мною это произошло ментально. В миг, когда моя голая супруга прыгнула из окна дворца дожей, чтоб плыть к своему кракену, меня будто громом поразило.

– Как приятно, - расплылась я в улыбке.

– Что хорошего? Я отпустил любимую женщину навстречу неизвестности, и, не смотря на чувства, не отправился за ней.

– Ты дож!

– В том-то все и дело, тесоро. Я дож и обязан думать сначала об Аквадорате.

– За это твое качество я тоже люблю тебя.

– Девчонка.

– Почему? Потому что люблю тебя полностью? Или, что предпочла бы плыть к кракену в одиночестве, чтоб не подлаживаться под спутника?

– Я ведь тогда не знал, что ты русалка.

– Наполовину.

– К счастью, - хмыкнул супруг, – будь ты ростом с синьору Эву, твою матушку, я чувствовал бы себя с тобою несколько неуверенно.

– Глупости, – отмахнулась я. – Рост любви не помеха. посмотри, мой отец своей супруге по пояс, но это не помешало им завести шестерых детей.

– Скажи мне одно, – попросил супруг серьезно, – почему родители назвали вас всех на одну букву?

– Батюшка – заводчик, – пожала я плечами, – у них так принято. Ну, мы – один помет, понимаешь?

Чезаре расхохотался. Настроение супруга улучшилось, я решила этим воспользоваться:

– Обещай не наказывать Паолу, то есть Зару, которая ей притворялась.

– Дона Муэрто успела мне рассказать о планах доны догарессы.

– Обещай.

– Ладно, как пожелаешь. Но подельников ее я тебе не отдам.

– Ты их поймал?

– Разумеется. Для этого я и остался ночевать в «Райском местечке». Рыбки прекрасно заглотнули наживку, я, честно говоря, тоже сплоховал.

– Когда вернулся в спальню и не нашел своей Ангелы? – лукаво спросила я.

– Когда только на рассвете понял, что тебя похитила шпионка султаната.

Он рассказал мне, как Лукрецио проследил мой след до пристани, и, как сопоставив все факты, они догадались, что синьорина, притворяющаяся Паолой – вампир. Я поведала о своих попытках оживить утопленницу. Он, как решил после взрыва удалить из дворца всех, кто ему дорог, чтоб не подвергать опасности, и выжидал, когда шпионы султаната сделают ход.

Но это я и без того знала, поэтому слушала без интереса. Мы плыли, экзамены, наверное, уже подошли к концу.

– Из-за твоего нетерпения, – упрекнула я супруга, – титул первой ученицы достанется вампирше.

– Ну и что?

– Его хотела я.

– Зачем?

– Чтоб удачно выйти замуж.

– Сейчас ты замужем неудачно?

– Ладно, – махнула я рукой. – Ты выиграл. Пустим слух, что дож не пожелал, чтоб экзаменационную комиссию обвинили в предвзятости. Ну да, его серенити пообещал подарить школе новый дом. Досужие сплетники могли заподозрить подкуп, если бы дона догаресса выиграла. Тишайшая чета этого позволить не могла и догаресса сбежала, потому что второго места попросту недостойна.

Чезаре отпустил весла и поаплодировал:

– Мысли, присущие политику.

– Потому что я такая и есть! Понял, стронцо Чезаре? Я женщина на своем месте!

Супруг приподнялся с лавки, обнял меня и шепнул на ухо горячо:

– А теперь покажи мне, женщина, как умеешь плавать.

И мы рухнули за борт, не разжимая объятий и целуясь.

Разумеется, я плавала лучше некоторых дождей, но и он пытался не отстать. Закатное розовое солнце обрисовывало четкие линии острова Николло.

Мы выбрались на пляж, побежали, смеясь и брызгая друг на друга, к разбитому на берегу шатру.

– Это то самое место, Чезаре? – прокричала я. – Там где у нас не случилось то, что могло?

– Разумеется, тесоро, наша первая ночь не должна пройти во дворце. Сегодня здесь, под звездами, мы будем не дож и догаресса безмятежной Аквадораты, а мужчина и женщина, Чезаре и Филомена.

И мы стали ими, и все мои чудесные теоретические знания выветрились из головы в тот самый миг, когда она коснулась бархатной подушки. И мы любили друг друга без правил, так, как хотели, и как могли.

– Изолла-ди-кристалло, – вспомнила я, когда мы, обессиленные просто лежали, обнявшись и Чезаре гладил мои волосы, – эту проблему мы до сих пор не разрешили.

– Не думай сейчас об этом, любимая.

– Нужно расспросить маму, каким образом нам достался этот атолл.

– Она не понимает, – сообщил супруг небесам. – Придется удовлетворить женское любопытство.

– Ну? – спросили отнюдь не небеса.

– Дона Эва, – Чезаре потянулся и забросил меня поверх своего тела, – твоя, Филомена, матушка, должна была стать супругой дожа Дендулло, моего достойного предшественника. Но случилось то, что случилось, ее мужем стал твой отец, морской владыка решил, что волшебный остров...

– Меня не это интересует, – перебила я. – Это остров Теодориха Безземельного?

– Был когда-то, очень давно. Но наше первое и единственное величество передал его морю в обмен на пятьдесят лет безмятежности.

– Значит, его теперешний владелец не будет претендовать на престол?

– Ты испытываешь мое терпение, – сообщил супруг с нотками угрозы.

– Ответь!

– Претендовать может, – вздохнул Цезаре, поглаживая мои бедра, - в интриге часто важнее главенствующее мнение, а не правда. Но, поверь, моя серениссима, когда на столе окажется эта карта, мы найдем чем ее бить. Посмотрим, кто из Саламандер-Арденте подарит миру первого наследника.

Руки его делали с моим телом нечто недвусмысленное, отчего мысли стали путаться, я ахнула, отдаваясь ощущениям, но успела заметить под скулами Цезаре мерцающие руны Атаргате. «Спасибо, матушка», - подумала я. И больше уже ни о чем не думала.

ЭПИЛОГ

Девять месяцев спустя

Дождь тишей Аквадораты его серенити Муэрто принимал посольство султана Селима в большом зале. После подписания договоров о дружбе с Советом караибских капитанов, это событие должно было знаменовать еще большую дипломатическую победу республики. Дворец готовился к нему долгие недели, и теперь все придворные и большинство слуг наблюдали торжественный прием с гордостью и удовлетворением. Они толпились в зале, занимали все возможные стулья галереи, все балконы, балкончики и даже перила. Дона Филомена сидела подле супруга, ее приветственная речь, произнесенная на родном языке послов, вызвала умиление последних и восторг публики.

– Браво, – решил экселленсе, присоединившись к аплодисментам, – браво лучшей учительнице во всех обитаемых мирах.

Княгиня Мадичи широко улыбнулась, демонстрируя нечеловечески острые зубы:

– Ученица тоже постаралась.

– Зара, – донна Маламоко дернула ее за рукав, – мне, кажется, нехорошо.

– Началось? – и без того бледная вампирша буквально побелела. – Панеттоне, дурочка, я же говорила тебе остаться в постели.

– Еще рано, – простонала Маура. – Профессоре уверен... в конце месяца... Карло... Что это? Вода?!

– Прочь, – велела окружающим Зара и подхватила девушку на руки, без усилий неся ее к выходу с балкона. – Лукрецио, разыщи синьора Маламоко, он становится отцом.

Человеческий взгляд не может заметить движение вампира, если он по-настоящему быстр. Паола Зара Мадичи вихрем понеслась в спальню фрейлины.

– Лекарей доне Маламоко, – прошелестел князь ближайшему гвардейцу, и унесся в противоположную сторону.

Догаресса суету на балконе заметила.

– Поторопись, - шепнула она супругу, широко улыбаясь послам,
- я нужна Мауре.

– Обойдешься, – одними губами ответил дож, - восточные синьоры многословны и крайне обидчивы.

– Изобразю обморок, - решила Филомена и закатила глаза.

– Тогда я тоже лишусь чувств, - пригрозил его серенити.

– Ты выиграл, твоя безмятежность.

Чезаре благостно ей кивнул и, дождавшись небольшого перерыва, послы как раз отдавали распоряжения своей свите внести в залу многочисленные дары султаната, подозвал синьора Копальди.

– Дона Маламоко, кажется, с минуты на минуту подарит Аквадорате нового члена Совета десяти. Артуро, не в службу, а в дружбу... Серениссима тревожится.

Синьор Копальди отправился к фрейлинам. Маура ему была симпатична, чего не скажешь о ее супруге. Именно ее стараниями Артуро до сих пор мог наслаждаться своим холостым положением, тем более ценным, что во дворце дожей, кажется все уже успели связать себя узами брака. Он миновал несколько гвардейских караулов, стайку горничных, группу врачей.

– Ну что? – спросил он дону Мадичи, стоящую у двери спальни.

– С ней Карло, он, кажется, плачет.

– Это так жестоко, – прошелестел экселленсе, стоящий здесь же, - заставлять мужчину наблюдать муки деторождения. Обещайте, любовь моя, что, когда придет наша очередь...

Вампирша звонко расхохоталась:

– Мы поженились на прошлой неделе, ваще сиятельство. Какие ещё дети?

Экселленсе отвел взгляд, Артуро догадался, что «какие еще дети» им вполне ожидаемы. Сверхчеловеческое чутье главного Ночного господина не подвергалось сомнениям.

– Ваше сиятельство, - негромко спросил секретарь, – ходят слухи, что ваше гнездо пробудилось от опасности, угрожающей Аквадорате?

– Эти слухи верны, - ответил князь, незаметно сплетая пальцы с пальцами супруги. - Мы пробудились, опасность ушла.

– Теперь вы опять погрузитесь в сон?

– Не так скоро, синьор Копальди, - фыркнула княгиня. - Ваша серениссима позаботилась, чтоб у чудовищного князя появилось как можно больше земных дел.

– Остров Башмачок, – мечтательно прошелестел экселленсе.

Артуро это название не сказало ровным счетом ничего, но он готов был поклясться, что бледных щек Зары коснулся румянец.

Зара-Паола. О каких только слухов не ходило в городе о фрейлине догарессы. Она нравилась тишайшему Муэрто, настолько нравилась, что все во дворце подозревали адюльтер. Но вмешался Лукрецио Мадичи, совсем уж шепотом говорили, что об этом его попросила дона Филомена, измученная ревностью. Он обратил Голубку Паолу. Бедной девушке, получившей второе вампирское имя Зара, не осталось ничего, кроме как принять свою судьбу. Это смирение так впечатлило экселленсе, что он предложил страдальце брак.

В эту историю синьор Копальди не верил, но она ему нравилась. Еще ему очень нравилось, что свое бракосочетание Карло Маламоко провел с огромным синяком под глазом. Артуро сам вызвался быть шафером только затем, чтоб «приласкать» счастливого жениха, отомстив за тот скандальный поцелуй. Карло не сопротивлялся избиению. После они пожали друг другу руки. Руки подали, но осадочек остался. Теперь синьор Копальди невольно вздрагивал при виде любого Ньяга, которые попадались ему на глаза.

– Лукрецио! – ахнула Зара. - Это детский крик?

Князь потянул носом:

– Поздравляю, Маура разрешилась от бремени.

– Панеттоне! – к спальне, сдерживаемая длинными руками дожа, рвалась Филомена. – Панеттоне! Я здесь!

Двери распахнулись.

Маура лежала в постели, на груди ее вопил крошечный черноволосый младенец. Догаресса, неловко переваливаясь, подошла к кровати.

– Первый раз это больно, – сообщила ей счастливая мать.

– И не в первый тоже, – дож погладил круглый животик своей супруги и протянул свободную руку Карло. - Поздравляю!

Маламоко посмотрел на него мокрыми черными глазами:

– Это девочка!

– Замечательно, дружище! Ты молодец!

– Мужчины, – сказала Маура подруге, – все они в этом. Он молодец, как будто он орал от невыносимой боли...

Карло бросился на колени:

– Никогда больше я не подвергну тебя этим страданиям, любовь моя.

Ротик Мауры округлился, она вовсе не это имела в виду.

– Боюсь, Такколо, – улыбнулся дож, – наши женщины сами будут решать, когда и сколько наследников появятся под небом безмятежной Аквадораты. Нам с тобой только придется хранить эту безмятежность для них.

– Господа, – разбил, воцарившуюся после этих слов дожа, тишину голос лекаря, – вам поря оставить счастливую мать. Дона Маура еще слаба.

– Ты молодец, – расцеловала щеки подруги догаресса и прикоснулась губами к мокрой макушке ребенка. – Малышка Маламоко.

И все потихоньку покинули спальню, оставляя счастливую семью в их счастливом уединении.

– Интересно, – сказала Филомена, возвращаясь на праздник под руку с супругом, – успею ли я родить раньше чем Бьянка? Матушка писала, срок довольно большой.

– Какая разница, тесоро?

– Ну, я не отдала звание первой ученицы княгине Мадичи, так что могу рассчитывать хотя бы на королевский остров. Хотя, знаешь, Чезаре, ты прав. Какая разница? Синьорина Саламандер-Арденте и без того получила от жизни больше всех прочих синьор и синьорин, и больше, чем ожидала.

– Титул? – улыбнулся супруг.

– Тебя, тесоро, – Филомена остановилась и посмотрела ему прямо в лицо, – и эти глаза цвета спокойного моря.

Сопровождающие тишайшую чету терпеливо ждали окончания поцелуя, хотя длился он довольно долго. Аквадората благоволит влюбленным, наверное, потому что любовь так похожа на море.

Конец.